Кадетская
ПЕРЕКЛИЧКА

№ 39

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом, Нью-Йорк, США

№ 39 Нью-Йорк Ноябрь 1985

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine
Published by Association of Russian Cadets graduated outside of Russia, Inc.
New York, USA

—

Editor
Nicholas W. Koziakin

—

Administrator
Eugene Girs
85-59, 88th Street
Woodhaven, N. Y.
11421

—

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. Д. Матасов

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ.

В довоенный период 1914 года Россия цвела и духовно и материально. Она была богата гениальными и талантливыми людьми на всех поприщах науки, литературы, искусства; людьми — создавшими непревзойденную литературу, в наукѣ — мировую славу, в искусстве — образец для подражания. Одаренные личности имели свободу выразить свои мысли, свободу проявить свои дарования на всех поприщах духовного творчества, будь то писатели, артисты, художники, музыканты, ученые. В России была свобода вероисповедания, свобода слова и личная, индивидуальная неприкосновенность.

Россия укреплялась материально. Экономический подъем не ограничивался областью сельского хозяйства, но захватывал все отрасли народного хозяйства как в добывающей, так и в обрабатывающей промышленности. Необходимо напомнить также об одном факте, не всем известном, а именно: крестьянам принадлежала ВСЯ пахотная площадь в Азиатской России и 80% всей пахотной площади в Европейской России. Россия была житницей и кормилицей Европы вывозила пшенцу, ячмень, овес, лен, табак, масло, яйца, скот.

Россия росла и богатела, как численно, так и материально. В обиходе было неограниченное количество 5 и 10 рублевых золотых монет. Сумма вкладов в банки росла непрерывно, уровень благосостояния населения непрерывно повышался. Россия жила полной жизнью и достигла высокого уровня материального преуспевания.

Франция, как партнер Тройственного Согласия, интересовалась состоянием народного хозяйства своей союзницы России и, по поручению некоторых членов Кабинета Министров, известный французский экономист Эдмонд Тэри произвел обследование русского хозяйства. Отмечая огромные успехи во всех областях хозяйства России, он так заключил свои наблюдения: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912 год, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Столыпинская аграрная реформа 1906 года о единоличной крестьянской собственности с выходом из общины, дала огромный толчок к созданию крепких крестьян хозяев-хуто-

рян и тем самым и развитию сельского хозяйства. Английский писатель Морис Бэринг, проведший несколько лет в России и хорошо ее знавший, так писал в своей книге «Основы России» (1914 г.): «Не было, пожалуй, еще никогда такого периода, когда Россия более процветала бы материально, чем в настоящий момент, или когда огромное большинство народа имело казалось бы, меньше оснований для недовольства». Бэринг, наблюдавший оппозиционные настроения в обществе, замечал: «У случайного наблюдателя могло бы явиться искушение воскликнуть: да чего же большего еще может желать русский народ? Подробно изложив точку зрения интеллигентских кругов, Бэринг отмечает, что недовольство распространено, гл. обр., в высших классах, тогда как «широкие массы, крестьянство, в лучшем экономическом положении, чем когда-либо. То, что верно в отношении крестьян, верно в известной мере в отношении остальных слоев населения. Оно в настоящий момент процветает».

Хозяйственная самодеятельность широких народных масс выразилась в беспримерно быстром развитии кооперации. Для открытия потребительских обществ было достаточно разрешение местных властей. Уже к 1 января 1912 года число потребительских обществ приближалось к семи тысячам, причем сельские кооперативы составляли две трети общего количества. Отдельные кооперативы (напр., Об-во Забайкальских железно-доржных служащих) имели обороты по несколько миллионов рублей. Развитию кооперации весьма способствовала финансовая помощь Государства. Ссуды Госуд. Банка органам мелкого кредита достигали сотен миллионов рублей.

Но еще более существенным был сдвиг и стихийный рост народного образования. Государственная власть широко шла навстречу Гос. Думе, земствам и городам ежегодно увеличивая кредиты в деле осуществления всеобщего образования.

Пришла война. Россия встала на защиту родственной, православной славянской страны — Сербии. Огромный подъем патриотических чувств, любви к Родине и преданности Престолу пронесся по всей земле Российской.

Германия торопилась с войной, так как знала, что к 1920 году Россия закончит свою большую военную и морскую программу и тогда мечтам о проникновении на восток и завоеваниям славянских земель придет конец. Вооруженная до зубов Германия, со своими союзниками Австро-Венгрией и Турцией, надеялась сокрушить Россию в короткий срок, но

просчиталась, встретив жестокий отпор и принимая сокрушительные удары русских армий.

Прошло 2 года войны, были крупные победы, были тяжкие испытания, нервы страны напрягались; казалось, что войне не будет конца. К началу 3-го года войны в России почувствовался недостаток и нехватка многих предметов обихода, так как в первую очередь удовлетворялись нужды многомиллионной армии. Население сочувствовало лозунгу «Все для войны», но не в достаточной мере сознавало, что это сулит суровые ограничения для тыла; стали ощущаться тяготы войны — Россия не привыкла к товарному голоду и продовольственным ограничениям. Наиболее активная политическая среда, собенно марксистского и либерального направления, воспользовалась затрудениями и неудержимо полилась критика Правительства, раздувались недочеты, твердилось о «темных силах». В Гос. Думе говорилось о назревшем ограничении царской власти, высказывались требования о «министерстве доверия». Постепенно и с большим успехом создавалась атмосфера неприязни, недоверия и враждебности к царской власти. В народе уже не было единой мысли и единой воли к борьбе с внешним врагом; произошла утрата сознательного отношения к переживаемому тягчайшему моменту в жизни Государства.

Все воюющие стороны в разной степени переживали усталость от войны, но железная дисциплина военного времени в союзных и враждебных странах и строгая цензура в корне пресекали возникавшее недовольство. В России же борьба с открытым и скрытым недовольством велась амнистиями и ослаблением цензуры. Франция, к своему счастью, имела Клемансо, России же не хватало Столыпина.

Конец 1916 года. Только что закончился победоносный прорыв армиями ген. Брусилова долговременной, сильно укрепленной австрийской позиции. Взяты тысячи пленных, тысячи орудий. Дух войск был выше всякой похвалы и войска только ждали приказа, чтобы перейти в общее наступление по всему фронту. Русская огромная военная сила была снабжена всеми видами артиллерии и огнеприпасами, укомплектована и ни в чем не нуждалась. Россия гордилась, радовалась, всюду царило полное спокойствие и ничто не предвещало бури. В селах, станицах, хуторах, где ощущался недостаток рабочих рук, шла интенсивная работа и за свой труд крестьяне получали хорошее вознаграждение. Рабочие

на фабриках, получавшие громадные ставки и освобожденные от воинской повинности, работали у своих станков и не помышляли о каких-либо революциях.

И только в столице, либералы всех оттенков плели сплетни, распространяли море клеветы, занимались революционной пропагандой в рабочей и студенческой среде; на столичных заводах преобладающим влиянием пользовалась партия с.-д. большевиков. Солдатская масса, около 200-от тысяч новобранцев в запасных батальонах гвардейских полков — жила столичными слухами, общалась с рабочими настроенными пораженчески. В газетах солдаты читали речи и резолюции против правительства.

Измена бродила вблизи Престола, оправдывая себя патриотическими соображениями. В Гос. Думе шли дебаты, говорилось о необходимости «ответственного министерства»; соц.-революционер Керенский призывал перейти к открытой борьбе с властью.

В конце 1916 года, русское столичное общество, в своей наиболее политически активной среде, было охвачено желанием добиться перемены самодержавного строя. В разгар тяжелой, изнурительной войны, потрясшей все основы государства ,близоруким критикам перемена фундамента русской государственности казалась чем-то легким, простым, безболезненным.

22 февраля (1917) Государь уехал в Ставку, а 23 февраля начались уличные демострации, так как из-за снежных заносов замедлилось движение поездов и ощутился недостаток муки в пекарнях. Этот кратковременный недостаток был устранен выдачей муки из интендантских складов, но повод был найден и комитет с.-д партии большевиков Выборгской стороны столицы постановил использовать недовольство для организации всеобщей забастовки; забастовало 90,000 рабочих. 25 февраля волнения распространились на весь город. Шли митинги, произносились революционные речи с лозунгом «долой войну», всюду появились красные флаги.

В эти первые дни смуты, вместо того чтобы применить строгий закон военного времени и в корне, круто, сурово прекратить возникшие беспорядки, принявшие политический характер, — к демонстрантам было снисходительное отношение. Совет Министров не придавал демонстрациям особого значения и был занят конфликтом с Госуд. Думой. Думские настроения казались министрам более серьезными, чем улич-

ные беспорядки и бесчинства. И это недальновидное, лишенное здравого смысла отношение властей к событиям, — дало толчок к дальнейшему развитию бунта. Крайние левые, ненавистники царской власти, пользовались случаем для произнесения зажигательных речей на всех перекрестках; по заводам распространялся лозунг «Вся власть Совету Рабочих Депутатов».

26 февраля произошло столкновение толпы демонстрантов с полицией, казаками и вызванными им на помощь учебными командами некоторых полков; имелись убитые и раненые. Вечером того дня, председатель Думы Родзянко отправил генералу Алексееву телеграмму, прося доложить Государю, что причина волнений «полное недоверие к власти», и настаивал на образовании «правительства, пользующегося доверием всего населения».

27 февраля восстал запасный батальон Волынского полка, был убит начальник учебной команды и солдаты высыпали толпой на улицу. К ним присоединились солдаты Павловского и Литовского полков. К середине дня восставшие овладели большей частью города. Был занят Таврический дворец, в котором обычно заседала Госуд. Дума. Там был образован «Временный Комитет» из представителей умеренных и левых депутатов.

В тот же день и в том же здании Гос. Думы депутаты-социалисты и представители крайне левых партий образовали «Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов». По всем заводам были разосланы «верные люди» и рабочим предлагалось немедленно произвести выборы в Совет. Вечером того же дня состоялось первое собрание этого Совета Рабочих Депутатов.

Председателем Совета был избран Чхеидзе, соц.-дем. Один за другим на трибуну выходили представители восставших полков и обещали «защищать революцию». Был выбран «Исполнительный Комитет» Совета, где руководителями стали левый С.-р. Александрович, Суханов (Гиммер) и Стеклов (Нахамкес) большевик.

В этот день, 27 февраля, Государственная Дума перестала существовать как реальная величина, но ее имя оказалось весьма сильным орудием в руках революционных сил. От имени Временного Комитета Думы по всей стране рассылались телеграммы, изображавшие положение в совершенно искаженном виде. В то время, когда грузовики с красными фла-

гами, переполненные солдатами и вооруженными рабочими, носились по столице; когда группы солдат бродили по улицам, стреляли в воздух и кричали «довольно, повоевали», — Временный Комитет занялся пропагандой. Был выпущен, одновременно с «Известиями Совета», листок в котором давалась версия событий: все, будто бы, началось с «указа» о «роспуске» Думы; Дума не подчинилась, «народ» ее поддержал, полки присоединились к народу и предоставили себя в распоряжение Думы. Это писалось в то время, когда Дума, вообще, уже не могла собраться, когда в ее помещении уже заседал другой, самочинный «парламент» — Совет Рабочих Депутатов, а от имени Родзянко, председателя Думы, объявлялось, что Гос. Дума взяла в руки создание новой власти.

При первом известии о военном бунте, Государь решил отправить в Петроград генерала Н. И. Иванова, популярного в армии, с чрезвычайными полномочиями для восстановления порядка. Он распорядился, чтобы одновременно с трех фронтов было отправлено по две кавалерийских дивизии, по два пехотных полка из самых надежных, и пулеметные команды.

Отдав все распоряжения об отправке войск на Петроград, Государь решил сам выехать в Царское Село, чтобы быть в центре событий на случай необходимости быстрых решений. Этот отъезд из Ставки оказался роковым.

28 февраля в столице царила анархия, в Кронштадте восставшие матросы убили адм. Вирена и многих офицеров, остальных заточили в подземные казематы. Единственной фактической властью был Совет Рабочих Депутатов. Но кто-то сообщил в Ставку совершенно иные данные, которым ген. Алексеев, очевидно, поверил, а именно: «28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному Правительству под председательством Родзянко».

Эти явно ложные сведения, сообщенные кем-то в Ставку, сыграли огромную роль в дальнейшем ходе событий. Сообщения со ссылкой на «достоверные источники» были приняты без проверки, что граничило с легкомыслием. Сведения о «благополучном» течении событий были переданы из Ставки всем командующим фронтами, причем в телеграмме ген. Рузскому добавлялось чтобы доложить Государю убеждение, что «дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию».

Государь провел 28 февраля в дороге, не получая новых известий. В ночь с 28 февраля на 1 марта в 150 верстах от

Петрограда, на ст. Малая Вишера, царские поезда были остановлены, так как на следующей большой станции, Любань, были «революционные войска». Охрана поезда была сочтена недостаточной для вступления в вооруженную борьбу. Царские поезда были направлены в Псков, в ставку командующего северным фронтом ген. Рузского, куда Государь прибыл вечером 1-го марта, после 4 часов, проведенных в пути.

В Петрограде за это время революционные элементы уже успели организоваться. В название Совета Рабочих Депутатов было вставлено «и Солдатских». Фактическая власть принадлежала крайне левым: Стеклов (Нахамкес) был могущественнее чем Родзянко. Совет Рабочих Депутатов, на заседании 1-го марта, постановил принять меры для обеспечения интересов «революционных солдат». Была составлена резолюция под названием «Приказ № 1». Этот «приказ» состоял из семи пунктов. Солдатам предписывалось:

1) Избирать полковые, батальонные и ротные комитеты;

2) Выбирать депутатов в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов;

3) В политических делах слушаться только Совета и своих комитетов;

4) Думские приказы исполнять только, когда они не противоречат решениям Совета.

5) Держать оружие в распоряжении комитетов и «ни в коем случае не выдавать его офицерам даже по их требованию».

Последними двумя пунктами объявлялось «равноправие» солдат с офицерами вне строя, отмена отдания чести, титулования и т. д.

Этот приказ, немедленно проведенный в жизнь в Петроградском гарнизоне, — был издан 1-го марта, и на следующий день появился в «Известиях Совета». В это время между Исполнительным Комитетом Совета и Думским Комитетом происходили переговоры о составлении Временного Правительства. Фактически партия социалистов овладела Петроградским гарнизоном и по этой причине сделалась хозяйкой положения, что однако не помешало Родзянко телеграфировать 1-го марта генералу Рузскому и сообщить, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Госуд. Думы». Сам Совет всячески поощрял это заявление, так как стремился использовать авторитет Думы в качестве прикрытия и опасался военного движения

на Петроград. Совет Рабочих и Солдатских Депутатов предлагал Думскому Комитету взять власть в свои руки, — т. е. открыто поощрял порвать с законностью.

Отряд ген. Иванова достиг вечером 1-го марта Царского Села. По пути железнодорожники пытались задержать поезд, но угроза полевым судом оказалась достаточной.

Положение в Петрограде не оставляло сомнений в том, что никакие политические меры, никакие уступки не могли прекратить анархический солдатский бунт против войны. Только подавление этого бунта могло еще остановить начавшийся развал и дать России шанс продолжать войну. Верные войска еще имелись на фронте: от командующего 3-м конным корпусом ген. графа Келлера и от гвардейской кавалерии посланы были Государю в эти дни выражения готовности за Него умереть; офицеры л.-гв. Преображенского полка в Могилеве заявили, что солдаты держали себя твердо и охотно грузились в вагоны, когда 1-я гвардейская дивизия получила приказ идти в Петроград для подавления беспорядков. Были, конечно, и другие части, верные долгу.

В лагере восставших царила тревога. Свидетели отмечают, что достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Его можно было усмирить простым перерывом ж.-д. движения с Петроградом, ибо голод через три дня заставил бы Петроград сдаться. Но победить анархию мог только Государь во главе верных ему войск, а не «Ответственный кабинет» из Думских деятелей, находившихся во власти Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Вообще, всякое правительство, образованное в восставшем Петрограде, было бы пленником солдатской массы.

Между тем, руководители армии, — как ген. Алексеев, так и ген. Рузский, — имели совершенно ложное представление о происшедшем. Они верили, что в Петрограде правительство Гос. Думы, опирающееся на дисциплинированные полки. Они не знали, что все движение происходит под красным флагом. Ради возможности продолжать внешнюю войну, они хотели, прежде всего, избежать междуусобия. Они верили, что в Петрограде есть с кем сговориться.

В тот самый час, когда отряд ген. Иванова подходил к Царскому Селу, а Совет Рабочих Депутатов принимал «приказ № 1», — Царский поезд прибыл на Псковский вокзал. Командующий северным фронтом, ген. Рузский, доверяя сведениям полученным из Ставки, считал, что в Петрограде по-

рядок, что там уже действует монархическое Временное Правительство во главе с Родзянко.

В тот же вечер, 1-го марта, Государь имел с ген. Рузским разговор, продолжавшийся несколько часов. Ген. Рузский доказывал необходимость ответственного министерства; Государь возражал, говоря: «Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, будут ли ответственны министры перед Думой и Государственным Советом, — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело». Государь высказывал свое убеждение, что общественные деятели, которые, несомненно, составят первый же кабинет, все люди неопытные в деле управления и, получив бремя власти, не сумеют справиться со своей задачей.

Неизвестно какими доводами ген. Рузский добился согласия Государя на «ответственное министерство». Известно одно: еще во время этого разговора, от имени Государя (в 12 ч. 2 мин. ночи с 1 на 2 марта) была послана ген. Иванову телеграмма: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать». В то же время ген. Рузский своей властью распорядился прекратить отправку войск в подкрепление ген. Иванову и вернуть обратно уже отправленные эшелоны. То же распоряжение было отправлено в отношении частей предназначенных к отправке с Западного и Юго-Западного фронтов. В Ставку было сообщено, что Государь соглашается поручить Родзянко составление кабинета «из лиц, пользующихся доверием всей России».

Сам Родзянко в это время находился под бдительным надзором представителей Совета Раб. и Солд. Депутатов. Он хотел выехать к Государю, но ему отказали предоставить поезд. Революционеры боялись, что Родзянко перейдет на сторону «врага». Их тревожило и беспокоило движение войск с фронта.

Наконец, в 3 часа 3 мин. утра 2-го марта, Родзянко пустили на телеграф. Ген. Рузский сообщил ему, что результат достигнут: Государь поручает председателю Думы составить министерство доверия. Но в тот момент это сообщение уже звучало иронией для Родзянко и он передал ген. Рузскому, что необходимо немедленно прекратить отправку войск с фронта, иначе нельзя сдержать войска гарнизона, не слушающие своих офицеров и что раздаются грозные требования отречения в

пользу Наследника при регентстве Михаила Александровича.

Тогда только ген. Рузский понял, насколько он заблуждася относительно положения в Петрограде, не будучи точно осведомленным об истинной обстановке. Ошеломленный заявлением Родзянко о необходимости отречения Государя от престола, он предупредил Родзянко, что такое решение может вызвать потрясение в армии и нарушить все усилия к активным действиям весной, кроме того, что всякий насильственный переворот не может пройти бесследно и анархия перекинется в армию. Родзянко стал заверять, что «при исполнении требования народа, все пойдет отлично» и что «народ хочет довести войну до победного конца» и что «армия не будет ни в чем нуждаться», что «переворот может быть добровольный и вполне безболезненный для всех».

Ген. Рузский тотчас сообщил об этом разговоре ген. Алексееву, а тот, со своей стороны, разослал (в 10 час. 15 мин. утра 2-го марта) командующим фронтами циркулярную телеграмму, передавая слова Родзянко о необходимости отречения Государя. «Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу династии». Начальник штаба Государя предлагал командующим фронтами, если они с ним согласны, немедленно телеграфировать об этом Государю в Псков.

Вел. Кн. Николай Николаевич писал, что необходимы «сверхмеры» и что он, как верноподданный, коленопреклоненно молит Его Величество «спасти Россию и Вашего Наследника... Осенив себя крестным знамением, передайте ему Ваше наследие. Другого выхода нет».

Ген. Брусилов просил доложить Государю, что единственный исход — «без чего Россия пропадет» — это отречение. Ген. Эверт указывал, что «на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков расчитывать нельзя; поэтому он, верноподданный, умоляет принять решение «единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии».

Ген. Сахаров, начав телеграмму с резких слов по адресу Думы (разбойная кучка людей... которая воспользовалась удобной минутой), кончал: «рыдая, вынужден сказать, что решение пойти навстречу этим условиям наиболее безболезненный выход».

Ген. Алексеев присоединился к этим просьбам и умолял

Государя «безотлагательно принять решение из любви к Родине, ради ее целости, независимости, ради достижения победы».

Заблуждения генералов Алексеева и Рузского относительно истинного положения в Петрограде были искренними и не вызывали сомнений. Но уже 3 марта рано утром ген. Алексеев сказал, что никогда не простит себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму командующим фронтами по вопросу об отречении Государя от Престола.

Ген. Рузский очень скоро потерял веру в новое правительство и почувствовал, что в своей длительной беседе с Государем вечером 1-го марта поколебал устои Трона, желая их укрепить. Глубоко страдал нравственно до конца своей жизни и не мог, без волнения, говорить о трагических днях 1 и 2 марта. (Генерал был расстрелян большевиками в октябре 1918 года).

Дав согласие на передачу власти другим — тем, кто по Его убеждению, не сумели бы справиться — Государь уже не стал колебаться, когда ген. Рузский сообщил Ему телеграммы командующих фронтами по вопросу об отречении. В 2 часа 30 мин. дня телеграммы были отправлены из Ставки; в 3 часа дня уже Государь ответил согласием. «Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России я готов отречься от Престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно» — ответил он ген. Алексееву. В телеграмме на имя Родзянко говорилось: «Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения России».

С прибывшими представителями Думского Комитета Государь не стал вступать в разговор, а лишь спокойно объявил им свое решение и вручил им текст манифеста, помеченный 2-м марта 3 часа дня. Манифест начинался словами: «В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание. Начавшиеся внутренние волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее нашего Отечества требуют доведения войны, во что бы то ни стало, до победного конца... В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное

единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний, и помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России».

Представители Думы не могли ни возражать, ни спорить, хотя передача власти Вел. Кн. Михаилу Александровичу была для них неожиданной... Был двенадцатый час ночи; но манифест был помечен «3 часа дня» — час, когда Государь принял решение отречься. Сына своего Государь не пожелал доверить новому правительству: Он знал, что малолетний монарх отречься не может, и что для Его устранения могут быть применены иные способы.

3-го марта последовал отказ Вел. Кн. Михаила Александровича от принятия Верховной власти и призыв его подчиниться Временному Правительству, возникшему из депутатов Государственной Думы.

Так нелепо, так бессмысленно и неожиданно прервалось многовековое историческое и традиционное течение русской жизни. Авторитетом царской власти Россия не раз находила спасение и выходила из тяжелых испытаний. Но, в феврале 1917 года высший авторитет Царя был уничтожен обществом Его окружавшим и Русский народ, в веках преклонявшийся перед величием царской власти, — отверг Царя. Промысел Божий уготовил России тяжкие испытания, бедствия и страдания.

От трагических событий 1917 года прошло уже 68 лет, — срок небольшой в свете исторических мировых событий, но очень значительный в жизни каждого человека. Живых свидетелей тех дней осталось считанное число и скоро голоса

их заглохнут навеки. Новые поколения в России не знают правды о событиях, безобразно искаженных в выгодном для узурпаторов свете; лишь заграницей еще существует мемуарная литература, да и то не всегда доступная. Мне довелось быть живым свидетелем тех дней, будучи учеником 6-го класса гимназии, и, в дальнейшем, скромным участником наступивших событий, маленькой песчинкой в Российской песчаной буре.

Временное Правительство, оказавшись у призрака власти, пошло по пути непристойных уступок черни и требованиям Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Руководителями Совета были социалисты (но не рабочие и не солдаты). Число большевиков еще было незначительно, но вот 16 апреля, на Пасху, с большим почетом приехал отброс нации — Ленин со своими 28 приспешниками и на Финляндском вокзале в Петрограде был встречен военным оркестром, почетным караулом и главой Совета Чхеидзе, соц. дем. Приезд Ленина в Россию был организован немецким правительством, снабжавшим этого предателя и его большевистскую пропаганду большими средствами еще с 1915 года. Весь путь его из Цюриха шел через Германию и проходил в специальном вагоне и не смел подвергаться никакому осмотру, а затем через Швейцарию и Финляндию. Приезд этого ядовитого ренегата, или, как выразился Винстон Черчил — «бациллы чумы из Швейцарии», — имел пагубное влияние на развитие дальнейшего разложения армии и флота. Уже на вокзале, Ленин обратился к толпе со словами: «Товарищи солдаты, матросы, рабочие — вы авангард мировой пролетарской революции... война должна быть немедленно окончена»... Этого, как раз, и нужно было немцам; наймит старался не за страх, а за совесть.

Вслед за первой партией с Лениным, прибыли через Германию другие разрушители России в числе 159 человек — соц.-демократы, соц.-революционеры, члены еврейского Бунда и др. эмигранты. В числе их был и Войков — будущий участник убийства Царской семьи в 1919 году.

Большевики, получив свободный доступ к войскам, слали на фронт опытных агитаторов от имени Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Кто такие большевики и почему они так называются, никто на фронте не знал, но потому что они были посланы от солдат и рабочих и одеты в рабочие блузы, к ним в окопах и комитетах было доверие. Еще большую смуту вносили на фронте газеты и листовки. Пачками их пе-

ребрасывали немцы в наши окопы, и кипами доставляли большевики; в полном единомыслии шла германо-советская пропаганда о немедленном окончании войны, о разделе помещичьих земель, о выгоде войны для буржуев и капиталистов, о недоверии к офицерам, которые стоят за царя и старый режим и прочий вздор, клевету, подстрекательство. Так понималась свобода слова вождями революции.

У солдат стала быстро наростать недоверчивость и вражда к офицерам. Строго налаженный воинский уклад жизни был нарушен и разрушен. Свободу толковали как освобождение от всяких обязательств и отождествляли ее со своеволием и полным произволом. Офицеры бороться со всеми проступками были уже бессильны: они были лишены всякой дисциплинарной власти, перешедшей к комитетам и «самоуправлению». Наступило безначалие; но было полное затишье и фронт держался еще по инерции. Боеспособность, еще недавно грозных, доблестных воинских частей, была сведена почти к нулю. Развал прогрессировал, но уже зародились первые признаки борьбы за спасение России.

Офицеры ясно видели, что солдаты отравлены пропагандой и в восстановление боевой мощи армии уже никто не верил. Но, во многих частях возникла мысль, что только личный жертвенный пример может увлечь за собой солдат. Такие офицеры, по своей инициативе, стали собирать около себя боевых солдат, которые явно не сочувствовали развалу армии. Сформированные отряды носили разные названия: «ударные части», «дружины смерти», «революц. батальоны» и т. д. Так зародились первые ростки добровольческого движения. В боях, ударники без колебания, бросались в атаку, но, без поддержки погибали перед вражескими окопами. Только на Юго-Западном фронте сохранился такой отряд, сформированный капитаном Ген. Шт. Неженцевым. Разрешение а формирование он получил от ген. Корнилова, в то время командующего 8-ой армией.

Неженцев сколачивал свою часть набирая отовсюду добровольцев; к офицерскому составу он привлек своих единомышленников и неукоснительно требовал быть всегда для солдат примером долга и порядка. К июню отряд уже насчитывал около трех тысяч штыков, три пулеметные команды и сотню Донских казаков. На смотру ген. Корнилов вручил кап. Неженцеву знамя красно-черное полотнище, на котором белели слова: «1-ый ударный отряд». Генерал обратился к ударни-

кам с краткой речью, говорил об Отечестве, о воинском долге и так задушевно и просто, что полонил души ударников. С тех пор они стали называть себя «Корниловцами».

В отличие от социалистов «пораженцев» типа Ленина, стоявших за немедленный мир с Германией, — социалисты «оборонцы», как и русская общественность стояли за верность союзникам Англии и Франции и продолжение войны до победного конца. Одного только «соц. оборонцы» не хотели понять и признать, что развращенная ими армия не является и тенью царской армии, и воевать неспособна. Несмотря на оппозицию командующих армиями, Керенский приказал 8-ой армии перейти в наступление в июне месяце, будучи уверен, что «самая демократическая армия в мире» одержит победу. Назначенный к нанесению удара 12-ый корпус, по постановлению солдатского комитета, отказался идти в атаку, пока не будет уничтожена группа тяжелых орудий, обстреливающих наши окопы. Комитетчики, не без злорадства, добавили: «пусть Корниловцы возьмут эти орудия».

Атака Корниловцев началась под вечер и с такой стремительностью, что в короткое время неприятель был выбит изо всех окопов; в плен сдалось около тысячи австрийцев, захвачены 4 тяжелых орудия и 2 легких. Тогда в прорыв двинулся 12-ый корпус, а Корниловцы отведены в ближайшую лощину, в резерв корпуса, где и подкрепились из захваченными ими австрийских кухонь. Но отдохнуть им не пришлось, так как неприятель двинул в контр-атаку отборную немецкую дивизию и «самые свободные в мире солдаты» обратились в бегство. Навстречу цепям немцев бросились Корниловцы и восстановили положение. При преследовании немцев, были захвачены пленные и пулеметы. Сами Корниловцы потеряли около трехсот ударников, из коих сто были заколоты штыками. Ген. Корнилов прислал Корниловцам благодарственную телеграмму, а 29 июня, перед развернутым фронтом Отряда объявил, что военный министр Керенский приказал раздать по пяти Георгиевских Крестов на роту. Но, Неженцев, уже в чине полковника, отрапортовал, что Корниловцы отказываются от крестов, так как выделить отличившихся нет никакой возможности. «Я так и думал» — ответил ген. Корнилов.

После победоносно начатого Корниловцами наступления, 8-ая армия прорвала на 80-ти верстном протяжении фронт-австро-венгерцев. Было взято до 10 тысяч пленных, 100 орудий. На помощь своим союзникам немцы подвезли подкрепле-

ния и предприняли контр-удар. И вот в те дни, когда тыл ликовал по случаю победы, противник 18 июля, ночью под самое утро, обрушился всей силой своей артиллерии на позиции 6-ой Сибирской дивизии и на соседний Млыновский полк, а при утреннем ветерке пустил газ. Наша артиллерия в свою очередь осыпала немцев газовыми снарядами. Были надеты маски и по всему фронту, с обеих сторон, запылали костры. Сибиряки точно вросли в землю и крепко держались, но революционные солдаты Млыновского полка не выдержали и бросили окопы. В образовавшийся прорыв, вдоль реки Серета, хлынули немцы, выходя в тыл 11-ой армии. Обойденные войска дрогнули, у них сразу надломилась всякая сопротивляемость и при малейшем нажиме противника они оставляли свои позиции, бросали оружие и беспорядочной толпой устремлялись в глубокий тыл. Все попытки задержать противника были тщетны и из Тарнополя была спешно вызвана бригада Великого Петра. Целую ночь под проливным дождем шла бригада к деревне Мшаны. Под утро, когда Преображенцы утомленные переходом, спали крепчайшим сном, — сторожевое охранение забило тревогу: немцы продвигались к деревне. К командующему полком бежал офицер, крича на ходу: «немцы в деревне»... «в ружье». Полковник Кутепов был уже на ногах и отдаавл краткие распоряжения. Немцы уже проникали в северную окраину деревни, где был расположен 3-ий батальон. Оттуда донеслись сигналы атаки. Штаб-горнист 2-го батальона подбежал к полк. Кутепову, который немедленно отдал приказ заиграть атаку для 2-го батальона.

Быстро близился встречный бой Первого полка Российской Императорской армии с 8-м гренадерским Имп. Александра 1-го Баварским полком. Вот как описал и засвидетельствовал эту встречу М. Критский:

Исполняя приказ полк. Кутепова на середину улицы выбежали горно-флейтисты. Вспыхнули медным отливом поднятые горны и затрубили — «слушайте все». В утреннем воздухе где-то за бугром отдало эхом — слушайте все... На мгновение все замерло. С последней умирающей вдали нотой снова сверкнула медь, и могучие звуки 12-ти горнов уже властно звали гвардейцев в контр-атаку.

Раздались отрывистые команды. Затопали сотни ног. Через заборы, плетни, из боковых проходов устремились Преображенцы навстречу германцам. В воздухе задрожало ура... Победный крик подхватили роты, стоявшие в резерве, и без

команды ринулись туда же. Германские цепи дрогнули не выдержали и порвались.

Немцы были отброшены на 2-$2^1/_2$ версты от деревни. Но, снова с большими силами переходят в атаку. На помощь Преображенцам двинулся 2-ой батальон Семеновцев. Упорный бой снова разгорелся перед деревней. Наконец, к полудню командир бригады отдал приказ — всему полку: подбирая раненых, отходить за деревню и переправиться по гати через болото. 1-ый батальон должен был прикрывать отход и принять на себя всю тяжесть боя. От наседающего противника он отбивался ручными гранатами, штыками, прикладами. Опрокинуть его немцам не удалось.

Впереди Преображенцев несли тела пяти офицеров, погибших в бою. Около самой церкви немецкой шрапнелью была перебита часть солдат, несших эти тела. Их успели внести в церковь и положить на грудь каждому записку. На ней — фамилия, чин и какого полка, добавлено — пал за Родину.

Преображенцы под артиллерийским обстрелом все-таки успели перейти гать. Подошедших немцев отогнали пулеметами. У Преображенцев за этот бой выбыло из строя 1300 солдат и 15 офицеров, тела пяти остались в церкви.

Боем у Мшаны было выиграно 48 часов. Местечко Езерно, где хранились интендантские склады и снаряды для всего ЮгоЗападного фронта, успели минировать и взорвать. 8-ая армия была оттянута на новые позиции, тяжелая артиллерия отведена в тыл. 7-го июля 1917 г. Ставка сообщала: «...на юго-западном фронте при малейшем артиллерийском обстреле наши войска, забыв долг и присягу перед Родиной, покидают свои позиции. На всем фронте только в районе Тарнополя полки Преображенский, Семеновский исполняют свой долг».

Это была последняя яркая вспышка воинской доблести Российской Армии.

Во время событий, разразившихся на Юго-Западном фронте, весь остальной фронт был недвижим. Все попытки двинуть войска в наступление были тщетны, несмотря на огромный перевес в силах. Солдаты, уже распропагандированные и недисциплинированные, твердо держались своего выбора: больше не воевать. Войска в тылу быстро превращались в шайки вооруженных грабителей и насильников. Убийства, насилия, грабежи и пожары сопровождали нашествие дезертиров.

11 июля, ген. Корнилов послал Временному Правительству

телеграмму следующего содержания: «Армия обезумевших темных людей, не ограждавшихся властью от систематического развращения и разложения, потерявших чувство человеческого достоинства, — бежит... Это бедствие может быть прекращено, и этот стыд или будет снят революционным Правительством, или, если оно не сумеет того сделать, неизбежным ходом истории будут выдвинуты другие люди. Я, генерал Корнилов, вся жизнь которого, от первого дня сознательного существования доныне, проходит, в беззаветном служении Родине, заявляю, что Отечество гибнет и потому, хотя и неспрошенный, требую немедленного прекращения наступления на всех фронтах в целях сохранения и спасения Армии для реорганизации на началах строгой дисциплины, и дабы не жертвовать жизнью немногих героев, имеющих право увидеть лучшие дни. Необходимо немедленно, в качестве временной меры, исключительно вызываемой безвыходностью положения, введение смертной казни и учреждение полевых судов на театре военных действий, а также отмену разрушительного приказа Номер один».

Ген. Корнилов был засыпан приветственными отзывами, выражавшими восхищение и преклонение перед его мужеством и патриотизмом, но и бурю гнева со стороны Рабочих и Солдатских Депутатов.

Правительство восстановило смертную казнь только на фронте, а 19 июля назначило ген. Корнилова Верховным Главнокомандующим. Солдаты сразу подтянулись. В угрозе смертной казни солдаты почувствовали твердую волю, требующую повиновения для защиты Отечества. Солдаты стали менее распущенными, а комитеты более сдержанными. Появлялась надежда, что при Верховном Главнокомандующем Корнилове Россию минует постыдный конец войны.

В то время когда на фронте происходили эти события и явления, немыслимые в истории российских вооруженных сил, в Петрограде 3-го июля произошло вооруженное выступление большевиков, имея за цель свержение Временного Правительства. Это выступление не явилось неожиданным для Правительства, ибо оно знало о подготовке к нему, но не имело мужества и смелости пресечь его в корне. Усмирение мятежа совершилось 1 и 4 Донскими Казачьими полками, отрядами юнкеров, 6-ой Лейб-Гвардии Донской Казачьей батареей и Георгиевской Дружиной. Действиями при подавлении беспорядков руководил Союз Казачьих Войск, кото-

рый заседал тогда в столице.

Большевистский мятеж был подавлен, но не раздавлен, ибо корни этой болезни достаточно глубоко прошли в толщу солдатских масс. Донские казаки не убоялись своего одиночества в борьбе с мятежниками и доказали честное отношение к своему долгу перед Родиной. Население столицы ликовало, казаков засыпали подарками. Но Временное Правительство, в лице своего председателя Керенского, отнеслось легкомысленно к большевистскому выступлению, и успокаивало население. Военная власть в столице была передана в руки некомпетентных лиц; смена гарнизона не была произведена и не заменена надежными войсками.

После совещания с Временным Правительством 3 августа, генералу Корнилову была поручена подготовка защиты страны и Правительства на случай повторного выступления большевиков. Ген. Корнилов распорядился, с ведома и согласия Керенского, отправить в столицу войсковые части под командой ген. Крымова. Однако он воздержался докладывать подробности предстоящих операций, так как был предупрежден Савинковым, что Керенский находился в связи с Советом и что в Правительстве есть предатели.

Ген. Корнилов отлично понимал, что привести потрясенную армию в такое боевое состояние, чтобы она была готова перейти в наступление, — было невозможно за короткий срок, поэтому все усилия были направлены на усиление укреплений боевых участков. На фронтах было затишье, но вдруг пришла тяжелая весть: на северном фронте немцы перешли в наступление, переправились через Двину и отбросили наши войска, отступавшие в полном беспорядке, теряя пленных и свою артиллерию. 20 августа немцами была взята Рига со всеми ее военными складами. Падение Риги было тем более неожиданно, что Северный фронт считался в армии наиболее укрепленным, а его войска стойкими. Незадолго до падения Риги были взорваны в Казани огромные склады снарядов и взрывчатых веществ — несомненная работа немецких агентов.

Казалось бы, что для Временного Правительства пришел наконец момент принять самые решительные меры для оздоровления армии, а также и тыла и уничтожить происки коммунистов. Но Керенский опасался, что решительные действия и успех действий ген. Корнилова, будет означать для него переход на вторые роли. Болея безмерным тщеславием, он до последних дней своей власти, был в непрерывном и по-

стоянном общении с представителями коммунистической партии.

Навстречу войскам ген. Крымова были посланы из состава Совета Рабочих и Солдатских Депутатов сотни большевистских агитаторов и были сделаны распоряжения железнодорожникам о задержке всех войсковых частей ген. Крымова. Сам же ген. Корнилов, находившийся на фронте, не поверил в донесения, что Керенский вдруг выступает против мер по спасению страны и армии. Но донесения подтвердились, войска ген. Крымова были остановлены; последовало распоряжение Керенского о выдаче из казенных складов оружия петроградским рабочим, чем было положено начало формирования красной гвардии. Это было 29 августа 1917 года, а за 2 дня перед этим, 27 августа, по всему фронту было разослано оповещение, что по распоряжению Министра-Председателя Керенского, ген. Корнилов отчислен от должности Верховного Главнокомандующего. 1-го сентября ген. Корнилов был арестован с преданием суду за измену и мятеж. Вскоре той же участи были подвергнуты видные генералы Ставки и фронта.

Когда 27 августа последовало удаление ген. Корнилова, он отдал свой приказ следующего содержания:

«Русские люди. Великая Родина наша умирает. Близок час ее кончины. Вынужденный выступить открыто — я, генерал Корнилов, заявляю, что Временное Правительство под давлением большевистского большинства советов, действует в полном согласии с планами Германского Генерального Штаба и одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережьи, убивает Армию и потрясает Страну изнутри.

Тяжелое сознание неминуемой гибели Страны повелевает мне в эти грозные минуты призвать всех Русских людей к спасению умирающей Родины. Все у кого бьется в груди русское сердце, все, кто верит в Бога — идите в храмы, молите Господа Бога об явлении величайшего чуда — спасения Родной Земли.

Я, генерал Корнилов, сын казака-крестьянина, заявляю всем и каждому, что мне лично ничего не надо, кроме сохранения Великой России и клянусь довести народ, путем победы над врагом, до Учредительного Собрания, на котором он сам решит свои судьбы и выберет уклад новой государственной жизни.

Предать же Россию в руки ее исконного врага — герман-

ского племени и сделать Русский народ рабами немцев — я не в силах. И предпочитаю умереть на поле чести и брани, чтобы не видеть позора и срама Русской земли.

Русский народ, в твоих руках жизнь твоей Родины».

Этим вынужденным и обоснованным Приказом-Воззванием, вошедшим в историю под названием «Корниловское выступление» был брошен жребий. Между Правительством и Ставкой Верховного образовалась непроходимая пропасть.

Из Петрограда посыпались по телеграфу воззвания «всем, всем, всем» — к народу, к армии, к железнодорожникам. В них Корнилов обвинялся в попытках свергнуть Временное Правительство и захватить власть. Войсковые комиссары, как эхо, подхватили эти обвинения и в свою очередь, в своих воззваниях и на митингах, стали обвинять бывшего Верховного Главнокомандующего в контр-революции, в том что он продался немцам, сдал им Ригу, что с их помощью хочет вернуть старый режим. Со злобной настойчивостью они требовали для Корнилова смертной казни.

Итак, в момент величайших потрясений, вождь армии полон тревоги за Отечество и армию, а вождь «революционной демократии» Керенский полон подозрений и страха за революцию, свою власть. Один хотел спасти Родину, другой — «завоевания революции». Корнилов стал символом Родины, Керенский символом революции.

Предание суду генерала Корнилова ударило по всему командному составу. Духовная связь между офицерами и солдатами теперь была порвана окончательно. С этого времени солдаты подозревали всех офицеров в контр-революции. Контр-революционными стали все призывы к защите Отечества; контр-революционно было само слово Отечество. Кто говорил об Отечестве, тот считался Корниловцем.

Через несколько дней после ареста Корнилова, Керенский объявил себя Верховным Главнокомандующим, что вызвало в обществе недоумение и насмешки. Присяжный поверенный — адвокат, не отбывавший воинской повинности, совсем не знавший солдат, — произвел себя в полководцы. Офицерский корпус с брезгливостью отнесся к такому Верховному, а в обществе, особенно среди молодежи, Керенского называли не иначе как «Главноуговаривающий», «Главный пустозвон», «Соц-Наполеон» и т. д. Россия вошла в какую-то странную, неестественную полосу своего существования, когда, казалось, Бог лишил людей разума и здравого смысла. Временное

Правительство во главе со своим Председателем и Главнокомандующим представило всему миру и Русскому народу вождей и офицеров старой императорской армии в искаженном и уродливом виде: тех защитников Родины, которые боролись с произволом и изменой, насаждая порядок и дисциплину в Армии.

Генералы Корнилов, Деникин, Марков, Эрдели и др. оказались в заточении в Быхове, в ожидании суда. Узники ждали этого суда, чтобы сказать прямо в глаза всей России всю правду о ее положении. Суда они не дождались. При попустительстве Временного Правительства захват власти большевиками приближался и 25 октября (ст. ст.) осуществился. К моменту октябрьского переворота власть не имела боеспособной армии, а в столицах — опытных военачальников и надежных гарнизонов, готовых вступить на борьбу с мятежниками. В борьбу вступили лишь разрозненные группы офицеров и юнкеров, выявив упорное сопротивление противнику, подавляющему своей численностью. Эти самоотверженные защитники чести Родины вынуждены были скоро положить оружие и, за небольшим исключением, все они явились жертвами жестокой, зверской расправы. Войска и вся страна были оповещены, что Временное Правительство свергнуто, Керенский бежал, министры арестованы. Власть взяла революционная демократия во главе с Лениным. Был образован Совет Народных Комиссаров следующего состава: Ульянов (Ленин) — председ. Чичерин, Луначарский, Сталин-Джугашвили, Протиан, Лурье (Ларин), Шлихтер, Апфельбаум (Зиновьев), Анвельт, И. Гуковский, Володарский, Урицкий, И. Стейнберг, Фенгстейн, Савич, Заславский. Все эти личности, в своем большинстве, по своим убеждениям и происхождению были чужды русскому народу.

Захватом власти большевиками совершился крутой поворот в жизни не только России, но и всего человечества, что в те Октябрьские дни еще не было осознано и воспринято всерьез. За короткий срок, за 8 месяцев, православная Россия, с установившейся веками исторической властью монархов, была ввергнута в бездну коммунистических экспериментов. Казалось бы, только что Временное Правительство, на основании акта отречения Государя и Его брата, стало законным преемником царского наследия, т. е. восприняло всю полноту власти в стране. Вместо этого, новое Правительство отмахнулось от законного преемства и объявило

свою власть производной от революции. Отсюда и признание «Совета рабочих солдатских депутатов» правомочным на контроль предполагаемых демократических реформ. Выразителем и носителем таких реформ и явился «заложник демократии» — тщеславное ничтожество — Керенский.

На бесчисленных митингах в городах Российских и на фронте, Керенский изощрялся в ораторском искусстве, говоря о социалистических реформах, клялся довести войну до победного конца и стоял за «мир без аннексий и контрибуций». Совместно с Советом Рабочих и Солдатских депутатов развалил армию, назвав ее «самой свободной в мире» и с которой намеревался победить немцев. Навсегда запомнилась его высокопарная, звонкая фраза, что если его старания не приведут к успеху, то он «под колесницу истории бросит свое истерзанное сердце».

В среде Донской молодежи этот Российский Демосфен и пустозвон, пользовался, особенно после заточения ген. Корнилова, нескрываемым презрением, и, когда говорили о ген. Корнилове, как о человеке с львиным сердцем, — сравнивали «истерзанное сердце» Керенского с заячьим. И суд молодежи был праведен: ген. Корнилов погиб солдатской смертью на своем посту, а Керенский, переодевшись в женские одежды, бежал к демократам, где и был провозглашен героем. Нарицательное имя «керенщина» навсегда осталась в памяти в русском народе.

После бегства Керенского, ген. Духонин, начальник Штаба Ставки, вступил в исполнение обязанностей Верховного Главнокомандующего. Он не подчинился приказанию новой власти, немедленно начать переговоры о мире с австро-германцами и, перед захватом Ставки красными, отдал распоряжение об освобождении Быховских узников с предупреждением о том, что они должны немедленно покинуть Быхов.

За свое мужественное исполнение воинского долга он сам подписал себе смертный приговор. Разнузданные матросы — «краса и гордость революции» зверски расправились с благородным генералом и надругались над его трупом. Это убийство в присутствии нового «главковерха» прапорщика-большевика Крыленко, произошло 20 ноября.

Ген. Духонин занимает совершенно особое и исключительное по своему смыслу положение среди Белых вождей, являясь если не фактически, то по существу участником Белого Движения. Он дал распоряжение об освобождении Быхов-

ских узников, из среды которых явились Белые Вожди. Он добровольно принял на себя ответственность за этот акт и тем, конечно, усугубил свою вину перед большевиками. Он отдал свою жизнь и выполнил свой долг, не сойдя с воинского поста. Он добровольно сменил ген. Алексеева на посту Начальника Штаба Ставки и исключил для него возможность такого же печального конца, так как не будь на Дону в 1917 году генералов Алексеева, Корнилова, Деникина и др., может быть и Белое Движение на Юге России пошло бы другим путем. Тогда, быть может, и формы и сроки Белой борьбы были бы иными. Вот истинный смысл подвига ген. Духонина и христианского и воинского. Вечная память в сонме мучеников уготована ген. Духонину, Николаю Николаевичу.

Начальные побеги Белого Движения зародились в дни Корниловского выступления, т. е. в конце августа 1917 года. Захват власти большевиками 25 октября вызвал к жизни и борьбу с ними. В день октябрьского переворота в Петрограде, а на другой день в Москве, в борьбу с большевиками вступили группы офицеров, юнкера военных училищ, героини женского батальона.

Быховские узники покинули место своего заключения 19 ноября и разными путями направились на Дон, где атаманом был доблестный генерал Каледин. Атаман Каледин высказал мужество и честность требованием несменяемости ген. Корнилова с поста Верхов. Главнокомандующего, а затем и просьбу казачества об освобождении его из под ареста, а также брал на поруки Донского казачества всю арестованную группу Старшего генералитета. Керенский, еще будучи Председателем Врем. Правительства, потребовал прибытия мятежного атамана Каледина в Ставку, как арестованного. Ответ ему гласил по древнему обычаю: «С Дону выдачи нет».

Итак, подведем итоги этим последним событиям. Если бы Керенский и его верные сподвижники социалисты — члены Правительства — прежде всего позаботились о безопасности и благосостоянии Отечества, а не об уродливых завоеваниях революции, — то октябрьский переворот был бы быстро ликвидирован своевременно подвезенными верными войсками, как того хотел ген. Корнилов, старший генералитет, офицеры и вся здравомыслящая Россия.

Социалистический дурман, тщеславие и жажда власти помешали думать трезво Керенскому и иже с ним, власть Врем. Правительства пала и на смену явились советы. Террор новой

власти уничтожил сразу и на всем пространстве государства центральные и местные органы управления. Все должности занимались бывшими преступниками, классово близкими невежественными элементами или лицами приспособившимися к новым повелителям. Старая армия прекратила свое существование и на смену явились красногвардейцы. Офицерский корпус упразднялся и истреблялся.

Только в казачьих землях переворот был воспринят иначе. В первый же день переворота, на Дону и в степях Оренбургского казачества произошли весьма знаменательные события. Донской Атаман ген. Каледин и Оренбургский атаман полковник Дутов, не признали власти советов на территории и в пределах своих Казачьих земель.

7 ноября на Дону была обнародована Декларация о том, что «Донской Войсковой Атаман и Войсковое Правительство власть большевиков не признают и Донская область провозглашается независимой впредь до образования общегосударственной, всенародно признанной власти».

Атаман Дутов о непризнании советов объявил приказом 26 октября. 18 ноября, на Дальнем Востоке, в городе Верхнеудинске Забайкальской области, Есаул Забайкальского казачьего войска — Семенов, имея под своей командой Монголо-Бурятский полк, вступает в бой с отрядом большевиствующих солдат местного гарнизона, чем выявляет свое отношение к советской власти. В декабре месяце этот полк пополнился охотниками-казаками из состава Уссурийской казачьей дивизии, следовавшей с фронта в родные станицы и уже в январе 1918 года развернулся в Особый Манчжурский отряд. Действия этих Белых сил на Дальнем Востоке развились в последующий период Белой Борьбы.

Войсковой круг Семиреченского казачества сразу же постановил не признавать власть советов, как только весть о перевороте докатилась до Туркестана. Положение в Крае было весьма серьезное: в крае не было сплошной казачьей земли и станицы были разбросаны в Семиречьи среди инородцев и пришлых крестьян. Активная вооруженная борьба началась когда в казачьих станицах появились карательные экспедиции большевиков «за хлебом».

Борьба против власти советов в центральной Сибири возникла сразу, как только советская власть начала там утверждаться. Организованный в ноябре месяце в Иркутске Центральный Исполнительный Комитет Советов Сибири встретил

вооруженное сопротивлене со стороны Иркутского казачьего дивизиона, школы прапорщиков, группы офицеров и юнкеров. Слабость этих белых сил, их оторванность и разобщенность от существовавших уже тогда Белых очагов борьбы, не привели к успеху. После двух недель нервной борьбы в обстановке жестоких морозов, — молодые патриоты сложили свои головы. Постепенно, от Иркутска как центра, стал обозначаться кровавый путь новой власти и на восток и на запад вдоль железнодорожной магистрали. Как раз в эти дни появился небольшой отряд казаков под начальством выдающегося боевого офицера 1-го Сибирского казачьего полка есаула Анненкова. Слух о нем распространился быстро и к отряду начали стекаться белые воины. Программа его была проста и ясна — непризнание власти советов и борьба с ними. Продолжая борьбу с местными большевиками и выростая численно, отряд этот смог развить свои действия лишь в последующем, втором периоде Белой борьбы в Сибири.

На берегу Иртыша, в станице Павлодарской, создалось второе Белое гнездо, которое приступило к действиям лишь в последующем периоде. Когда в городе Омске назревало тревожное положение для всех находившихся там противников большевизма, Сибирские казаки решили спасать свою святыню — знамя Ермака, хранившееся три столетия под сенью Войскового Собора. Отряд казаков под начальством сотника Матвеева, во время очередной церковной службы, сняли святую хоругвь и вынесли. Но большевики скоро спохватились и настигли смельчаков у берега Иртыша. Казакам пришлось сорвать святое полотнище с древка, прежде чем переплыть реку. Эти две белые вспышки Сибирских казаков и молодежи произошли в первый период борьбы, но дали прекрасные всходы в последующий период борьбы в Сибири.

Войсковой съезд Уральского казачьего войска принимал все меры для ускорения прибытия полков с фронта, как только совершился Октябрьский переворот. В марте месяце (1918 г.) советская власть предъявила ультимативное требование о признании и подчинении советской власти. Ввиду того, что ответа не последовало, то из Оренбурга был послан большевистский отряд, который занял Илецкий городок, предался грабежам и насилиям. Уральские казаки полностью уничтожили этот отряд. С этого дня (13 марта) Уральское казачество вступило в ряды Белого воинства и ему пришлось испить чашу бедствий, поплатившись полным разорением ка-

зачьего достояния.

У берегов Тихого океана неподчинением власти советов ответило Уссурийское казачество формированием особого отряда под командованием атамана Калмыкова, действия которого развились в последующий период.

Советская власть, не встретив в нижних поволжских районах никакого сопротивления, беспрепятственно распространялась к югу, спеша покончить с Астраханским казачеством, чтобы вклиниться между Доном и Уралом, исключив таким образом связь и взаимную помощь между Донским и Уральским казачеством. 24 января (1918) Астрахань была залита кровью и взята большевиками; войсковой атаман ген. Бирюков был арестован и расстрелян.

Из этого краткого обзора видно как казаки восприняли советскую власть. В Сибири и на Дальнем Востоке сопротивление большевизму с потерей тысяч и тысяч человеческих жизней, длилось пять лет и где погиб великий патриот и Верховный Правитель России адмирал Колчак.

Сопротивление большевизму возникло и в северных и в северо-западных областях России в 1918-19 годах, будучи одно время очень успешным под возглавлением ген. Юденича, Миллера, Архангельского.

Сопротивление Донских, Кубанских, Терских и Астраханских казаков тесно и неразрывно связано с Добровольческой Армией на юге России.

К Октябрьскому перевороту на территории Российского государства находились и иноземные воинские части. Одни из этих частей были сформированы еще в период войны и до февральской революции, а именно чешские формации. Их формирование разрослось в дни Временного Правительства, которое разрешило укомплектование военнопленными. Чешский корпус предназначался к переброске на французский фронт через Сибирь, т. е. по более надежному пути.

Планы наших Белых вождей привлечь эти формирования к Белому движению успеха не имели. Командир Чешского корпуса, генерал Русской службы, Шокарев безропотно подчинился политическим вождям чехов.

Польские формирования были под начальством генерала Русской службы, Довбор-Мусницкого, который к переговорам с Белыми вождями отнесся положительно и совершенно определенно отмежевался от большевиков, расценивая их по достоинству. На Польский корпус, расположенный в районе

городов Смоленска, Минска, Витебска уже в январе 1918 года большевики повели наступление по требованию немцев. В результате боев поляки были разбиты и вынуждены были отойти к Бобруйску, где немцы их разоружили и расформировали.

Боевой путь чехов был иной. Три месяца, оставаясь на своих местах (у села Полонное и у Радомана) они были, как бы молчаливыми свидетелями русской драмы. Когда в феврале месяце 1918 года немцы вторглись на Украину, чехи, которых австро-германцы считали изменниками, вынуждены были уходить от их гнева. Им пришлось, в содружестве с большевиками вести упорные бои в конце февраля и начале марта против немцев. В мае месяце (1918), в районе Волги, чехи ведут борьбу уже против большевиков, которые в угоду немцам (после заключения позорного Брест-Литовского мира) решили покончить вопрос с чехами: разоружить и посадить за проволоку. Развитие этих событий и дальнейшее печальное и позорное участие чехов в Сибирской трагедии, — относится к позднейшему периоду гражданской войны и российской драмы.

Трескучие, лживые лозунги и обещания смогли одурачить головы простодушным людям, взывая к их низменным чувствам и суля рай на земле. Но Октябрь не был принят русскими патриотами, казачеством, офицерским корпусом, чистой молодежью. Зарождалась Белая идея в душе, разуме и сердце подлинно русских людей и вспыхнуло пламя борьбы за родную землю. Очаги этих Белых восстаний различались между собой по месту и времени их зарождения, по силе и продолжительности боевых действий и конечных результатов. Очаги Белых восстаний на всем пространстве нашего Отечества оказались в разобщенном положении друг от друга и при условии полного окружения противником, подавляющим и своей численностью и средствами. Советская власть, в этот первый период ставила главной задачей для себя, — смести непокорных Оренбургских, а в особенности Донских казаков и раздавить зарождающуюся на Дону Добровольческую армию, являющуюся в их понимании «гидрой контрреволюции».

Столь исключительная роль Дона в Белой борьбе не является результатом случайных обстоятельств. Она была подготовлена всей предшествующей многовековой сужбой Донского казачества Родине, целым рядом бытовых и истори-

ческих особенностей жизни Донских казаков и выдающейся деятельностью и доблестью ее представителей. В дни октябрьского переворота Дон оказался одной из немногих Окраин Государства Российского, где существовала в полной мере законная Атаманская власть на основании стародавнего казачьего обычая. С падением законной Обще-Российской власти, Донской Атаман имел полное основание считать за собой право преемственности временно Верховной власти в пределах Донской Области, что он немедленно и осуществил ноября 1917 года.

Как сейчас помню, с какой радостью мы, молодежь, приветствовали решение Атамана и Войскового Круга о непризнании советской власти. Имена лиц, составивших Совет Народных комиссаров во главе с Лениным, — вызывал у нас чувство глубокой ненависти и брезгливости. «Не хотим иметь с вами никакого общения, а тем более, покориться вам», — так думали у нас на Дону, кроме немногих выродков и ослепленных душ.

Еще в Быхове Дон определялся как база для борьбы с захватчиками власти, в необходимости же этой борьбы никто из заключенных генералов не сомневался. Начало этой борьбы определяется днем прибытия 2/15 ноября 1917 г. генерала Алексеева в Новочеркасск, где было положено начало «Алексеевской организации». Генерал Корнилов прибыл в Новочеркасск 6 декабря, совершив из Быхова сперва поход с Текинским полком (с 19 по 29 ноября) полный риска и отваги, а затем — побег в одиночном порядке, с паспортом на имя беженца Иванова. Трогательна преданность всадников-текинцев и их любовь к генералу Корнилову. Отважившись на совершение похода в тяжелых условиях и в море вражды, — текинцы оставили своего генерала лишь тогда, когда последовало от него на это приказание.

Дата 6 декабря была поворотным днем в жизни зарождавшейся Добровольческой Армии. С этого момента формирование ее приняло формы совершенно определенные и устойчивые. Этот день явился для всего Белого движения событием знаменательным, ибо в лице генерала Корнилова Белая Идея нашла движущую силу и своего вдохновителя.

Еще до прибытия ген. Корнилова, в Новочеркасск, на Дон начали прибывать группы юнкеров и кадет из Российских военных училищ и кадетских корпусов. Прибывающая молодежь зачислялась в первую воинскую Белую часть — Юнкерский

батальон. Первое боевое задание Юнкерский батальон получил по разоружению 223-го запасного пехотного полка, распропагандированные солдаты которого составили основной кадр большевистского восстания, поднятого 26 ноября в Ростове.

27 ноября поезд с Юнкерским батальоном подошел к Нахичевани, выгрузился под огнем и пошел в одну из тех знаменитых атак, о которых существуют легенды. Идя во весь рост, не сгибаясь, юнкера выбросили красных из Балабановской рощи, там закрепились и повели стрелковый бой при поддержке двух орудий донской батареи и при полном неучастии казачьих частей. При атаке почти полностью погиб взвод кап. Донскова, состоявший из кадет Одесского и Орловского корпусов. Найденные трупы мальчиков были изрешетены штыковыми ударами.

Ночью Юнкерский батальон был отведен в степь, а на утро, уже при поддержке казачьих частей, батальон снова повел наступление и Ростов был освобожден от многочисленной разнузданной нечисти, еще накауне грабившей магазины и творившей насилия и убийства.

После взятия Ростова началось дальнейшее формирование добровольческих частей: Офицерского полка и Партизанского отряда из Ростовской учащейся молодежи. На Дон успела пробраться значительная часть Корниловского ударного полка, не только офицеры, но и около 500 солдат, направленных туда полковником Неженцевым. Туда же потянулись из необъятной России все те, кто не пожелал подчиниться разбойной власти и считал своим долгом с оружием в руках защищать честь и достояние своей Родины. На Дон направились под командой полковника Дроздовского отряды добровольцев, сформированных полковниками Жебрак и Руммель в районе Румынского фронта. Но уже к концу 1917 года путь на Дон был прегражден: Донская область была охвачена сплошным кольцом большевистских банд, которые с жестокостью истребляли всех тех, кто держал путь к Белым.

После назначения ген. Корнилова командующим Добровольческой Армией обнародывается Декларация Добровольческой Армии, устанавливается верховная власть на Юге России в лице триумвирата, членами коего, с равными правами являлись генералы Алексеев, Корнилов и Каледин, с точным подразделением дел, подлежащих ведению каждому из них. Это было, как бы первое Обще-Русское Противобольшевистское

правительство, которое вошло в связь с широкой Русской общественностью и торгово-промышленными кругами.

Донское казачество, являясь как бы основным фундаментом всей Белой постройки на Юге России, уже начало выявлять грозные признаки неустойчивости и формирование строевых казачьих частей не двигалось. Доступы на Дон постепенно прекращались с последовательным окружением Донской земли противником. Боевые средства оказались на территории Дона в ничтожном количестве и добыть их было делом затруднительным. На Дон надвигалась буря, а вместе с тем ширилась пропаганда и зараза большевизма. Вожди добровольческой Армии вынуждены были преждевременно в период неоконченной еще организации, выводить части в бой для противодействия наступающей вражеской силы. Подступы с юго-запада и таганрогский округ принимается для обороны добровольческой армией, а доступы с севера защищаются партизанскими казачьими отрядами, объединенными под властью ген. Абрамова.

22 января погибает в неравном бою от руки предателя и изменника Дона полковник Чернецов, боевая душа обороны и кумир Донской молодежи. В сердце атамана ген. Каледина вселяется тревога; приказы его о выходе казаков для защиты Дона не выполняются. С января происходят последние бои страшного напряжения партизанских отрядов с обнаглевшим противником, в результате коих защитники отходят к Новочеркасску.

Тяжелые бои с противником, превосходящим во много раз и численностью и вооружением, выдерживал отряд полк. Кутепова, состоявший из Офицерского и Партизанского полков и усиленный Георгиевским полком и партизанами есаула Семилетова. Дважды полк. Кутепов разбивает советские отряды группы Сиверса. 14 января поднимается восстание рабочего населения в Таганроге. Продолжающийся сильный напор противника исключил возможность для добровольцев ликвидировать этот мятеж и 20 января Таганрог оставлен. С этого дня начался отход Добровольческой армии к Ростову, сопровождавшийся непрерывными боями и сворачиванием частей в районе Ростова.

Общий боевой путь казаков и добровольцев начал раздваиваться после 3-х месячного пути. Добровольческая армия вынуждена была готовиться к тому, чтобы покинуть пределы Дона и нести огонь Белой борьбы в другие края. Атаман

Каледин с тревогой переживал все эти явления. И когда, исчерпав все меры воздействия на казаков, когда пришла весть о гибели полк. Чернецова, когда поступили сведения о том, что Добровольческая армия подготовилась к уходу с Дона, когда выяснилось, что северный фронт закрепиться не может, — генерал Каледин выстрелом в сердце, заканчивает свой земной путь. Смерть первого избранника отрезвляет, но только на время, казаков. Новый, избранный атаман, ген. Назаров лишь на время вдохнул свежую энергию; дух казачества упал.

9 февраля (1918) Добровольческая армия начинает свой отход из Ростова. К 10 февраля отряд мятежных казаков под командой предателя Дона — Голубова — подошел к Новочеркасску.

12 февраля отряд Донских казаков под командой походного атамана ген. Попова уходит из столицы края без боя, в обстановке настолько поспешной, что огромное большинство военнообязанных и офицеров узнали об уходе только тогда, когда в город вошла враждебная сила — Голубовский отряд (вечером 12 февраля).

Эти мятежники врываются в помещение где заседал Войсковой Круг, арестовывают Войскового атамана ген. Назарова, оскорбляют, а через 4 дня расстреливают.

Степной Отряд, покинув Новочеркасск по приказанию атамана ген. Назарова, не имел возможности покинуть пределы родного края и направился в район восточных Донских Зимовников. Пополнившись в станицах, через которые проходил, Отряд расположился к востоку от станицы Великокняжеской, где и оставался до середины марта месяца (1918), когда прибыли гонцы восставших казаков доложить Походному атаману о восстании охватившему огромные районы. Степной поход продолжался полтора месяца и дал право утверждать, что Донское Казачество не прекращало борьбы с советами.

Советская власть утвердилась на Дону при содействии изменников и предателей и начала с поспешностью и жестокостью приводить в исполнение программу разбойничью: уничтожать офицеров, зажиточных казаков и всех защитников права и порядка. Жертвы Дона в период первого владычества большевиков (12 февраля-23 апреля, когда они были изгнаны) были громадны и по числу и по своему значению. Дон потерял в результате расстрелов свыше 30 процентов

кадрового состава офицеров. Грабежи, зверства, жестокости, массовые расстрелы, — скоро убедили казаков, что новая власть несет не свободу, мир и равенство, а разбой и произвол. Дон восстал, уже в положении безоружного с вилами, топорами и лопатами. Советские отряды обезоруживались и изгонялись. Подошедший из Румынии отряд полковника Дроздовского помог казакам освободить от красных столицу края Новочеркасск.

Казаки по свойски расправились и с вожаками красных казаков: войсковым старшиной Николаем Голубовым и подпрапорщиком гвардейской конной артиллерии Подтелковым. Эти два изменника казачества были виновны и в разложении фронтовиков, и в убийствах и расстрелах казачьих руководителей. В станице Заплавской казаки арестовали Голубова и на площади, у станичного управления, учинили допрос об убийстве легендарного Чернецова, атамана Назарова, донского Златоуста Митрофана Богаевского (брата генерала) и др. Приговор: смерть предателю и изменнику, что и было приведено в исполнение одним выстрелом. (30 марта).

Подтелков собирался уходить на север Дона, когда на Новочеркасск двигались восставшие станицы. Его отряд состоял из 119 человек и был хорошо вооружен. Этот «президент донской советской республики» не допущенный восставшими в поселок Рубакин, решил ночевать в слободе Поляковой и проходя через имение войскового старшины Ушакова и заметив качели, приказал их беречь: «Завтра на них повешу бунтовщиков».

Ушаков оповестил об этом обещании Подтелкова станицу Каргинскую, которая уже была готова восстать против советской власти. Отряд каргинцев под командой подъесаулов Цыганкова и Каргина пошел в наступление на слободу Полякову. И здесь, около слободы — последней резиденции Подтелкова — встретились восставшие станицы. Все мужское население окружных станиц, вооруженное от винтовок до вил включительно, пришло свести счеты с предателем и он повел переговоры о сдаче. Он шел на все уступки, лишь бы ему и его отряду был предоставлен свободный выезд из слободы. Подтелков сдал оружие и стал пленником, однако скоро выяснилось, что не все оружие было сдано. Один из арестованных выхватил револьвер и пытался бежать. Стал ясен план пленников: в степи, воспользовавшись малочисленностью конвоя, разбежаться отстреливаясь. Казака, пытавшегося бежать,

убили мгновенно. С остальными хотели расправиться так же, но офицерам удалось успокоить казаков и было устроено некоторое подобие народного суда.

Смертельно перепуганный и жалкий был Подтелков, а его помощник прапорщик Кривошлыков все время ругался и грозил возмездием. На все вопросы Подтелков отвечал незнанием или же предположением — «должно быть расстрелян». Народный суд совершился быстро и двух часов не прошло, как приговор был вынесен: Подтелкову и Кривошлыкову смертная казнь через повешение, а семидесяти восьми членам его отряда — расстрел. Утром 28 апреля, приговор был приведен в исполнение на поле за хутором Понамаревым.

Южная часть Донской области освободилась от большевиков гораздо раньше, чем север, где было больше красных сил и требовалась большая стойкость и воодушевление. В тех местах, где восстания были успешны, были хорошие руководители, умевшие поднимать и вести за собой народ. Так, в районе станицы Мигулинской находился красный отряд, насчитывавший до 2 тысяч человек при 24 орудиях, 52 пулеметах и боьлшом количестве снарядов и патронов. 18 апреля 1918 г. старики решили оказать сопротивление и попытаться обезоружить советский отряд; станичный сбор объявил мобилизацию. Медленно стягивались казаки с хуторов, отрядами, группами и в одиночку; здесь были седовласые отцы и юные казачата. Фронтовики прибыли в полном вооружении с винтовками и шашками на заседланных лошадях, но их было мало и они скептически смотрели на затею стариков. Друге приехали хоть на лошадях, но без седел, а большая часть шла пешком. Изредка была винтовка, попадались охотничьи ружья. Все это воинство было в большинстве случаев без патронов и без пороху. Гораздо больше было холодного оружия, старая дедовская шашка, пика, лопаты, вилы, — таково было вооружение повстанцев, добрая же треть шла с голыми руками в надежде добыть себе оружие в бою. Казаки были веселы, но армия воинственного вида не представляла. Участники ее тоже понимали, что им будет трудно ударить против пушек и пулеметов, поэтому настроение начало быстро падать и ряды повстанцев редеть. Тем не менее, нашлось несколько офицеров, которые организовали небольшие отряды, имевшие более воинский вид.

Еще с вечера, в сумерках, были отправлены два казака урядника на разведку в хутор Федоровский, где была рас-

положена батарея. Разведчики убедились что орудия стоят на площади в чехлах, а красноармейцы, в том числе и часовые, спят. Немедленно было дано знать ближайшему отряду повстанцев и, в результате, 20 казаков с двумя офицерами вошли в хутор, разоружили сонных красноармейцев и забрали орудия, отправив их на сборный пункт в хутор Коноваловский.

То же произошло и в другом хуторе, Водянском, но только рано утром, когда красные артиллеристы поили лошадей. Десять казаков понеслись на батарею и ее взяли. Красные без сопротивления сдались, были разоружены и им была дана возможность разбегаться куда хотят. Орудия снова были отправлены в хутор Коноваловский.

Весть об этом успехе быстро разнеслась по всему округу и воодушевила население. Был выбран окружной атаман, который распорядился очищать округ от большевиков. 7-го мая для ликвидации ненадежных элементов было двинуто четыре сотни каазков под командой есаула Гаврилова в Хоперский округ, где все еще действовали советы.

Так постепенно очищался Дон от советской власти и снова принял к себе Добровольческую Армию по ее возвращении из Первого Кубанского Ледяного похода. **В. Д. Матасов.**

(Продолжение следует).

Источники:

1. Белая Россия, Альбом № 1. — Ген. Штаба Ген.-лейт. С. В. Денисов.
2. Истоки Добровольчества. — М. Критский (журнал «Возрождение» — Париж).
3. Седьмая гаубичная, 1918-1921. — Д. Пронин, Г. Александровский, Н. Ребиков.
4. Лейб-гвардии Казачий Е. В. полк — И. Н. Оприц.
5. Неизвращенная история Украины-Руси. — Том 2. Андрей Дикий.
6. 25 лет перед революцией. — С. С. Ольденбург.

—

Иностранцы в Октябрьской революции и Гражданской войне.

По сведениям Русского Генерального Штаба к сентябрю 1917 года в России находилось около 2-х миллионов военнопленных, в том числе австро-венгров было 1736,7 тысяч, немцев (германцев) — 159,3 тысяч, турок — 65 тысяч и др. Среди

австро-венгров: 400 тыс. немцев (авсрийцев); 500 тыс. венгров; 250 тыс. чехов и словаков; 275 тыс. югославов (хорватов, сербов, словенцев); 140 тыс. румын и десятки тысяч поляков, галицийских украинцев (карпато-россов) и итальянцев.

К этому нужно прибавить, что в это время около 240 тысяч китайцев работало, заменяя призваных в армию русских, на предприятиях в Сибири. И примерно 30% рабочих Бакинской промышленности составляли выходцы из Персии.

В то же время города России были наводнены беженцами из занятых немцами областей. Только из польских земель вглубь России было вывезено около 1,5 миллионов беженцев. Большинство из них были войной выброшены с насиженных мест, потеряли при этом все и были подходящим взрывчатым материалом для революционной пропаганды.

—

3-го ноября 1967 года Л. И. Брежнев на торжественном заседании Верховного Совета СССР, по случаю 50-тилетия Октябрьской революции, в своей речи сказал: «В те дни в рядах Красной армии плечом к плечу с сынами народов нашей страны сражались венгры и поляки, сербы и хорваты, чехи и словаки, болгары и австрийцы, немцы и фины, румыны и монголы, китайцы и представители многих других национальностей». В связи с этим юбилеем более 3400 представителей этих народов, еще оставшиеся в живых, за их подвиги и помощь в гражданской войне были награждены Советским правительством орденами и медалями. (В. Копылов «Зарубежные Интернационалисты в Октябрьской революции», стр. 195. М.).

С первого дня революции Ленин понял какую роль могут сыграть иностранцы в Октябрьской революции и развернул в их среде бешеную пропаганду. Деньги на эту работу большевики получили не только у немцев. Троцкий перед своим приездом в Россию объезжал в США американских толстосумов не только для того чтобы с ними познакомиться...

На эти деньги выпускали в 1917-1920 годах более 160-ти периодических (газет и журналов) изданий. Среди них 34 названия на венгерском языке, 38 на польском, 31 на немецком, 13 на чешском и словацком, 8 на румынском, 7 на языках югославов, 6 на французском, 3 на финском, несколько на латышском, по одному на болгарском, китайском, английском и т. д. К работе в этих газетах были среди других при-

влечены чех Кнофличек, румын М. Бужур, венгры Э. Поор и Бэла Кун, прославившийся впоследствии как знаменитый чекист своими зверствами в Крыму, и американцы А. Р. Вильямс и Джон Рид. Джон Рид впоследствии написал получившую известность книгу «Десять дней, которые потрясли мир», посвященную событиям Октябрьской революции. Он умер в 1920 году в Москве и похоронен, как первый американец, послуживший делу большевиков, у Кремлевской стены.

Приведу несколько выдержек из этих газет. В первом номере газеты «Немзеткезэ Социалиста», вышедшем в Петрограде 14-го декабря 17 года на венгерском языке писалось: «Октябрьская революция в России открыла путь к миру». Газета призывала венгров к «организации и сплочению всех трудящихся — на родине, в окопах и в плену». В немецкой газете от 23 декабря 17 года «Фелкерфриден» было опубликовано воззвание к солдатам на фронте, к рабочим и крестьянам на родине «добиваться мира на условиях, выдвинутых Советским правительством». В газете на сербском языке «Зэмлья и Слобода» от 14 декабря 17 года было помещено обращение к югославам с призывом «Присоединиться к трудящимся России».

Также были открыты специальные школы и курсы для агитаторов, особенно для тех, кто собирался возвращаться на родину. Ведь мечта Ленина была Мировая революция.

Одним из первых распоряжений Советского правительства был декрет Совнаркома «Об освобождении всех военнопленных от тюремно-лагерного режима и предоставлении им права свободного передвижения». Они были уравнены в правах с русскими рабочими. (А. Шипек «Война и Революция» стр. 68. М.). Конечно, все военнопленные, вступающие в Красную армию, не обязательно были коммунистами. В это время в городах Центр. России начинался голод. Поступление в Красную армию обеспечивало материально и давало привилегированное положение.

Большевики в своих расчетах не ошиблись: военнопленные сыграли важную роль, особенно в первые годы, в гражданской войне. Они были самыми верными среди тех, кто боролся за Советскую власть. Мы их видим на всех фронтах борьбы — на Дону, в Сибири, на Волге, на Урале, под Орлом, под Петроградом, в Таврии. Они участвовали и при подавлении крестьянских восстаний в Великороссии, где их отряды, батальоны, полки часто решали исход борьбы.

А. Манусевич («Участие трудящихся зарубежных стран в Октябрьской революции» стр. 29. М.) пишет, что «в гражданской войне в составе Красной армии действовали польские, латышские, финские, венгерские, немецкие, чехословацкие, китайские, югославские полки, один персидский полк, румынские батальоны, французский батальон, итальянские, турецкие подразделения». Пишет, что «среди красноармейцев были и корейцы и афганцы и индусы и представители других национальностей».

Уже в первые дни Октябрьского переворота их можно найти в рядах большевиков. Как известно главное сопротивление большевикам в октябре было оказано в Москве. Так Ф. Карикаш (венгр) в своих воспоминаниях, опубликованных в 1932 году в журнале «Шарло-эш Каланч» пишет, что военнопленные венгры бились в Лефортове в Москве против юнкеров Алексеевского училища. Он также пишет, что к ним присоединились военнопленные из лагеря в Кускове около Москвы, говорящие по-румынски и по-сербски. Е. Шульц (немец) в своих воспоминаниях пишет, что военнопленные немцы обслуживали артиллерийские орудия у Крымских ворот, обстреливавшие юнкеров. Польские рабочие — беженцы из Варшавского арматурного завода эвакуированного в Москву — предотвратили попытку юнкеров прорваться через Крымский мост в Замоскворечье. Латышские красно-гвардейские дружины много сделали для победы большевиков в Москве, при этом показав с первых шагов присущую им жестокость. Так Латышской дружиной в Москве был заявлен решительный протест против решения Военно-Revол. Комитета от 2-го ноября 17 года об освобождении арестованных «контрреволюционеров», которые обязались впредь не выступать против Сов. власти. (В самом начале большевики иногда проявляли некоторую либеральность. Б. П.). В этом протесте говорилось: «Дружина Красной гвардии при Исп. Комитете Латышской секции московской организации РСДРПб, обсудив заключенный договор Рев. Комитета с Рябцевым и его бандой (полк. Рябцев возглавлял войска боровшиеся с большевиками. Б. П.), находит, что Военно-Рев. Комитет... дает им снова возможность восстать против революционного народа. Мы категорически требуем, чтобы все арестованные юнкера и прочая буржуазная сволочь были преданы властному револ. суду, который вынесет им соответствующий приговор». Как известно в дальнейшем в работе ЧЕКА деятельное

участие принимали латыши. Наиболее прославившиеся из них были Я. Петерс, М. Лацис и другие.

В Петрограде красногвардейские отряды латышей — рабочих заводов «Дека», «Геры» и «Русско-Балтийского» принимали участие в штурме Зимнего дворца. Охрана вокзалов в Петрограде и разоружение прибывающих с фронта частей были поручены финским и латышским красногвардейским отрядам. У кабинета Ленина, как самые верные, стояли на часах латыши и матросы.

В Москве 9-го ноября 17 года в газете «Деревенская Правда» было опубликовано воззвание под заголовком: «Восстаньте народы Германии и Австро-Венгрии!» Оно было подписано: «Военнопленные австрийцы и германцы, работающие на заводе Гужона в Москве».

Как пишет «Правда» от 5-го ноября 17 года, Ленин принял первую делегацию иностранных рабочих — это была делегация бельгийцев, работавших на предприятиях в Петрограде. Они просили передать русскому пролетариату, что «бельгийские рабочие всем сердцем с ними в борьбе за мир и социализм».

Польскими коммунистами к октябрю 17 года было организовано свыше 40 партийных групп, в которых состояло более 5 тысяч активных членов. Из их рядов вышло много известных чекистов. Достаточно напомнить имена Феликса Дзержинского, Юзефа Уншлихта, Вячеслава Менжинского, Юлиана Мархлевского.

Нужно сказать, что еще при Временном Правительстве было начато формирование отдельных национальных полков, в том числе латышских и польских. С. Дзяткевич, выступая 23-го ноября 17 года на заседании Московского Совета, как представитель такого польского запасного полка в Белгороде, сказал: «Я должен вам сказать, товарищи, что польский революционный полк в числе 16 тысяч штыков с первых дней революции стоит на точке зрения «Вся власть Советам!» Потом этот полк сражался в рядах Красной гвардии против Белых на Дону. Другой конный польский полк, расположенный в Литве, вынес постановление чтобы их полк «был первым включенным в Красную гвардию».

Как известно ген. М. В. Алексеев через неделю после октябрьского переворота приехал на Дон, в Новочеркасск и приступил к организации Добровольческой армии. Так зародился очаг борьбы с большевиками. В это время Красная армия

там еще не была организована, поэтому туда спешно для борьбы с «контрреволюцией» был послан, в помощь местным силам, из Москвы и Петрограда отряд латышей, численностью в 500 человек, но этого оказалось недостаточно; туда посылается подкрепление, в том числе 3-ий Латышский полк — 2264 стрелка. («Комм. партия в Латвии и Окт. революция», стр. 530. М.). Силы же большевиков, боровшихся с Белыми на Дону в начале 18 года можно оценить цифрой около 7000 штыков и сабель, т. е. из них почти половина были латыши. Командующим красными войсками, преследующими армию ген. Корнилова на Кубани, был назначен латыш К. Колнынь, старый большевик и подпольщик. Он в дальнейшем был командующим Красной армии на Северо-Кавказском фронте.

18 февраля 18-го года немцы неожиданно прервали перемирие и по всему фронту перешли в наступление. Нависла угроза занятия Петрограда немцами. Лениным было решено Советское правительство эвакуировать в Москву. Его охрана при переезде, а потом в Кремле, была поручена не отряду московских рабочих, не матросам — «красе и гордости революции», а батальону латышей. Видно только им Ленин стопроцентно доверял. Также было решено эвакуировать из Петрограда Монетный двор с его золотым запасом в Пензу. Охрана при переезде и потом в Пензе была опять таки поручена Латышским стрелкам.

В дальнейшем я не буду писать о Латышских стрелках. Они и дальше играли особо важную роль в Гражданской войне, а потому я собираюсь им посвятить отдельную статью. А пока продолжу описание роли в Гражд. войне пленных интернационалистов.

Уже с первых дней после Октября эти интернационалисты участвуют в борьбе за Советскую власть. 26 февраля 1918 г. из Москвы на фронт был отправлен один из первых интернациональных отрядов, в котором были немцы, австрийцы и венгры. На знамени отряда было написано: «Русская революция — наша революция, наша надежда».

В то же время в Москве венграми Бела Куном, Тибори и Самуели был сформирован отряд (в большинстве из венгров), который потом был отправлен на Урал, на борьбу с контр-революцией.

На Юге России, где борьба с большевиками началась уже в конце 1917 года, интернационалисты находящиеся там, активно принимают участие в этой борьбе. Так в конце 17-го

года в Одессе был сформирован югославский красный ударный батальон, из ушедших из Югославского корпуса, сформированного еще Царским правительством. Там же в Одессе был создан «Исполнительный комитет Красной гвардии». В конце 17-го года Д. Сердичем (хорватом) в Екатеринославе был сформирован еще один отряд красной гвардии из пленных югославов (около 1000 человек), работающих там на Брянском заводе. Сердич был потом командиром 1-го Югославского полка, который впоследствии сражался под Царицыным. В дальнейшем Сердич, командуя бригадой у Буденного, особенно отличился при взятии Крыма в 20-ом году, за что был награжден орденом красного знамени. В середине февраля 1918 года в Одессе был сформирован румынский батальон (около 1000 человек), получивший название «Батальон имени Карла Либкнехта». В то же время там же был сформирован морской румынский революционный батальон (800 чел.), штаб которого находился на румынском крейсере «Дурастор». В феврале же этого года в Тирасполе (Херсонской губ.) был сформирован китайский батальон из работавших там китайцев. В то же время началось формирование красных отрядов из чехословацких военнопленных, не вошедших в «Чехословацкий корпус». (Как я писал раньше в плену было около 250 тысяч чехов и словаков, однако в корпус записалось только около 40 тысяч). В Киеве был создан «штаб чехословацкой красной гвардии». Его возглавляли И. Седларж, Л. Шварц и В. Петрас, ушедшие из Чехословацкого корпуса. Чехословацкие красные отряды создавались, и в Таганроге, и в Харькове, Одессе, Екатеринославе.

В это время в Киеве при ЧЕКА был сформирован особый отряд из китайцев, который потом был отправлен в Москву, в помощь латышам при охране Кремля и т. д.

В связи с появлением новых фронтов борьбы за Совет. власть, подобные формирования начались и в Центральной России, и в Поволжье ,и на Урале, и в Сибири, и в Туркестане. Интернациональные отряды были организованы в Нижнем Новгороде, в Твери, Пензе, Туле, Воронеже, Саратове, Царицыне, Астрахани, Иркутске, Томске, Ташкенте и т. д. и т. д. Так на митинге военнопленных в Твери 3 марта 1918 года было постановлено, что «Святая обязанность военнопленных в России — всеми силами поддержать Октябрьскую революцию». На митинге в Екатеринбурге тоже 3-го марта 18 года 3 тысячи военнопленных выразили желание «вместе с рус-

ским народом защищать дело свободы». (В. Н. Копылов «Зарубеж. интер-ты в Окт. Рев.» стр. 175. М.)

В апреле 18-го года в Москве, в колонном зале Кремля происходил съезд военнопленных. В нем принимало участие около 300 деегатов, прибывших с Урала, из Сибири, Центр. районов России. Поволжья, Украины, Кавказа, представляющие более 250000 военнопленных Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Был избран Центр. Комитет иностранных трудящихся, находящихся в России.

В него вошли венгр Бэла Кун, чех Ф. Бенеш, румын М. Гуйо, австриец А. Эбенгольц, немец Э. Рейтер, болгарин Г. Михайлов, поляк С. Шленский и другие. Была одобрена идея создания Интернациональной Красной армии и намечены пути осуществления этого.

В связи с восстанием против красных чехословацкого корпуса на Волге и организацией белых русских сил в этих районах, в конце мая 18-го года открылся новый фронт, охвативший Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток. Этот фронт становится для большевиков самым важным, где решается судьба Сов. власти. Туда бросаются главные силы и в первую очередь, как самые верные, интернациональные отряды. Они сыграли там решающую роль. Особенно проявили себя венгры, которых было много в лагерях в этих районах, Они участвовали в подавлении Ярославского офицерского восстания, восстания в Саратове, в подавлении восстания рабочих Ижевского и Воткинского заводов. Мы видим их в боях с отрядами Каппеля на Волге, мы видим их под Царицыным, в рядах дивизии Чапаева, в боях за Урал, в Сибири и на дальнем Востоке, где они боролись с отрядами Семенова. Когда Сибирь взял в свои руки Колчак, эти венгры не рассеялись, а ушли в тайгу в партизаны, которые много неприятностей принесли белым, особенно во время отступления 19-го года. В газете «Правда» от 18. 8. 19 писалось: «Венгерские военнопленные в количестве около 18 тыс. человек, скрывающиеся раньше по деревням, теперь снова выступили под Советским лозунгом в районе Благовещенска (Амурская обл.) и повели наступление на город, защищаемый Семеновцами. Благовещенск ими был взят».

Отряды интернационалистов боролись не только на фронте, но как наиболее верные Сов. власти, были ею использованы в частях особого назначения, как то «ВОХР-а» (Внутренней охраны), «ЧОН-а» (части Особого Назначения), в отря-

дах «ЧЕКА» *), задачей которых был террор, реквизиции, сбор продналога, охрана особо важных объектов, а главное подавление крестьянских восстаний.

Венгры работавшие в ЧЕКА в Екатеринбурге участвовали в убийстве Царской Семьи. Непосредственное выполнение этого преступления было поручено «Команде особого назначения», состоящей из 10 человек. Из них было 3 венгра — Фэкете Емиль, Надь Имре и Веризе Андреас.

В 1918-ом году только в Великороссии, по советским данным (Первое издание Боль. Сов. Энц.) было подавлено 245 крестьянских восстаний. (Любопытно, что во Втором издании той же Энциклопедии об этом уже ни слова).

Мне еще мальчишкой пришлось быть свидетелем одного из таких восстаний. Лето 18-го года моя семья проводила в деревне недалеко от города Ливны, Орловской губ. Восстание охватило бóльшую часть волостей Ливенского уезда и продолжалось больше двух недель. Повстанцы, почти безоружные, захватили Ливны и держали его несколько дней. Для подавления восстания большевиками были посланы курсанты и интернациональные отряды из Орла и Тулы и даже бронепоезд. Потом из города телегами вывозили трупы крестьян, главным образом, расстрелянных, и закапывали в общих могилах.

Об этом восстании я нашел упоминание в совет. источниках. В сообщении Орловского Губерн. Комиссариата по военным делам от 16 сент. 18 года писалось: «выражается благодарность интернац. батальону, принимавшему участие в подавлении кулацкого и белогвардейского восстания в гор. Ливнах, Орл. губ. за проявленную сознательность, храбрость и дисциплину».

Крестьянские восстания продолжались до 1922 года.

Одним из последних крупных восстаний было, получившее назваие «вилочников», (так большевики называли крестьян, вооруженных вилами), охватившее зимой 1920 года уезды Казанской и Уфимской губерний. В его подавлении принимали

---

*) *Примечание:* Полное название «ЧЕКА» — «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контр-революцией, саботажем, спекуляцией и преступлением по должности». Орган диктатуры и террора с неограниченными полномочиями, образованные сейчас же после Октябр. революции. В феврале 1922 года ЧЕКА было преобразовано в ГПУ — «Государств. Политич. Управление при Народном Комиссариате Внутр. Дел». Наиболее известные деятели первых лет Сов. Власти, возглавлявшие ЧЕКА были: Дзержинский, Менжинский, Петерс, Ласис, Уншлихт, Урицкий (из них ни одного русского).

участие интернационалисты, в том числе опять один из венгерских батальонов под комадой И. Паппа.

Самым большим крестьянским восстанием, как известно, было Антоновское (1920-1922 гг.), охватившее Тамбовскую губ. и примыкающие уезды других губерний.

В это время борьба Белых на Юге была уже кончена, т. ч. сил у большевиков было достаточно. И тем не менее им пришлось напречь все силы и потребовалось два с половиной года, чтобы ликвидировать это, происшедшее в самом центре России, крестьянское восстание.

Антоновым было создано две армии общей сложностью около 50 тысяч человек. В его руках оказалась часть Юго-Восточной железной дороги, что осложнило подвоз хлеба к центру, который голодал. Для Сов. власти создавалась угрожающая обстановка. Так что, как мы видим, именно крестьянство оказывало самое упорное сопротивление большевикам. Ленин назначает Тухачевского командующим красными силами, ему в помощь посылаются Катовский и Уборевич с их войсками. Для подавления восстания посылаются бронепоезда, авиация, отряды ЧОН-а и ЧЕКА и конечно интернациональные роты и батальоны.

Для подготовки командного состава интернац. частей были созданы спец. курсы. Из Москвы была послана особая бригада этих курсантов в район Антоновского восстания». В ее состав входил батальон курсантов Московских пехотных курсов. Батальон состоял из двух рот венгров и одной роты югославов. Уже во время Кронштадтского восстания этот батальон показал себя «как высокодисциплинированная, смелая единица». (И. Д. Очак «Югослав. Интернационалисты в борьбе за Совет. власть в России» стр. 235. М.)

Многие из поступающих в интернац. отряды вступали в коммунистическую партию. Между прочим поступающие югославы подписывали следующие обязательства: «Этим даю честное слово коммуниста и революционера, что как член коммунист. партии (большевиков) сербов, хорватов и словенцев буду осуществлять идеи коммунизма или умру в борьбе против мировой контр-революции. Мой девиз — Свобода или Смерть».

После последней мировой войны интернационалисты сыграли большую роль в организации новых Советских республик в Восточной Европе, как то в Польше, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Румынии, Югославии и Восточной Германии. К ним

относится и всем нам известный Тито. Он был призван как хорват в австро-венгерскую армию. В 1915 году Тито попал в русский плен. В июле 17-го года в Петрограде принимал участие в июльской демонстрации большевиков, окончившейся для большевиков неудачно. В октябре 17-го года, будучи уже в Омске, Йосип Броз вступил в Красную армию и вел революционную работу. В 20-ом году вернулся в Югославию.

Никола Грулович, серб, рабочий, бывший военнопленый, интернационалист. Под Царицыным был политическим комиссаром 1-го Югославского полка. После последней мировой войны член ЦК Союза коммунистов Сербии и председатель республиканского Вече Народной Скупщины Сербии.

Дмитри Георгиевич, серб, военнопленный, вступил в Красную гвардию в 17-ом году, проделал путь от рядового до командира батальона. Вернулся в Югославию и после последней мировой войны (будучи в партизанах) получил чин ген.-полк. Югославской Народной армии.

Часть интернационалистов после окончания Гражданской войны приняли советское подданство и остались в Сов. Союзе. Так например Милан Кодрня, хорват, коммунист, организовал в Воронеже Интернац. полк и вернулся в Югославию только в 44-ом году с Красной армией, в составе Югославского легиона, сформированного из югославов, оставшихся в Сов. Союзе. (смотри И. Д. Очак, там же).

Так было в Югославии. Подобное, можно предположить, происходило и в других новообразованных после войны Советских республиках.

Точных цифр сколько иностранцев участвовало в Гражданской войне на стороне Красных мне установить не удалось. Но и те сведения, которые я приведу, дают некоторый ответ на этот вопрос. Так, по подсчетам Федерации иностранных групп РКПб общая численность интернационалистов, сражавшихся на фронтах Гражданской войны на стороне Красных только в 18-ом году достигала 50-52 тысяч человек. Это было, подчеркиваю, начало формирования интернац. частей.

Чтобы дать представление, что эти цифры представляли для того времени — Белая армия, пошедшая с ген. Корниловым в 1-ый Кубанский поход, после присоединения Кубанского отряда (весна 18-го года) насчитывала около 6000 штыков.

В работе М. Жарова и В. Устинова («Интернац. части Кр. Армии за власть Советов»), упоминается 120 полков, сражавшихся на стороне красных и из них 30 полков интернацио-

налистов, т. е. состоящих из иностранцев. Выше упомянутый Очак пишет: «В Гражданской войне в России с оружием в руках сражались за Совет. власть больше 30 тыясч югославов». В. Р. Копылов пишет, что «австрийский офицер Р. Холлер, пленный, находившийся под Читой, после возвращения в Австрию, в докладе по начальству писал, что среди военнопленных насчитывается более 100 тысяч большевиков».

(Предполагаю, что эта цифра относится только к австровенграм. Б. П.)

Тот же Копылов в той же книге пишет: «За годы Гражданской войны в составе Совет. вооруженных сил действовало свыше 250 интернац. единиц (отрядов, рот, батальонов, полков). В них состояло за все время около 250-300 тысяч добровольцев из числа зарубежных трудящихся». Бэла Кун, в своем выступлении по поводу 13-летия Октябр. революции, отмечал, что «в период с 17-го по 20-ый год сражалось в разное время 100-200 тысяч интернационалистов». (И. Очак, стр. 235). Такой разнобой в приводимых цифрах можно объяснить текучестью состава интернациональных формирований. Многие военнопленные в разное время возвращались на родину. Венгры возвращались домой, чтобы поддержать там начашуюся революцию. Грубо говоря, не впадая в преувеличение, общее число иностранцев, в разное время сражавшееся на стороне красных, можно оценить цифрой около 200 тысяч.

Для справедливости нужно отметить, что были иностранцы и на стороне белых и в первую очередь чехословаки.

История Чехословацкого корпуса, вкратце, такова: весной 17-го года Массарик, находившийся тогда в России, получил от Временного Правительства разрешение на формирование из военнопленных чехословаков, Чехословацкого Корпуса из трех дивизий, с русским командованием во главе. Формирование шло успешно. Приблизительно в то же время, возможно в связи с этим, императором Франц Иосифом был издан указ арестовывать членов семейств тех, о ком станет известно, что они состоят в добровольческих частях, сражающихся против Австро-Венгрии. Согласно этому приказу, также, каждый такой доброволец, попавший в плен, подлежал повешению без суда и следствия. Указ был прочитан во всех воинских частях Австро-венгерской армии.

Формирование чехословацкого корпуса происходило на Украине. К октябрю 17-го года уже было сформировано две дивизии (40 тысяч человек).

На призыв ген. Алексеева, в январе 18-го года, поддержать белых на Дону, чехи возглавляемые Массариком, ответили отказом и заявили о своем нейтралитете. Часть же чехов наравне с другими военнопленными поддержала большевиков и пошла в интернациональые отряды.

В феврале 18-го года немцы и австрийцы, нарушив заключенное ими раньше с большевиками перемирие, перешли в наступление и оккупировали Украину. Чехословацкий корпус был прнужден перейти в Великороссию, в окрестности Пензы.

В марте 18-го года чехами было подписано соглашение с большевиками об их отъезде во Францию через Владивосток, где их будут ждать корабли Союзников, которые перевезут их на Западный фронт. В мае 18-го года чехи находились в поездах, медленно продвигавшихся по направлению к Владивостоку.

В это время большевиками был заключен мир с немцами. В Москве находилось немецкое посольство во главе с графом Мирбахом, которое требовало строгих мер против чехов и, конечно, было против их переезда на Западный фронт. Возможно в угоду немцам, 25 мая Троцким был издан приказ о полном разоружении чехов. Как пишет ген. П. П. Петров («Роковые Годы», стр. 89) — «в этом распоряжении Троцкого приказывалось расстреливать на месте каждого чеха или словака, оказавшегося вооруженным». Чехи, боясь что безоружными они будут выданы немцам и зная, что в этом случае их ожидает, в конце мая 19-го года выступали вместе с белыми против большевиков. У них не было другого выхода. Это был союз с Белыми по необходимости и когда возможность выдачи отпала (11-го ноября 18-го года Германия капитулировала) чехи окончательно ушли с белого фронта, а в дальнейшем, чтобы быть пропущенными большевиками во Владивосток, предательски выдали адм. Колчака большевикам. Будь на посту президента Чехословакии в 19-ом году Крамарж, а не Массарик, этой трагедии не произошло бы.

Были, подчеркиваю, среди чехов большие патриоты славянства, горячо любящие Россию и сложившие свои головы за Белое дело. Так во время разложения чехословацкого корпуса, в конце 18-го года, чех полк. Швец, когда его полк, которым он командовал, отказался выступать на позиции, не вынес этого позора и застрелился. Еще раньше, не одобряя решение Массарика отказать в помощи ген. Алексееву, Чехословацкий инженерный батальон, в который входили и кар-

патороссы, пошел с ген. Корниловым в 1-ый Кубанский поход. Там многие из них сложили свои головы.

Были и другие иностранцы в армии Колчака. Так в Челябинске был сформирован полк из остатков Югославского корпуса, сформированного еще при Царском правительстве в Одессе. Но в сентябре 19-го года этот полк, распропагандированный большевиками, взбунтовался и перешел на сторону красных. Также при Колчаке был сформирован Украинский полк из военнопленных из Галиции и проживавших в Сибири украинцев. Он назывался «Курень Тараса Шевченко». Считался верной частью. На главном участке, под Уфой, во время весеннего наступления (19-го года) армии Колчака, когда решалась судьба Белого дела на Востоке России, этот полк в полном составе, во главе с офицерами, перешел на сторону красных, открыл фронт и внес смятение и разложение в ряды белых. Как потом выяснилось, уже при основании этого полка туда были засланы большевистские агитаторы, сумевшие сыграть на самостийных чувствах украинцев.

На Юге, у Деникина, поскольку я знаю, отдельных иностранных формирований не было. Правда, в 19-ом году король Александр, тогда еще престолонаследник, предлагал послать в помощь Деникину корпус в 50 тысяч человек, но англичане и французы воспротивились.

Обо всем этом я пишу не для того, чтобы свалить вину во всем происшедшем на иностранцев. Конечно, главная вина лежит на нас русских, оставшихся в своей массе инертными ко всему, что тогда происходило в России. Вина также лежит на Белых в том, что они, боясь превысить свою власть, не взяли на себя ответственности и не разрешили насущную проблему того времени, а именно, земельный вопрос и поэтому не привлекли на свою сторону крестьянство, которое также боролось с большевиками.

Моя цель только напомнить, что в той борьбе, в которой решалась судьба России, как мы видим теперь, решалась и судьба всего мира. Запад не только оказался безучастным к этой борьбе, но в лице многих тысяч своих представителей помог большевикам одержать победу.

Борис Павлов.

ТЕНЬ ЛИЕНЦА.

(К сорокалетию предательства англичан)

Прошло 40 лет с конца 2-ой Мировой войны, но чудовищные тени предательства и потери веры в человека следуют за нами — участниками, свидетелями и жертвами событий того времени.

Все лето 45 года на развалинах Европы бушевала **насильственная репатриация**, когда граждан победившего Советского Союза силой возвращали на их Родину. Как и почему это могло быть? Ответ на этот вопрос лежит в сущности конфронтации двух систем и по сей день.

В ходе той войны судьба жертв Сталинского террора, оказавшихся на Западе, была глубоко трагична. Миллионы сов. граждан — военнопленные, насильно вывезенные на работы в Германию, и по своей воле бежавшие от ужасов немецкой оккупации, — все с чувством обреченности ожидали конца войны.

Мировая война в Европе вылилась в столкновение двух — одна другую исключающих систем тоталитарных диктатур. Можно ли было надеяться, что оба претендента на мировое господство погибнут в жесточайшей схватке? — Третья сила в этой войне — англо-американский союз — оказался жертвой иллюзии, что с одной, де, диктатурой мы сможем сосу--ществовать. И первое, что Англия и Америка должны были для этого сделать — силой гнать на Восток своих бывших и потенциальных своих будущих союзников на расправу Сталинской деспотии.

Как известно многим, наиболее настойчивым и счастливым, удалось избежать западни. Они-то и составили так называемую «Вторую эмиграцию». Не легко это далось. Но в самом тяжелом положении оказались казаки как самые яростные и непримиримые противники «пролетарского интернационализма» Кремля. Но по пословице «Бог не без милости — казак не без счастья» немногие уцелевшие разъехались по всему свету. Они в одном остались едины — тень Лиенца забыть нельзя.

Ежегодно служат казаки свои панихиды, поминают братьев и сестер за други своя живот положивших. В Южной Калифорнии казаки Дона, Кубани и Терека 30 лет тому назад поставили Крест-Памятник в казачьем хуторе вблизи Лос Анжелеса, в Глендоре.

Но время берет свое и все меньше и меньше остается из переживших испытания неповторимого лета 45 года. Как ни странно, но та унизительная для Запада охота за людьми, которые доверились ему, явилась одним из важных пунктов договора о мире в Европе.

Ялтинское соглашение, отдавшее всю Восточную Европу Сталину, закрепило практику принудительной репатриации сов. военнопленных уже в ходе войны освобождаемых союзниками из немецкого плена.

Правительства Англии и Америки хорошо знали, что на территории Германии находятся миллионы сов. граждан. Среди них было много противников сов. режма, надеявшихся, что Запад их спасет если не из принципа, то ради собственного интереса. Но об этом знало и сов. правительство и оно заранее специальным законом 43 года объявило всех своих оказавшихся в Германии — изменниками, предателями и преступниками.

Запад имел основания предвидеть уже намечавшиеся конфликты с агрессивными планами Сталина. Тем не менее Черчилл и Рузвельт-Труман доверчиво пошли на роковое для дела мира согласие: по требованию Сталина «ВЫДАТЬ ВСЕХ». Забыты были их подписи под высоко гуманными документами Гаагских и Женевских конференций по защите прав беженцев и военнопленных, впервые утвердившими ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.

Позорные условия своей капитуляции Англия хранила в тайне 27 лет, а в США засекречены и по сей день наиболее недостойные пункты соглашения с тогда «добрым Джо». И теперь, когда мир, разделенный Ялтинским соглашением и последующими уступками тоталитарной диктатуре, стоит перед угрозой ядерной войны и духовная сопротивляемость Западных демократий колеблется под давлением советской пропаганды разоружения, — для Запада Великое Предательство священных принципов свободы личности и права на жизнь — остается катастрофичным и, как и Хирошима, глубоко деморализирующим последствием.

Говорят, в политике нет и не может быть морали. Вряд ли это так. А что же заставило засекретить политическое действо Лиенца? Как объяснить тайну конца войны? У Сталина все ясно. Он получил, что хотел. Там и гром победы. Почему этого нет на Западе? Забыт и день победы. Идут ли на пользу уроки истории? Вот и понятно почему за 40 лет не было

на Западе государственного человека ,способного подняться на такую высоту, с которой бы он увидел всю тщетность игры «в поддавки» с тираном. Увидел и поклонился бы страданиям народов России и только тогда увидел бы и путь к их скрытым надеждам. Только так восстановил бы путь доверия народов России к Западу давно — с 41 года — вдребезги разбитого. А европейское лето 45 года и так останется светлым памятником в истории непрерывной, с октября 17 года, борьбы русского народа за духовную свободу человека в условиях беспощадной ломки национального самосознания накопленного предками. Без чистой Жертвы нет победы Духа. В Лиенце первого июня 1945 года двадцать семь человек принесли себя в жертву, победив смерть во имя вечной Жизни. Двадцать семь свечей горят ярким немерцающим светом во мраке надвигающейся капитуляции перед силой безбожия — восстания против Бога.

Тень Лиенца — последний подвиг Казачьей Славы — зовет к искуплению, к личному мужеству.

Именно в этом ключе воспринимается книга «Последняя тайна». Автор ее — член Палаты Лордов, Николас Бетелл, пользуясь официальными документами из английских архивов и показаниями офицеров проводивших эту «Операцию», описывает потрясающие картины сопротивления репатриируемых вообще и особенно казаков в Лиенце. Вот, что он пишет об этом: — «Жуткий и неожиданный поворот событий — исчезновение офицеров (обманным образом), яростное нападение людей (английских солдат), которых они считали своими друзьями, молитвы и проповеди священников — ...казаки искренне верили, что жизнь в Сов. Союзе хуже смерти. Они ненавидели сов. правительство не только за физическое насилие, испытанное в прошлом на собственном опыте, но и за их стремление искоренить христианскую религию... Увереность, что их детей отберут в детдомы и растлят их души поднимала родителей на последний шаг» (Перевод с английского). Командующий офицер, майор Дэвис, увидев как казак застрелил жену и трех детей и себя, как молодая мать с двумя девочками бросается в бурную горную Драву, признается, что «Кажется в тот момент до меня дошел весь ужас происходящего». И это после шести лет самой кровопролитной войны!...

Насильственная репатриация велась не только на территории Германии и Австрии, но и в Италии, Франции, Англии и

даже из США вывозили против их воли сов. военнопленных. Все они с их бескомпромиссным выбором СВОБОДА или СМЕРТЬ наложили на этот акт печать злодеяния. Не смыть ее, не стереть без раскаяния совершивших это злодеяние.

Профессор Оксфордского Университета, Хью Тревор-Ропер в своем, осуждающем его Англию, предисловии к книге Бетелла говорит: «один из самых страшных эпизодов, описанных в этой книге, это история насильственной репатриации 50 тысяч казаков, сдавшихся англичанам в южной Австрии». В конце предисловия профессор приводит слова — мысль английского офицера: «Для постороннего было бы непозволительной смелостью легкомысленно поставить себя в положение судьи над их поступками во время войны». Верно! Но вот поставили себя...

Волнующей иллюстрацией к книгам Бетела и Толстого является документальный фильм — «По приказу свыше», сделанный в 76 году станцией ВВС. Само название фильма документального говорит — «на ком вина».

Перед глазами зрителей проходят тысячи освобожденных военнопленных и доброе к ним отношение английского населения. Случаи спасения от вывоза в Сов. Союз. Вторая часть фильма посвящена Лиенцу. Красочные картины казачьей удали и мужества и жуткие сцены вероломного насилия и выдачи. Но главная ценность фильма в передаче признаний английских офицеров участников в преступлении совершенном «по приказу свыше». Подполк. Малколм, майоры Лиск, Чартерс, Дэвис — все восьмого Аргильского Шотландского батальона через 30 лет, — теперь, как штатские люди, — рассказывают о муках совести, ночных кошмарах и раскаянии в разгроме «Казачьего Стана». Тень Лиенца, по их словам, осталась с ними навсегда.

Европейская репатриация советских граждан приобрела эпохальные размеры. Как сообщила газета «Правда» от 7-го сентября 1945 года, — «Общее количество репатриированных до первого сентября сов. граждан достигает 5.115.709 человек. Из общего числа репатриации освобождены Красной Армией 2.886.157 человек, а 2.229.552 передано нам властями союзников в том числе 1.855.910 человек передано непосредственно через линию соприкосновения сов. войск с армиями союзников».

В том числе были преданы и почти-миллионная Русская Освободительная Армия и ее основатель генерал Власов. Труд-

но представить степень неосведомленности Лондона и Вашингтона в оценке силы ненависти к Сталинскому режиму и возможности свержения его диктатуры силой воинов победивших опаснейшего врага. Ничего подобного и в мечтах не было. Спешили, кто скорей и лучше, задобрить тирана... И Сталин свой народ лишил победы, задушил сознание национально-патриотического подъема. С помощью своих союзников обвел вкруг пальца и своих капиталистов-врагов. А судьба миллионов освобожденных? Чем наградила их Родина за их страдания в плену?

В огромной массе репатриированных оказались и не советские граждане. В большинстве это были казаки и их офицеры в гражданскую войну 1918-20 годах сражавшиеся с большевиками, захватившими власть над Россией.

Война соединила их с казаками выжившими под советской властью. Как бы и не разделяла их двадцатилетняя разлука. Сказалась вековая казачья спайка. Вот пример. Оказавшись в январе 44 года на вокзале г. Загреба (Югославия), вижу навстречу идут два казака в форме 14 года образца с чубом и усами. Глазам не верю, но спрашиваю — какой станицы? Казанской, с хутора Шумилина, старший урядник помнит моего отца. Обнялись, расцеловались, повеяло свежим воздухом Донской, родной степи и, как мираж, исчезло. Казаком нельзя стать, — им нужно родиться.

Многие из старых эмигрантов разделили общую судьбу с братьями-казаками. Такие известные генералы гражданской еще войны как 78-летний атаман П. Н. Краснов, командир Дикой дивизии А. Шкуро, Соламахин, Васильев, Султан-Гирей, Н. Н. Краснов и верный друг казаков немецкий генерал фон Паннвиц были отправлены в Москву и казнены в январе 1947 года. Некоторые пережили 10-летнюю каторгу и, вернувшись, поведали чему были свидетелями. Н. Н. Краснов мл. в своей книге «Незабываемое 1945-1956» спокойно передает холодный ужас Сталинских лагерей смерти. Историческую ценность имеют воспоминания А. К. Ленивова «Под Казачьим Знаменем в 43-45 годах». Вернувшись из сов. ссылки разбитым и больным Ленивов собрал богатый материал об исходе казаков из родных краев и сдачу на милость английской армии, т. е. эпопею «Казачьего Стана». Но самый главный труд — это жертвенное дело Кубанского генерала В. Г. Науменко, издавшего два тома под названием «Великое Предательство». В них собраны все возможные показания и документы откры-

вающие тайну чудовищной репатриации.

Кто же эти казаки, доставившие так много неприятностей английским и американским властям? Откуда и каким образом они оказались в Европе и сколько их было? Английские источники говорят, что к концу 2-ой Мировой войны на территории Германии, Австрии, Чехословакии, Италии и Франции находилось около 110 тысяч человек. Но душой и сердцем вольного народа был «Казачий Стан» — 20 тысяч, гл. обр., стариков, инвалидов, женщин и детей, проделавших за два года Великого Исхода невероятный переход с Донской Земли до Млавы в Польше, а затем до Удино в Италии и все на подводах со всем своим добром. И это в обстановке жесточайшей войны!

Повесть времен гражданской войны «Железный Поток» Серафимовича — детские выдумки... Между прочим, Серафимович, покровитель Шолохова, за особые заслуги у Сталина увековечен переименованием героической станицы Усть-Медведицкой — родины атамана ген. Каледина, — на псевдоним писателя Серафимович-город.

В «Истории 8-го Аргильского батальона 1939-1947» пполк. Мальколм дает интересные сведения о «Казачьем Стане», который к тому времени перешел через Альпы на трудном перевале Сан Грос и расположился в чудесной долине Дравы в окрестностях Лиенца. «Казачий Стан», пишет Мальколм, «представил для нас серьезную проблему, т. к. в нем насчитывалось приблизительно: Мужчин — 15,000, женщин — 4.000, детей — 2.500, лошадей — 5.000 и, поверите ли, — 12 верблюдов». После описания трудностей ликвидации «Казачьего Стана» пполк. Мальколм подробно изложил проблемы с лошадьми и что среди них оказалась одна кровная. Звали ее Катенькой и в 48-ом году ее благополучно привезли в Шотландию для приплода. Благодаря Катеньке был спасен и ее «тренер».

За какие же духовные ценности отдавали свои жизни казаки? За Веру, за Славу, за Волю-Вольную трудами и кровью в веках с молоком матери передаваемые. Выдержали казаки три года Гражданской. В 20-х годах объявило сов. правительство геносид на Дону. В годах 30-32 коллективизация и раскулачивание жгли огнем и мечом без Шолоховской романтики «Поднятой Целины». До 36 года казаки были лишены всех прав человека — «лишенцы» — по иронии вместе с духовенством. Нужно ли удивляться, когда отступила Крас-

ная Армия, — из всех трущоб, подземелий, лесов и гор вышли остатки не сломленного народа. Осмотрелись кругом. Без колебания организовались в свои привычные станицы и полки и, окрепнув и собрав всех кто мог, двинулись на Запад из страны Советов. Знали казаки, что это был единственный выход. В 1709 году казаки-некрасовцы унесли свою старую веру под защиту басурманского иноверца Султана и через 250 лет их, сохранившее свою веру, потомство унесли ее в Америку. В 1943-м году уходили казаки атамана Павлова от безбожной власти к христианским народам, надеясь на их защиту...

Нет. Сгинули, растворились в тумане «прогресса» богатыри, рыцари ковыльных степей... Неужели унесли они с собой и тайну православной души русского народа, великой тайны богатства Жизни на Земле?!

Так не будет. Взойдет солнце Правды, разгонит дурман Лжи и омоет рассеет опрокинувшуюся с одного континента на другой Тень Лиенца. А о казаках народ не забудет и сказки о них расскажут и грустные песни споют. А о том, что было, — хорошо пел поэт, князь Н. Кудашев — «В сорок пятом году у Лиенца, / Где предателем сделался друг, / Опустила Покров-Полотенце / Богоматерь на скошенный луг».

Клермонт, Калифорния. **Владимир Улитин.**

БЕЛЫЕ ТЕНИ.

Не попадалась ли тебе, дорогой читатель, книга с таким многозначительным названием? Если нет, постарайся достать, прочти. Удовольствие получишь сомнительное, скорее расчитывай на неприятный вкус во рту, но если ты кадет одного из заграничных корпусов, интересно будет, т. к. действие развивается в среде русской эмиграции в Югославии, сначала в Донском Корпусе, потом в Белграде.

Автор Иван Дорба. Читал я ее в издании «Роман-Газеты» за 1983 год, но вышла она и отдельно в издательстве «Молодая Гвардия». Как всегда, «Роман-Газета» предваряет текст краткой и мало вразумительной биографией автора. Родился в 1906 году, инженер геодезист, во время войны командовал саперным взводом, работал по специальности, пишет начиная с пятидесятого года, успешно переводит с украинского и сербско-хорватского. О том, был ли в Югославии — ни слова, но из содержания становится ясно, что был и вероятно провел там не мало времени, т. к. города, быт, фольклор

описывает довольно точно.

Кончается биография фразой: «Роман Белые Тени построен на реальных фактах, у некоторых действующих лиц сохранены их настоящие фамилии». В послесловии же, некоего Владимира Беляева, озаглавленном «Достоверность», сказано, что его, при чтении книги, все время мучил вопрос: откуда автор знает все это, как появилось в рукописи точное описание природы, места действия, биографии действующих лиц и воскрешение давно забытых исторических событий. Ответ на свои вопросы г. Беляев дает весьма сомнительный: «Автор опирается на действительные факты, которые он изучал по архивным материалам, слышал от очевидцев».

Не верю. Ни архивы, ни очевидцы таких подробностей сообщить ему не могли. Для меня несомненно, что писал свою книгу Дорба не один, а в сотрудничестве с кем-то из Донских кадет, волею судьбы заброшенному в Советский Союз и принужденному предательством заслуживать прощение своему прошлому. Верю, что «сжигая все, чему поклонялся», он «поклонялся всему, что сжигал».

Не ясно мне и основное намерение Дорбы. Книга написана в точном соответствии с коренной установкой советскй литературы: кто не с нами, тот против нас, в силу чего прошлое нужно смешивать с грязью. Грязи, лжи, подтасовок — в избытке. Но, нет-нет и мелькнет что-то, верно отображающее наши чувства, верования ,устремления, саму нашу жизь в те далекие годы. Мистика церковной службы ощущается даже советским агентом; Генерал Врангель призывает кадет учиться, т. к. они нужны Великой России; в глазах кадет Генерал читает восторг и преданность; товарищество, дружба и служение одному, общему для всех, идеалу — основная черта кадет, многие из которых по окончании Корпуса вступают в ряды Нацинального Союза Нового Поколения, пробираются в Россию, гибнут.

Такого раньше не было, как не приходилось встречать в советской литературе и упоминаний о существоваии Корпусов и Институтов, Русского Общевоинского Союза, героизма «нацмальчиков», «второй России», как называет Дорба эмиграцию. Прочтешь все это и задумаешься: не решил ли Дорба ложью и клеветой купить право сказать хоть крупицы правды о русской эмиграции?

Показать думающему советскому читателю, что эмиграция жила, мыслила, действовала, воспитывала свою молодежь,

хранила принесенные с собою моральные ценности, заветы и традиции, а не была скопищем отчаявшихся во всем пьяниц и отбросов общества, как принято изображать ее в творениях «социалистического реализма». Умный-де, поймет, а для глупого прибавление очередной клеветы — ничего не изменит.

Хочется верить, что это так, что «Белые Тени» написаны с затаенной целью призвать советскую общественность к возобновлению интереса к русской эмиграции, начать пересмотр ее идеалов и деятельности, а тем самым и обрести правильную точку зрения на революцию, гражданскую войну, Белое Дело. Хочется верить, что и Иваном Дорба руководили те же мысли и чувства, что отображены в стихотворении, каким-то способом добравшемся до нас из Советского Союза:

Четвертые сутки пылает станица,
Рыдает дождями донская весна,
Придвиньте бокалы, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

А где-то и тройки проносятся к Яру,
Луны непонятный и сумрачный свет.
За нашим бокалом сидят комиссары
И девушек наших ведут в кабинет.

Мелькают Арбатом знакомые лица,
Хмельные цыгане приходят во снах.
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский, налейте вина.

Мы Доном угрюмым ведем эскадроны
И нас вдохновляет Россия одна.
Поручик Голицын, раздайте патроны,
Корнет Оболенский, седлайте коня.

Мы живем в очень лживый век. Посол Испании в Соединенных Штатах Доносо Кортес прямо сказал: «Не важно слушать, что говорят, — важно узнать, что думают». При каждой весточке из России, где нас ругают меньше чем раньше, вспыхивает надежда и хочется верить... Но мне, скептику и пессимисту, при этом всегда приходит на ум сентенция, высказанная более двух тысяч лет тому назад Юлием Цезарем: «Люди всегда верят в возможность желаемого».

Вряд ли большинство читателей нашего журнала достанет и ознакомится с книжкой «Белые Тени». Основа ее — клевета, а оставлять клевету без ответа, значит косвенно ее подтвердить. Знаю, что круг читателей Кадетской Переклички узок. Знаю, что доходит она до советского читателя в очень

малом количестве экземпляров. Но знаю и то, что поступает наш журнал и в библиотеки, и в архивы. Это даст возможность сохраниться моему протесту для тех вдумчивых и беспристрастных исследователей русской истории, которые несомненно будут. Кроме того, может быть эта моя статья побудит кого-нибудь из старейших донцов, настоящих свидетелей описанных событий, прочесть книгу и ответить на нее полно и доказательно. В стране, где пребываю, таких донцов нет, а единственный мой советник в 1925 году, когда развивались, по словам Дорбы, события, был во втором классе и понятно не помнит нужных подробностей.

Книга Ивана Дорбы начинается с заседания ГПУ на Лубянке, где решено послать безупречного чекиста Хованского, под видом морского офицера, в Югославию, в Билечу, где в Донском Императора Александра Третьего Кадетском Корпусе Генерал Кучеров хранит какой-то чрезвычайной важности документ, вывезенный из России. Хованский образец чекиста, человек «с холодной головой и горячим сердцем», едет в Югославию, имея документы на имя капитана «третьего» ранга, что было бы вполне достаточно, чтобы его арестовать, т. к. в русском флоте рангов было всего два. Происходит это повидимому в 1925 году, но, согласно своей «легенде», Хованский побывал уже на положении русского белого эмигранта в Южной Америке и вернулся в Европу, где все-таки лучше.

Почему-то Хованский начинает свое посещение Югославии не с Белграда, а с Белой Церкви, где, сидя в саду видит кадет-крымцев, институток в белых пелеринках, вспоминает о том, что «пьют русские эмигранты жадно, заливают внутренний огонь, словно состязаются, кто выпьет больше. В чемпионах ходит огромный пузатый епископ Гавриил. Остальным до него далеко, в том числе и директору Корпуса Римскому-Корсакову, хотя по своей корпуленции генерал-лейтенант почти не уступает его преосвященству».

Действительно, оба названных лица отличались полнотой, но с той разницей, что если у директора она была последствием невоздержанности в еде, у епископа причиной полноты была грозная болезнь-водянка, сравнительно скоро сведшая его в могилу. Ни один из них не пил, т. е. может быть и выпивал стакан-второй вина, но никто и никогда не видел их в состоянии опьянения. Кроме того, епископ Челябинский Гавриил в Белой Церкви не жил, а состоял законоучителем в

девичьем институте в Великой Кикинде, где девочки-прислужницы, допускавшиеся в алтарь по малолетству, после каждой службы выжимали пропитанные влагой облачения владыки. Вот вам и «действительные факты», на которые опирается автор. Добавлю, что в книге Ивана Дорбы начальница института, вдова генерала Духонина, названа вдовой генерала Каледина. Потом Хованский попадает и в «русский кабачек», каких в 1925 году в Белой Церкви не было, наблюдает как напиваются два офицера, несомненные сотрудники контрразведки, и даже ведет одного из них в гостиницу.

Дорба не избежал трафарета в описании врагов советской власти. Все они, будь то немцы или белогвардейцы, всегда уроды, в молодости прыщавые, постарше обрюзгшие, с рыбьими глазами, вытягивающие губы «куриной гузкой». Таков и крымец Околов, в котором Хованский узнает сына жандармского ротмистра, в свое время арестовавшего отца нашего чекиста, героя — революционера. Не вызывает у автора симпатии и то, что кадет Околов георгиевский кавалер. Я досконально просмотрел списки кадет всех трех Корпусов, напечатанные в наших памятках. Околова нигде не нашел. В дальнейшем в книге есть еще много кадетских имен и просмотр памяток мне показал, что личности относительно аполитичные названы своими именами, а те, кто по ходу действия оказываются активными сторонниками или противниками советской власти, в большинстве псевдонимы.

Потом Хованский едет в Белград, находит своего начальника — резидента ГПУ-НКВД, устанавливает способ сотрудничества, получает задание, помимо обретения секретного документа, войти в связь с «немалым количеством юношей, лояльно настроенных к Советскому Союзу, которых следует склонять на свою сторону, вовлечь в работу на нас».

Получает Хованский у военного агента полковника Базаревича документы, подтверждающие его личность. Добывает и направление в Донской Корпус, якобы с заданием починить электростанцию, испорченную еще с австрийских времен. Мой «молодой» донец сказал мне, что в Корпусе, в Билече, электричества не было до последнего дня, что от Военного Министерства приезжала комиссия, осмотрела электростанцию и нашла, что починить ее невозможно.

Итак, Хованский в Билече. Тут начинаются самые радужные для нас страницы. Правдиво и почти беспристрастно описан быт кадет, размещение по сотням, порядок дня, по-

верка, молитва, уроки, взаимоотношения. Даже тоска по родине не коробит, т. к. относится она к России, к Дону, а не к Советскому Союзу.Упомянуты традиции, товарищество, суровое отношение к тем, кто их нарушает, даже «красное положение». Читателю ясно, что Корпус был настоящим и полноценным военным училищем, а отнюдь не беженской школой. Дай Бог, чтобы эти страницы прочло побольше подсоветских русских людей.

Хуже, когда дело доходит до педагогического персонала. Генерал Перрет, директор Корпуса, невзарчный, пузатый, безвольный, хотя и имеет орден Св. Георгия третьей степени. Почему автору понадобилось присваивать генералу эту степень, столь редкую в Русской Армии, непонятно. А белый крестик четвертой степени генерал имел и с гордостью носил. Забыл Дорба и характерное для директора легкое заикание, от которого и пошло его настоящее прозвище. «Боровом» же, как этого хочется Дорбе, генерала кадеты не называли.

Генерал Готуа, служивший на административной должности, назван бывшим командиром русского «кавалерийского» экспедиционного корпуса во Франции, хотя кавалерии там как раз и не было. Увлечение генерала — гастрономия, но личность он положительная. Главный герой — генерал Кучеров, но о нем ниже. Адъютант Корпуса — подтянутый, сухощавый полковник Чепурковский. А остальные — шпионы. Полковник Павский, капитан первого ранга Берендс, войсковой старшина Мальцев, капельмейстер есаул Скачков, его красавица жена Ирен, секретарша директора Грация-Гликерия, о которой упоминания в списке персонала, помещенном в памятке, нет. Законоучитель, епископ Вениамин оценки не получил. Оно и понятно: похвалить священнослужителя нельзя, а обругать тоже не приходится, т. к. после войны он вернулся в Советский Союз и был там возведен в сан митрополита. Хороший человек, хотя и со старческими слабостями — преподаватель естествознания профессор Строев.

Теперь кадеты. Будущий вице-вахмистр Зимовнов, Аркадий Попов, Гоша, вероятно Перфильев, Ирошников, Татаркин, Вениосов, Готуа, правофланговый Яковлев. Все они в памятке есть, хотя и в разных выпусках. А вот Чегодова, ставшего советским патриотом. и Петра Бережного, погибшего в Советском Союзе, куда он проник по поручению Союза Нового Поколения, ни в одной памятке я не нашел. Упоминается еще Александр Колков, тоже погибший в Советском Союзе, но

это имя я нашел в списке пятого выпуска Крымского Корпуса, как ушедшего из седьмого класса в 1924 году.

Несколько слов об Аркадии Попове. Судя по книге, он стал советским патриотом, другом Хованского, спасенного им из рук антикоммунистов — убийц. Что Аркадий был необыкновенно силен — правда. Я сам видел, как он, будучи уже югославским морским офицером, стоя на причале вытащил за поручни из воды корму моторной лодки, дав возможность распутать, накрутившийся на винт, канат. Судя по письму одного из бывших кадет, офицеров югославской армии, кончил свою жизнь Попов, бомбардируя с аэроплана позиции немецких войск в последние дни войны. Это рисует его, как «красного». Но почему же он не уехал в Советский Союз при помощи того же Хованского, а окончил морское училище и вплоть до войны служил в югославском флоте? Не произошло ли с ним то, что и с некоторыми другими югославскими офицерами, бывшими кадетами, полностью принявшими Югославию, как свою вторую родину, в ущерб первой — России? Бог им судья, но в искреннюю «красноту» Аркадия Попова я что-то не верю.

В книге Дорбы упомянуты и некоторые события, имевшие место в жизни Донского Корпуса. Приезд Донского Атамана генерала Богаевского. Прибытие кадет-сибиряков. Посещение Корпуса Митрополитом Антонием. Встреча Главнокомандующего Генерала Врангеля, восторг кадет. Правда, генерал Врангель «черный барон», с явными признаками болезни, усталый, разочарованный. Побывал в Корпусе и прославленный хор Донских Казаков Жарова, пел в церкви и давал концерт, которому предшествовала постановка своими силами «Цыган», где роковая Ирен Скачкова выступала в роли Земфиры. Сомнительно мне, чтобы доморощенный спектакль был показан одновременно с выступлением жаровцев.

Описан и бал, где играл оркестр Корпуса, а танцевали дамы и приехавшие в отпуск институтки. Но и здесь несуразица: очаровательная Ирен танцует с кем-то танго. В те времена о танго и речи быть не могло, танцевали мы краковяки, падеспани, польки, вальсы.

Но нужно признать, что описано все это довольно точно и правдиво, как и сербский фольклор, с которым герой-Хованский соприкасается благодаря приятелям из местного населения, понятно убежденным коммунистам. Так в кафане подают вино, а к нему белый сыр с зеленым луком (помните:

«бели сир са црним луком»), лепешку-лепинью, кукурузный хлеб-прою. А поют сербы о том как

Ура́нила косовка девойка,
Ура́нила рано у неделью,
У неделью прие ярка сунца.

Но что же это за документ, столь значительный, что заслуживает командировки в Югославию Хованского? Тут, на мой взгляд, крупицы истины завалены глыбами выдумки и подтасовок.

Начинается его история с 1920-го года, когда в какой-то донской станице стоит казачий полк под командой полковника Кучерова, отбиваясь от красных, готовых вот-вот занять станицу. Генерал Врангель вызывает к себе полковника и просит его ночью пробраться в какую-то хату и получить от секретного агента некий документ, уплатив за него золотом. Генерал не доверяет своей контр-разведке, которая-де работает на французов. Кучерова он не знает, но слышал о нем, как о хорошем разведчике. Для большей убедительности, Главнокомандующий сообщает полковнику, что уже подписан приказ о его производстве в генералы. Кучеров уже не доверяет Врангелю, поручение ему не нравится, но все же он на него соглашается.

В этом описании несомненно расчет на наивность читателя. Генерал не верит своим сотрудникам, обезглавливает полк, ведущий бой, доверяет действия большого значения человеку, которого знает по наслышке. Кучеров идет на риск, недоверяя Главнокомандующему. Да и производство в генералы донского полковника было прерогативой Донского Атамана, а не командующего добровольческой Армией.

Для страховки, генерал Кучеров поручает своему станичнику и другу детства вахмистру Попову, отцу Аркадия, тайно следовать за ним. В указанной хате он застает латыша Блаудиса, который позднее окажется агентом английской Интеллидженс Сервис капитаном Джонсоном, и который передает ему явно фальшивые списки своей агентуры, получив взамен золото. Полковник-генерал возвращается к себе, где его кто-то пыряет ножом в горло. Вахмистр остается у дома Блаудиса, видит как тот принимает какого-то другого человека и ему что-то передает. Человек направляется к реке, где вахмистр, который был еще сильнее свого сына Аркадия, оглушает его кулаком и забирает полученный пакет. Генерал Кучеров в госпитале, но фальшивку, им полученную передают

Генералу Врангелю. Пакет, в котором оказалась табакерка с двойным дном, а в этом несколько листков папиросной бумаги со списками агентуры, вахмистр хранит у себя и передает генералу Кучерову уже в Турции. Занятно, что табакерка сделана из папье-маше в восемнадцатом веке, во Франции. Что-то мне сомнительно, чтобы в семисотых годах папье-маше служило материалом для выделки табакерок. Вахмистра убивают солдаты сенегальцы при стычке с казаками в Турции, а генерал Кучеров через Лемнос попадает в Югославию, в Донской Корпус, где служит казначеем, храня табакерку в сейфе, ключ от которого и буквенную комбинацию для его открытия хранят и знают только директор и казначей.

По словам Ивана Дорбы, генерал Кучеров разочарован в Белой Идее и почти готов стать советским патриотом. Поэтому он табакерку хранит, чтобы не попала она в руки врагов родины. Даже Генералу Врангелю, настаивавшему на ее получении при своем посещении Корпуса, он в этом отказывает, хотя Главнокомандующий уже осведомлен об всех перипетиях, повидимому через Интеллидженс Сервис. Генерал Кучеров настолько близок к советской идеологии, что соглашается читать курс лекций нескольким кадетам, возглавляемым Чегодовым, по вопросам политической идеологии.

Спрашиваю моего друга «молодого» донца, что помнит он о Генерале Кучерове. В его памяти, Генерал Кучеров был большим патриотом Дона и России, неоднократно говорившем о своем желании вернуться на Дон, чтобы продолжать борьбу за свободу и жизненный уклад казачества. Среди кадет он был очень почитаем. О политических же высказываниях мой осведомитель ничего не помнит.

За табакеркой охотятся четыре группы лиц: полковник Павский и его подруга секретарша Грация-Гликерия, как агенты белой контр-разведки; супруги Скачковы, по поручению польской, а через нее и английской, разведки; капитан первого ранга Берендс, чья принадлежность так и не выяснена, и, наконец, чекист Хованский.

Преуспевает последний. Он открывает свое лицо генералу Кучерову, передает ему приветы от жены и детей, приглашает ехать на родину. Счастливый генерал вручает ему списки, которые немедленно фотографирует Аркадий Попов, заведующий фото-кабинетом. Фотографии пересылаются в Белград, а оригиналы возвращаются в табакерку, в сейф, от которого

ключи есть уже у всех заинтересованных, снявших копии с восковых слепков. Все это происходит в течение одного-двух дней, в течение которых генерал почти во всеуслышание сообщает и буквенный ключ к сейфу, деритесь, дескать, за уже использованный документ.

Для меня, как и для всякого, ясно что дело темное. Как мог снять снимки с папиросных бумажек Аркадий Попов, в то время, когда для фотографирования пейзажей или групп фотографы залезали под черное покрывало, когда для каждого снимка нужно было менять особую пленку? Как можно было послать столь секретные снимки немедленно в Белград, если до Требинье, от которого Билеча отстоит на десятка полтора километров, нужно было доезжать поездом с четырьмя-пятью пересадками?

В тот же день в Корпус прибывает большая сумма денег на его содержание, которую генерал Кучеров помещает в сейф. Ночью его убивает ударом топора есаул Скачков.

Как не прискорбно, факт убийства действительно имел место. Мне уже давно приходилось о нем слышать от донцов, по вполне понятным причинам его умалчивающим. Но в те, далекие уже, годы мне говорили, что есаул Скачков был настоящим неврастенником в силу настояний его жены предоставить ей возможность лучшей жизни, соответствующей ее исключительным физическим и моральным качествам, причем упоминалось и о разводе. Доведенный до отчаяния есаул-капельмейстер убил генерала, по одной версии, когда тот нес деньги из Белечи в казарму-Корпус, по другой же, чтобы завладеть ключем от сейфа. Главное же, что согласно донской памятке, генерал Кучеров был убит в 1923 году и в том же году выбыл из состава есаул Скачков. По книге же Дорбы убийство произошло после приезда Митрополита и Генерала Врангеля, когда Попов и Зимовнов были еще в седьмом классе, т. е. в 1925 году. Разница очень значительная.

Версия Дорбы весьма запутана. Скачков — это псевдоним некоего петлюровца Очеретко, зверствовавшего на Украине, попавшего при советах на Соловки, бежавшего оттуда, добравшегося до Польши и там ставшего агентом разведки. Ирен не его жена, а сотрудница. Зачем ему нужно было убить генерала — просто непонятно. Ключ от сейфа у них был, комбинация для открытия не являлась секретом, генерал уже не представлял собою никакой ценности. Зачем же убивать генерала? Но при всем этом, некоторое сомнение у

меня остается. Уж больно подробно описано в книге прошлое Скачкова-Очеретко и обольстительной Ирен, урожденной Жабоклицкой, по первому мужу Сосновской. Повидимому какието данные Дорба в архивах нашел и на них строил свои хитросплетения. Какой-то огонь был причиной этого дыма, но какой именно мы никогда не узнаем.

Разошелся Иван Дорба и в описании последующих событий. В сокрытии поводов к убийству заинтересованы все, начиная с Министра Внутренних Дел Ачимовича, который давит на следователя, кончая генералом Кутеповым, который говорит по телефону из Парижа с директором Перретом. Даже в нашей Белой Церкви в Корпусе телефона не было, откуда же он взялся в Билече, в крепости, где и электричества не существовало? Да и как мог Министр мешать расследованию чисто политического дела, в котором Югославия была кровно заинтересована, в силу действий на ее территории иностранного шпионажа?.

Дорба утверждает, что дело замяли, а козлом отпущения оказался Скачков, угодивший в тюрьму. Нужные сведения в руках ГПУ, а сами списки агентов оказались у каперанга Берендса, в последнюю минуту сговорившегося с Ирен Скачковой, легко и просто предавшей мужа-сотрудника.

Теперь чекисту Хованскому, безупречно выполнившему свое задание, как в отношении документа, так и в деле осовечивания какого-то количества русской молодежи. в Билече делать больше нечего, тем более, что Корпус вскоре будет переведен в Горажду. Хованский перебирается в Белград, в прямое подчинение своему начальнику — резиденту.

На этом можно бы и кончить, т. к. дальнейшее повествование Ивана Дорбы к Корпусу и кадетам прямого отношения не имеет. Скажу лишь несколько слов о том, насколько удалось Хованскому, по сведениям Дорбы, найти среди кадет слабодушных, поддавшихся на его пропаганду, переметнувшихся в советский лагерь, согласившихся на прямое предательство своих друзей.

Таких предателей названо всего пять: Чегодов, Бережной, Аркадий Попов, Зимовнов и Буйницкий. Первый втерся в ряды Национально-Трудового Союза Нового Поколения, выдвинулся, занял ответственный пост в этой организации и использовал его для сообщения НКВД о заданиях, времени и месте перехода границы и именах лиц направлявшихся в Советский Союз для активной работы. В списках кадет, помещенных в

памятке, я, повторяю, такого имени не нашел.

Нет там и имени другого предателя — Бережного, но сведений о нем сообщено достаточно, чтобы не сомневаться в том, что он существовал. Нам сказано, что звали его Петром Антоновичем, что прибыл он в Югославию в составе Хабаровского Корпуса, что был обезьяноподобен. Бережной тоже вступил в НТСНП с целью подрыва его деятельности изнутри. Он был послан в СССР в составе группы из шести человек, попал под обстрел на границе, сдался пограничникам, был ими выпущен, присоединился к остальным диверсантам, сообщал в НКВД об их переездах и наконец предал всю группу. Боюсь окончательно осудить Бережного, т. к. Дорба кончает описание действий этой группы короткой фразой: «все были казнены», не исключая из нее Бережного. Возможно, что шел он в Россию с желанием бороться против коммунистов, а попав в перестрелку на границе смалодушничал и предал друзей, в надежде спасти свою жизнь, забыв о том, что от слуг дьявола ни милости, ни великодушия ожидать не приходится. Бог ему судья.

Категорически отказываюсь верить в предательство Зимовнова и Попова. Сербские морские офицеры, они были далеки от русской политики. Я не знаю, бывали ли они в Белграде и встречались ли с русскими. Попов одно время служил в дунайской флотилии в Новом Саду, Зимовнов же повидимому всю службу провел на Адриатическом побережье. Оба они были отличными кадетами, любимыми и уважаемыми товарищами. Зимовнов был вице-вахмистром своего 37-го выпуска, Попов вице-урядником, гимнастом, силачем, «рубахой парнем». Узнав об этом от своего осведомителя-соавтора, Дорба и внес их в список совращенных Хованским кадет, — вот де какие люди перешли в наш лагерь.

О Буйницком ничего сказать не могу. Был такой кадет крымец, но это явно не он, т. к. Николай Буйницкий войну провел в Русском Корпусе, потом переселился в Венецуэлу, где и умер, оставив многочисленное смешанное потомство.

Названы своими именами и многочисленные герои, активно боровшиеся с советской властью, жизнь свою отдавшие за спасение России от коммунизма. Это Околов, Колков, Ольшевский, Чепурнов, Василий Дурново, Гурский, Авчинников, Сидельников. Имена двоих из них, Колкова и Дурново, упомянуты в кадетской памятке среди погибших в борьбе с коммунизмом на территории Советского Союза до начала Вто-

рой мировой войны.

Для нас их имена овеяны ореолом святости, но и Иван Дорба не поносит их слишком настойчиво. Для него это были обманутые люди, растерявшиеся в советской действительности, проводившие время в пьянстве, ничем советской власти не повредившие. Повидимому для доказательства их беспомощности, Дорба их сводит все с тем же агентом Блаудисом-Джонсоном, досидевшим в Екатеринодаре до 1938-го года, когда группа была направлена в Россию, упоминая, что у того в Англии накопился уже большой капитал в фунтах. Недреманное око ГПУ-НКВД давно открыло Блаудиса и сделало его двойным агентом, т. ч. в предательстве группы, помимо Бережного, сыграл роль и пресловутый Блаудис.

«Не любо — не слушай, а врать не мешай», говорит старая русская пословица. Может быть оно и верно, когда применяется к безобидному вранью. Но клевету на героев, жизнь свою отдавших во имя родины, оставлять без ответа невозможно.

С тех пор минуло уже почти пол-века. Не пора ли Национально-Трудовому Союзу прямо и открыто сказать о том, что происходило в те далекие годы, дать всем нам возможность достойно почтить память героев, вышедших из нашей среды? Не будет ли это лучшим ответом Ивану Дорбе и всем клеветникам старой России, Белого Дела, русской эмиграции, самого Союза?

Грустные мысли навеяло чтение этой книги.

В «Круге Первом» Солженицына, его герой, сидя в «воронке», увозившем его из «шарашки», т. е. первого круга дантовского ада, в концлагерь, думает о том, что там он наконец сможет стать самим собой, думать и говорить все что захочет, не притворяться, не лукавить. Там, в Советском Союзе, свободу личности получал лишь тот, кто попадал под жесточайшую стражу, кому уже ничто не угрожало, т. к. хуже концлагеря и придумать что-нибудь было невозможно.

Мы жили в свободном мире, но и тут полной свободы личности мы не ощущали почти никогда. Борьба за жизнь всех заставляла приспосабливаться, замалчивать свои мысли и чувства, даже иногда идти на маленькие компромиссы с совестью. Оглядываясь на прошлое, невольно приходишь к заключению, что наиболее полной свободой духа обладали мы в стенах наших Корпусов, где не нужно было бороться за свое существование, где в суровых и непреклонных традициях все мы думали, чувствовали и надеялись одинаково. Немы-

слимым казалось проникновение в нашу среду чуждых идей и настроений, присутствие среди нас враждебных агентов и шпионов. Книга Дорбы наглядно показала насколько ошибочной была такая увереность, как много внимания уделял нам полицейский и разведывательный аппарат Советского Союза.

Прочтите эту книгу. Удовольствие получите безусловно сомнительное, но мыслей на вас она навеет много.

Владимир Бодиско.

Павел Пагануцци

ПОРТСМУТСКИЙ МИР 1905-1985

и участие Японии в революции 1905 года.

> «Зажглась, друзья мои, война.
> И развились знамена чести».
> *Лермонтов.*

Вероломно, без объявления войны, 8 февраля 1904 года, Япония напала на русский флот в Чемульпо и Порт-Артуре. Тогда Японии повезло. 37 лет спустя, таким же способом, начала она войну против своего бывшего союзника — Соединенных Штатов, уничтожив американский флот на Гавайских островах. На этот раз Япония просчиталась.

В американской печати, нередко, проскальзывают заметки о том как Царская Россия спровоцировала Японию на войну, в результате чего претерпела «сокрушительное поражение». (Crushing defeat)

Многие из нас привыкли думать, что впервые в истории всех войн на земле, Германия, отчаявшись сломить своего врага на полях брани, со «знаменами чести», попыталась морально его разложить и вызвать в стране противника революционный хаос. На самом деле такой, по нашим моральным стандартам, бесчестный способ добиться легкой победы, был применен против России Японией в войну 1905 года. Но разве приходится этому удивляться в наш страшный и жестокий век? Никогда еще в истории человечества ложь не возвещалась как истина, зло не выступало так цинично, бесстыдно и открыто.

В 1921 году бывший военный агент Японии в Петербурге, полковник Акаши написал книгу-биографию, в которой он повествует об его связях с русскими предателями-революционерами и о своей подрывной работе против России.

После революции и окончания гражданской войны в России, Гуверовский институт в Калифорнии получил часть архива царского Охранного Отделения. А вслед за капитуляцией Японии, в 1945 году, были рассекречены архивы японского министерства иностранных дел. В результате этого более подробно выяснилась зловещая роль полковника Акаши, направленная на организацию революции в России.

По началу этот выдающийся японский агент действовал через Пилсудского, будущего главу Польского государства. Последний был арестован 1887 году вместе с Александром Ульяновым после попытки покушения на жизнь императора Александра III. Пилсудского сослали на 5 лет в Сибирь. После возвращения из ссылки он продолжал революционную деятельность, был заключен в Петербургскую тюрьму, откуда бежал в 1901 году в Германию.

В самый разгар японской войны, в июне 1904 года, Пилсудский — «знатный гость» — в Токио. Он даже посещает японские позиции вокруг Порт-Артура *). Осенью того же года Акаши организует конференцию русских революционеров в Западной Европе, а на Конгрессе 2-го Интернационала в Амстердаме встречается с Лениным. Последний оставил на Акаши «хорошее впечатление» и он пришел к заключению, что Ленин вполне способен организовать в России революцию. Русская контрразведка (Охранное Отделение) оказалось на высоте положения и, раздобыв японский секретный шифр, установила наблюдение за Акаши.

Какую сумму денег русские предатели-революционеры получили от Японии достоверно не известно. Но только на бунт на броненосце «Потемкин» было отпущено 40 тыс. рублей золотом. Снабжали японцы революционеров не только деньгами, но и оружием, в значительном количестве. На его переброске участвовали Литвинов (Финкельштейн), Красин и другие.

Американский общественный деятель Д. Кеннан, при денежной поддержке банкира Якова Шиффа организовал революционную пропаганду среди русских военнопленных в Японии. Ему на помощь пришел старый ренегат, чудом уцелевший народоволец Судзеровский. На шиффовские серебряники он начал издавать для военнопленных пропагандный журнал «Япония и Россия». Усердно помогал распространять ложь среди русских солдат и матросов другой предатель, пленный матрос — Новиков-Прибой.

Вероломное нападение Японией на Россию вызвало вспышку патриотических чувств даже в среде распропагандированной интеллигенции. Был потрясен и убежденный пацифист Лев Толстой. Добровольцем на фронт пошел его сын Андрей и еще один родственник, пропавший там без вести. Софья Андреевна Толстая писала по поводу начавшейся войны из Ясной Поляны следующее:

«Война эта в нашей деревенской тишине всех волнует. Общий подъем духа и сочувствие Государю изумительное».

Толстой все-таки написал статью против войны: «Одумайтесь». Лондонский Таймс напал на Толстого за нее, закончив свою передовицу следующим образом: «В ней (т. е. в статье — П. П.) ярко выступает та большая пропасть, которая отделяет весь душевный строй европейца от умственного состояния великого и влиятельного славянского писателя, недостаточно полно усвоившего некоторые отрывочные фразы европейской мысли».

Было это написано в период величайшего расцвета самой большой в мире колониальной, империалистической державы...

Но, несмотря на свой пацифизм, старый ветеран, герой обороны Севастополя, очень страдал получая вести с фронта. А падение Порт-Артура подействовало на Толстого больше всех в семье и он занес в свой дневик:

«Сдача Порт-Артура огорчила меня. Мне больно. Это патриотизм...»

Начав войну с Россией Япония ожидала поддержки своей союзницы Англии и Соединенных Штатов, которые стремились ослабить до предела позицию России на Дальнем Востоке. Соединенные Штаты домогались еще и расширения сферы своего влияния в Маньчжурии.

Американский президент Теодор Рузвельт сразу же после начала войны дал знать Франции и Германии, что в случае поддержки ими России он будет вынужден выступить на стороне Японии. Симпатизировала России только одна Франция, вероятно, из-за страха остаться в Европе один-на один с Германией. Немцам создавшееся положение только шло на руку.

Ведя прояпонскую политику, узнав о нападении на русский флот, Рузвельт писал: «Между нами я очень доволен японской победой, ибо Япония ведет нашу игру». До чего довела эта «игра» 37 лет позднее недальновидный президент не мог

предвидеть.

В ходе войны Японии удалось занять часть Маньчжурии, Корею, Ляодунский полуостров. Но все это потребовало большого напряжения сил и огромных денежных затрат. Нью Йоркский банк Якова Шиффа предоставил Японии огромный, по тому времени, заем в 200 мил. долларов золотом. На фронте дела были далеко не блестящи. В упорных боях за Ляоян японцы потеряли 20 % состава своей армии, и хотя всему миру хотели представить себя победителями, за кулисами лихорадочно искали способа начать мирные переговоры. Первые попытки были предприняты уже в начале июля 1904 года. Японский посол в Англии — Хаяси сделал демарш во время боев за Порт-Артур, но безуспешно. Во второй раз он действовал через немецкого дипломата Эккердштейна после падения крепости, надеясь, что неудача подействует на русских и они пойдут на уступки. Чем фронт более отдалялся от японских баз, Хаяси становился все более настойчивым... Возможно, что русское правительство и согласилось бы на более ранние переговоры о мире, да японцы, предлагая их, ставили необыкновенное условие: чтобы официальное заявление о мире исходило от России. Император Николай II такое требование категорически отверг.

В апреле 1905 года инициативу мирных переговоров, со знания (но не по предложению) русского правительства взяла на себя Франция. Делькассе вступил в контакт с японским послом в Париже — Мотоно, сообщив ему, что Россия соглашается вести с Японией мирные переговоры, при условии исключения пунктов об уступке какой-либо территории и уплаты контрибуции. Предпочитая посредничество Соединенных Штатов, Япония отказывается от предложения Франции. По инструкциям своего правительства японский посол в Вашингтоне — Тахакири обратился к Рузвельту с просьбой сделать России предложение о мире. До этого времени Япония получила от Соединенных Штатов весьма значительную поддержку деньгами, продовольствием и сырьем.

Под давлением общественного мнения в стране Рузвельт начал менять свое отношение к России. От Японии он потребовал дать обязательство эвакуировать войска из Маньчжурии по окончании военных действий и не нажимать слишком на Китай. Япония согласилась на американские предложения, но ничего конкретного из них не вышло из-за назревавшего морского сражения.

Между тем в России усилилось революционное брожение и русское правительство принципиально решило приступить к мирным переговорам. Так как силы Японии быстро таяли, она опять обратилась к Рузвельту за посредничеством, прося, чтобы американское правительство скрыло о том, что инициатива исходила от нее. Рузвельт в свою очередь стал опасаться слишком большого усиления японской мощи на Дальнем Востоке и дал свое согласие.

Но, в основных вопросах, как и Англия, Рузвельт и дальше поддерживал Японию. По секретному американо-японскому договору (Тафт-Кацура) признавались права Японии на Корею, «уступался» Ляодунский полуостров и Порт-Артур Японии.

Выиграв морское сражение Япония обеспечивала себя со стороны моря, но на суше положение становилось все тревожнее. Финансовое состояние было критическим. Яков Шифф отказал Японии в новом займе. С военной точки зрения дела были далеко не блестящи. Японцы потеряли ранеными и убитыми более 70% довоенного состаав армии: четверть миллиона солдат и офицеров. Особенно ощутительными оказались потери в офицерском и унтерофицерском составе армии. А к концу августа 1905 года русским удалось получить перевес в количестве штыков и сабель на фронте.

И Японии не оставалось ничего другого как согласиться на русские условия при ведении переговоров.

Местом мирной конференции был выбран живописный городок в Штате Нью Хэмпшир, Портсмут, колыбель американского военного флота. Интересы России представляли С. Ю. Витте и барон Р. Р. Розен. Всюду, по пути из Нью Йорка до Портсмута население страны восторженно встречало русских, а особенно в Портсмуте, на японскую же делегацию почти что не обращали внимания. Это заметил Рузвельт, которому предстояли в будущем выборы, и принял во внимание.

Конференция открылась 9 августа 1905 года и на первом же заседании Витте заявил японским представителям Комуре и Тахакире, что в «переговорах нет ни побежденных ни победителей». Затем русская делегация потребовала, как условие переговоров, чтобы обе стороны согласились сразу же после войны очистить Маньчжурию. Японцы должны были это предложение принять.

Японские требования сходились к следующему: отвод русских войск из Маньчжурии; передача Ляодунского полуост-

рова и Китайской Восточной Железной Дороги (КВЖД); признания за Японией свободы действий в Корее; уплата контрибуций; выдача интернированных русских судов; присоединение Сахалина; ограничение русских военно-морских сил на Дальнем Востоке и право на рыбную ловлю вдоль русского побережья.

Прения о суверенитете Кореи продолжались довольно долго. По настоянию Витте в протокол было занесено обязательство не «производить мероприятий затрагивающих суверенитет Кореи, без соглашения на то Корейского правительства». В вопросе судьбы КВЖД Россия отстояла свои права. По договору вся эта железная дорога и часть южной ветки (ЮМЖД) от Харбина до Куанчецзы осталась за Россией.

В ходе переговоров Витте представил весьма искусно чрезмерное усиление Японии как угрозу всем заинтерсованным державам на Дальнем Востоке, и этим склонил общественное мнение в сторону России.

Япония и далее настаивала на всех остальных притязаниях и конференции грозил срыв. Но, напуганная продолжением войны, Япония отказалась от требования ограничения морских сил, выдачи интернированных судов, уплаты контрибуции, с условием уступки ей Южного Сахалина и уплаты за Северный 1200 млн. иен. И тут Рузвельт попробовал оказать давление на Россию. Во время свидания с Розеном он настаивал на принятии Россией японского контр-предложения. Но видя, что Витте и Розен не склонны дальше идти на уступки, Рузвельт посоветовал японцам проявить умеренность.

Портсмутский Мирный Договор, подписанный 5-го сентября 1905 года, состоял из 15 статей:

«Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, а также ЮМЖД от Порт-Артура до Куань-Чен-Цзы и соглашалась на заключение рыболовной конвенции как и предусматривала уступку Южного Сахалина. Портсмутский мирный договор обуславливал также исключительно коммерческую эксплоатацию маньчжурских дорог обеими державами. Таким образом Япония получила в собственность Южный Сахалин и приобрела фактическое господство в Корее и Южной Маньчжурии. Однако ей пришлось отказаться от требований уплаты контрибуций, ограничения морских сил России на Дальнем Востоке и выдачи интерни-

рованных судов. Условия договора были значительно ближе к русской программе мира, чем к японской».

По дороге в Россию С. Ю. Витте посетил американское военное училище Вест Пойнт, где был торжественно встречен. Во время парада юнкера училища проходили церемониальным маршем перед высоким гостем под звуки русского национального гимна «Боже Царя Храни».

Франция и даже Англия почувствовали облёгчение после подписания мира в Портсмуте. В Европе назревала опасность Германской экспансии и обе веиких державы рассматривали Россию как потенциального союзника. А планы президента Рузвельта с помощью Японии, занять господствующее положение в Маньчжурии, потерпели фиаско. Япония не выполнила обещаний передать Америке права на эксплуатацию Южно-Маньчжурской Железной Дороги (ЮМЖД) и после окончания военных действий японцы начали «выкуривать» американских бизнесменов и капиталистов из Маньчжурии.

После окончания войны 1904-1905 года Япония пыталась достигнуть известного сближения с Россией. В 1907 и 1909-х годах были заключены, по ее инициативе, договоры, а в 1914 году Япония предлагала России что-то вроде военного союза на Дальнем Востоке.

Ровно 40 лет после начала переговоров в Портсмуте, 8 августа 1945 года Советские войска перешли Маньчжурскую границу и заняли Порт-Артур. А вскоре в журнале Огонек и других советских изданиях появились многочисленные снимки фортов крепости с группами советских военных. Что эти русские люди передумали глядя на обломки трагических событий, разыгравшихся 40 лет назад? Нам только известно, что офицеры частей, занявших Порт-Артур, отправились к памятнику защитников крепости и в безмолвии опустились на колени.

Павел Пагануцци.

---

*) Став главою польского государства Пилсудский отомстил России но, одновременно подписал этим в будущем. смертный приговор свободному польскому государству. Ослепленный ненавистью к России он не был в состоянии реально оценить военно-политическую обстановку и заглянуть в будущее. Осенью 1919 года, когда Добровольческая армия рвалась к Москве и в Кремле готовились к бегству. Пилсудский тайно заключает соглашение с Лениным и дает возможность большевикам перебросить с польского фронта отборные части против Белых и, в том числе, преторианскую ленинскую гвардию — латышских стрелков. Чемберлэн в книге «Русская революция 1917-1920» (на английском) писал, что Пилсудский считал, что «победа Белых будет противоречить польским национальным

Цивилизация и Культура.

Зачастую во многих серьезных статьях вносится неясность из-за произвольного толкования употребляемых слов и понятий. И тогда бесполезна всякая дискуссия, пока в этом смысле не найден общий язык. Это особенно наглядно видно при обсуждении монархии и демократии, поскольку их идеологическое обоснование и практическое применение имеют разный смысл для отдельных личностей и государств. Современные Запад и Восток по разному определяют демократию, а английская монархия и монархизм Иоанна Грозного почти ничего не имеют общего. Поэтому, лишь дав субъективно правильное и ясное определение своей терминологии, каждый автор может логически выразить свою точку зрения.

Можно с уверенностью утверждать, что многие термины обозначающие современные понятия, сильно отошли от своего первоначального значения. Не избежали этого и такие слова как цивилизация и культура. В нашу эпоху гораздо правильнее считать цибилизацией степень материальных удобств и благополучия, а культурой все проявления и достижения духовного порядка. Приняв такое определение этих слов, мы можем приступить к историческому обзору человеческого прогресса в материальной и духовной областях. Но учитывая, что культура и цивилизация тесно переплетались на всех ступенях человеческого развития, мы должны признать, что в какой-то доле, они всегда присутствовали в истории человечества. Поэтому можно лишь отметить преобладание одной из них в разные периоды мировой истории.

На заре развития человечества, около бассейна Средиземного моря, вся культурная деятельность была сосредоточена в узком замкнутом круге служителей религиозного культа. В Вавилоне и Египте жрецы являлись носителями культуры и знаний. Во многих областях духовного развития они были на уровне еще недоступном в наше время. Из своих знаний они передавали остальной массе народа лишь практические сведения необходимые для улучшения быта, — такие как календарь, орошение, азбука и прочие практические познания.

интересам». А «Полска Збройна», злобно реагируя на брошюру ген. Деникина (на польском), кроме остального писала: «В белой России Пилсудский должен был видеть извечного врага, тогда как в России красной он мог видеть только кристаллизующийся хаос». (Ген. Деникин. *Мировые события и Русский вопрос*, Париж. 19»9 г.)

Павел Пагануцци.

Первой страной на Западе, где культура стала достоянием всего народа, была древняя Греция. Там искусство, литература и философия стали главным интересом и смыслом всей жизни. Все материальное отошло на задний план и остановившись на примитивном уровне медленно улучшало народный быт. Зато в духовной области — в культуре — эта эпоха не имеет себе равных. То, что было создано там, за исторически короткий срок, оказало колоссальное влияние на все дальнейшее развитие человечества. До наших дней нет такой области, где бы не сказалось влияние античной культуры, будь то в искусстве, науке, религии и даже в идеологиях современных политических систем.

К сожалению, полное пренебрежение материальной стороной жизни очень скоро за себя отомстило при столкновении с другой крайностью — с Римской Империей. Там мы видим большой перевес материализма, а культурная деятельность в основном ограничивалась подражанием и была под сильным влиянием Эллады: знание греческого языка считалось признаком высшего образования. Знаменитые речи Юлия Цезаря, Цицерона и других деятелей Империи разрешали лишь практические задачи и помогали строить могущественное государство с очень высоким уровнем цивилизации. Поэтому, когда нахлынули варвары, Рим мог передать им только Гражданское Право, практические примеры управления и водопроводы для некоторых итальянских городов.

Но вскоре на смену пришла новая духовная сила — Христианство. И очень показательно, что зародившись на востоке, оно окрепло и встало на твердые ноги как государственная религия в греческой Византии. Там оно оформило свою духовную сущность и провозгласило на Вселенских Соборах те основы и догматы, которые не утратили своего значения до наших дней. Это оформление христианского вероучения произошло не без влияния античной культуры, особенно учения Платона и неоплатонизма об эманации. Примат духовного над материальным из Византии перешл на Русь вместе с Христианством при Владимире Святом. Несмотря на все последующие трудности создания Империи и греховные падения; несмотря на сильное влияние идей с времен Петра Великого, — идеал духовного совершенства не угасал в России почти тысячу лет до октября 1917 года. Только тогда материализм был объявлен государственной религией и единственной ценностью земной жизни.

Как контраст, на Западе гораздо сильнее сказалось влияние наследства Римской Империи. Очень скоро, благодаря более сильной организации, вся западная Европа подпала под власть единой Римской Церкви. Духовенство провозгласило себя единственным арбитром и толкователем истины, а для всех несогласных оно ввело костер. Такого положения Римская иерархия достигла путем долгой упорной борьбы, в результате которой светская власть должна была пойти в «Каноссу». Как следствие, постепенно заглохли культура и цивилизация, так как Церковь запрещала всякий прогресс. И тогда, на долгое время, наступили на Западе мрачные Средние Века.

Приблизительно в это же самое время на дальнем востоке шла борьба тех же мировоззрений. Китай, приняв как единственную ценность духовное творчество, во всех областях достиг высокого уровня культуры. Искусство, живопись и литература заняли первое место в иерархии ценностей. Недаром для занятия главных государственных должностей требовалось выдержать экзамен по этим дисциплинам. Любовь к красоте распространялась и на низкие ремесленные произведения доведя многие, — как например фарфор — до недосягаемого совершенства. Такие изобретения как порох, бу -мага, печатание не получили в Китае широкого практического применения, как это было позднее на Западе, а лишь удовлетворяли запросы духовного порядка. Стремление к культурному совершенствованию отразилось и на социальной структуре. Вес и значение отдельных слоев уменьшались в следующем порядке: ученые, торговцы, ремесленники, землепашцы и на последнем месте военные. За отсталость в материальной стороне жизни и ввиду слабости организационного порядка, Китай дважды заплатил подчинением иностранным династиям. Однако каждый раз, благодаря высокому уровню китайской культуры, чужеземные варвары постепенно превращались в культурных китайцев.

Совершенно иным было положение социальных слоев в Японии, где первое место занимал класс самураев — военных. Весь остальной народ был одинаково бесправен и каждый в своей области служил привилегированному классу. Заведя образцовый порядок, Япония постепенно к 20-му веку достигла высокого уровня цивилизации. Однако в культурном отношении она сильно отставала от своих соседей. До наших дней во всех ее духовных проявлениях видны источники китайской,

корейской, а в новейшее время западной культуры.

Совсем особо стоит Индия. Дав миру стройное религиозно-философское учение, она оказалась первой жертвой его идеала бездействия и непротивления злу. Приняв, как смысл земной жизни человека, его духовное совершенствование, Индия, пренебрегая даже минимальным благополучием низших слоев, отбросила всякий прогресс цивилизации и, как результат, без всякого сопротивления стала надолго английской колонией. Только в новейшее время под влиянием Запада она начала сбрасывать оковы религиозной доктрины прежних поколений.

Для того чтобы влиять на развитие стран Востока, Запад должен был сдвинуться с мертвой точки Средних Веков. В рамках государственной религии это произошло в эпоху Возрождения, когда все области культурного развития достигли большой высоты. Однако католическая иерархия, допустив развитие искусства и литературы по следам древней языческой Римской культуры, очень скоро стала терять руководство мышлением и бытом населения. А когда священство, в духовном ослеплении, попробовало распространить свою власть даже на загробную жизнь, — всем жертвователям на церковь оно обещало протекцию на небесах и прощение грехов — это оказалось последней каплей и пришла Реформация.

Значение Реформации огромно для всей последующей истории человечества. Будучи по существу религиозной доктриной, она, парадоксально, повела человечество от идеализма к материализму. Отбросив всякие авторитеты в вопросах религиозного и философского порядка, она провозгласила право каждого быть самому таким авторитетом. Как следствие пришли английские скептики и французские просветители. Постепенно протестантское движение раскололось на сотни деноминаций и, отбросив Святое Предание, превратилось из религии в свод моральных и нравственных правил. Этим оно сделало упор на материальное улучшение земной жизни. Философия 19-го века постепенно отбросила всякий интерес к духовной стороне жизни и все свое внимание обратила на создание земного материального рая. Главное учение этого времени — социализм, завладело умами всего человечества и заменило любовь — ненавистью, а созидание — разрушением. В 20-м веке мир, уже отставая от прежних поколений во всех областях духовного творчества обратил все свои силы на материальный технический прогресс. Как след-

ствие, начался упадок культуры во всех передовых странах мира за счет расцвета цивилизации.

В западной Европе еще сильно влияние Католической Церкви с ее приматом духовного начала и здесь до наших дней сохраняется некое равновесие культуры и цивилизации. По иным путям пошла англосаксонская раса, особенно в Америке, где культура, как некогда в Японии, питается чужими корнями, а цивилизация оказывает все большее влияние на весь остальной мир. Особенно соблазнительным этот пример является для низших слоев населения и для менее развитых стран, что при сильной поддежке Советского Союза, вызывает национально-социальные взрывы, террор и мировую неустойчивость. Провозглашение материальных благ главной ценностью человеческого общежития совершенно логически породило падение морали и увеличение преступности. Но, в то время, как на Западе падение нравов и переоценка ценностей идут хотя и бурным, но медленным темпом, в СССР с 1917-го года сразу же был насилием введен чистый материализм. И тогда, несмотря на обещания молочных рек и кисельных берегов, вся жизнь на Российских просторах, как материальная так и духовная, к нашему времени зашла в тупик. А вместе с тем сильное развитие техники принесло новую атомную угрозу существования нашей планеты.

Этот вопрос нельзя разрешить улучшением защиты и нападения, как это ни важно для каждой страны. Нужно моральное очищение и перенос центра тяжести с цивилизации на культуру. Признавая желательность высокого материального уровня для всех граждан всего мира, мы все же должны принять как аксиому абсолютный примат духовного начала. Эту аксиому инстинктивно чувствуют все люди, что и было доказано в США на недавних президентских выборах. Наперекор всем усилиям интеллектуалов прессы и телевидения, народ пошел за Рейгеном, который провозгласил главными ценностями патриотизм и духовное возрождение. Еще нагляднее мы видим такие сдвиги в Советском Союзе. Несмотря на усилившиеся преследования там все больше и больше появляется людей готовых пострадать за свои религиозные убеждения. Будем верить, что все репрессии коммунистического правительства не смогут погасить эту искру духовного обновления и недалек тот день когда она разгорится в яркое пламя. И тогда сбудется пророчество Достоевского, что Россия спасет мир.

Сергей Третьяков.

Царские офицеры и Русская Культура.

Слово «офицер» происходит от латинского Office, означающего, в смысловом переводе, **управление.** Немецкая энциклопедия определяет это слово, как «служебная степень с задачей обучения, воспитания команды, а также тактического и оперативного руководства на войне».

Левая общественность, всегда изображала офицеров царской армии бездельниками, пропойцами, никчемными людьми. Впрочем офицеры не оставались в долгу, утверждая, что социалисты, кроме демагогии и слепого фанатизма, ничего дать не могли. На самом же деле, как мы видим из немецкого определения, на офицере, прежде всего, лежит воспитательная задача. Офицеру не надо «идти в народ», какую задачу ставили себе социалисты и «народники», офицер и день и ночь был с народом, одетым в военную форму. И кто, как не офицер, был истинным воспитателем и учителем, кто лапотника-новобранца превращал в грамотного солдата, разумного гражданина. Почему солдаты шли за своим офицером в огонь и воду? Явно от братского общения, от той близости, каковая существовала между офицером и солдатом, близости реальной, а не пропагандной. Именно из ревности революционные партии в своей пропаганде называли офицеров «золотопогонниками», стараясь придать этому величанию отрицательное значение. Не состоятельно такое величание офицеров и потому, что стремление показать офицеров, как прислужников капиталистов — явная клевета и обман простых людей.

Правда, в социальном плане офицеры принадлежали к высшему сословию, но фактически они принадлежали к необеспеченной категории, поскольку офицерское жалованье едва было достаточным на весьма скромное содержание семьи. Именно поэтому офицеры не торопились приобрести семью. При производстве в офицеры таковой получал, если он не был из семьи потомственных дворян, принадлежность к сословию личных дворян, притом независимо от того был ли он до производства мещанином или крестьянином по сословию. Однако, дети офицера — личного дворянина, не воспринимали сословия дворянства (личного), а оставались в том сословии, в каковом офицер, их отец, состоял до производства в офицеры. Только штаб офицерский чин вводил потомство в дворянское сословие.

Но производство в офицеры было в жизни молодого человека исключительным актом, притом исключительным во многих отношениях: во-первых, реальное вступление в деловую жизнь, в служение: во-вторых, вступление в состав защитников Отечества и, в-третьих, — переживание исключительного факта производства в офицеры производимого в торжественной обстановке. Приказ о производстве поименно подписывал сам император. А для выпускников военных училищ, дислоцировавшихся в столице, тем более торжественно, поскольку сам император объявлял о производстве их в офицеры и напутствовал их на служение Родине.

Именно потому, что произведенный в офицеры становился личным дворянином, солдаты должны были обращаться к офицеру титулуя «Ваше благородие». И заметим, что в таком обращении солдат как бы напоминал офицеру, что он должен поступать всегда, при всех обстоятельствах благородно, в том числе и по отношению к подчиненным. Вот почему девизом юнкеров Николаевского кавалерийского училища служил короткий, но значительный, самообязывающий принцип: «И были вечными друзьями солдат, корнет и генерал!» И, действительно, в русской кавалерии отношение офицеров к своим подчиненным было много мягче, дружественнее, нежели у соседей немцев и тем более, у австрийцев. Согласно указанному выше девизу, солдат рассматривался, как меньший брат, которого надо «вести».

Социалистическая пропаганда обвиняла офицеров в рукоприкладстве, но, во-первых, это было лишь исключением, ведь и святитель Николай Чудотворец, не выдержав на Вселенском Соборе Арианской ереси ударил по щеке одного из участников Собора. Ген. Деникин в своей книге «Путь русского офицера» подчеркнул, чт «русское законодательство раньше других покончило с этим пережитком средневековья, ибо даже в английской армии телесные наказания были отменены лишь в 1880 году, а в английском флоте и того позже — в 1906 году», у нас же — реформами шестидесятых годов XIX столетия. Укажем также, что в Австрийской армии существовало наказание подвешиванием наказуемого солдата со связанными руками к столбу, что нередко приводила такового к обморочному состоянию после пребывания в таком состоянии в продолжении нескольких часов. А к тому же там же применяли и кандалы. Лишь в 1918 году Австрия покончила с этой системой штрафования солдат.

Как показывает ген. Деникин, квалификация русских офицеров не уступала немецким и была выше французских. Но не только в профессиональном отношении русские офицеры отвечали предъявляемым требованиям. Вот обращение к только что произведенным офицерам императора Николая II: «Несколько дней тому назад на этом месте я произвел в офицеры юнкеров Павловского военного училища и вы, наверное, уже прочли в газетах мое напутствие им, которое одинаково относится и к вам, поэтому я не буду повторять и скажу лишь несколько слов к предстоящей вам славной и, вместе с тем, тяжелой и ответственной службе офицера. Будьте всегда внимательны и справедливы к солдатам, старайтесь своим личным примером воспитывать их и не прибегать напрасно к наказаниям...»

И я, на основании своего собственного опыта двухлетней службы в Действующей армии в Первую мировую войну, могу со всей ответственностью сказать, что пожелание императора не осталось лишь пожеланием, а применялось как вполне нормальное, диктуемое долгом офицера. Я за эти два года ни разу не наложил дисциплинарного взыскания и вовсе не потому, что я проходил мимо этой необходимости, а только потому, что меня мои уланы уважали за справедливость и заботливое к ним отношение, и избегали всего, что мне, как их начальнику, доставило бы неприятности. А, если кто-либо начинал безобразничать, то его тут же останавливали его товарищи. Военный уклад солидаризировал отношения, уравнивая все разнородные, социальные, имущественные, духовные и персональные факторы. В полку создавалась одна полковая семья. И, как в семье царит любовь, и взаимная помощь в случае затруднений и беды, граничащая с жертвенностью, так и в полку и вообще на военной службе. А офицер, как бы он не был моложе солдат, в особенности сверхсрочных или призванных из запаса, остается для них если не отцом, то заботливым братом. Случаев, когда раненого офицера выносили солдаты из сферы сильного огня, множество.

Конечно уважать солдаты станут только бравого офицера. А император Николай I не любил тех, кто не сознавался в своей вине и говорил, что трус признать свою вину будет трусом и в сражении. То же самое повторял и директор Пажеского корпуса П. Игнатьев: «Где правды нет, там чести нет. Трус всегда и везде трус»...

Отличительная черта русских офицеров — достоинство, как по отношению к самому себе, так и к офицерскому званию. Бывало, начальники делали замечания своим подчиненным чересчур резко и не справедливо, тогда подчиненному оставалось в рамках дисциплины защитить свое достоинство. Наш русский философ И. А. Ильин весьма ярко определил такое положение «искусством повиноваться без унижения».

В «Военно-историческом вестнике» (№ 45-46) Л. О. Бек-Софиев так формулирует эту проблему: «Умение не растеряться, смело и разумно, не нарушая дисциплины, возразить на резкое или грубое замечание начальника, вот моральное достоинство русского офицера, которое всегда быстро смиряло и укрощало гнев любого строгого начальника». И указанный автор приводит случай, когда на смотру кавалерийскому полку вл. кн. Николай Николаевич из-за непонравившегося ему перестроения позволил себе применить бранное неприличное выражение. Командир полка, выслушав спокойно все это, стал отъезжать от гневного великого князя, но его догнал адъютант Николая Николаевича и передал приказание вернуться. На вопрос великого князя почему он позволил себе отъехать во время разбора учения, командир полка ответил: «Ваше Императорское Высочество, когда Вы мне говорите о кавалерийском деле, я Вас слушаю, в Ваших же «выражениях» я не компетентен...» И вел. кн. обнял командира полка и все окончилось благополучно.

Известно, что император Николай Павлович так же не сдерживал порой своего раздражения, но он всегда, когда выяснялась его неправота, просил у пострадавшего или оскорбленного извинения, притом даже публично в присутствии многих лиц.

Укажем еще один случай, в котором офицер защищал не только свое офицерское, но и национальное достоинство. Император Александр I послал в Вильно, где пребывал Наполеон, Балашева с соответствующим письмом и здесь самоуверенный император стал расспрашивать посланника обо всем, в частности о количестве церквей в Москве, и какая дорога ведет в Москву, желая, видимо, внушить русским беспокойство и страх. Но Балашев, не смутившись, с достоинством ответил: «Ваше Величество, последний вопрос для меня затруднителен: дело в том, что, подобно итальянцам, а прежде римлянам, говорящим «все дороги ведут в Рим», русские говорят, что дорогу выбирают по вкусу, Карл XII, например, пошел на нее через Полтаву».

Наряду с достоинством в русском офицере обнаруживаем и откровенность и мы приведем пример, указанный «Историческим вестником» (т. 86). В. Мамаев в этом журнале пишет: «Когда в Житомирскую губернию прибыл новый губернатор Лошкарев и когда к нему адъютантом генерал-губернатором был рекомендован автор указанных воспоминаний, Лошкарев принял рекомендацию Бибикова, но держал себя по отношению к адъютанту холодно, что, конечно, не создавало рабочей обстановки. Как-то супруга губернатора, в присутствии своего мужа, заметила адъютанту, что он-де чуждается их общества, на что таковой простодушно ответил: «Я сам тягощусь таким отношением, но холодность генерала отталкивает меня от всякого сближения». И губернатор, взяв за руку своего адъютанта, благодарил его за откровенность и объяснил причину своей сдержанности. А она оказалась известной привычкой генерал-губернаторов всюду расставлять своих осведомителей. Между губернатором и его адъютантом наступило дружелюбие, во всем доверял Лошкарев своему адъютанту и даже перешел «на ты».

Мы упомянули фамилию Бибикова и потому напомним, что он нанес поражение Пугачеву и затем стал членом Государственного Совета и именно о нем дана характеристика в стихах:

С простым ты был простой,
Мудрец был с мудрецами,
С героями герой,
Любезный друг с друзьями.

Все эти черты принадлежали русскому офицеру, которому нужна была и житейская мудрость и скромность, даже у крупных начальников. В пример укажем П. С. Ванновского, который был и военным министром и министром просвещения. И, вот, о его деятельности был написан И. В. Мещаниновым очерк, который был прочитан и министром, ответившим в письме автору: «Прочел, фактическая часть верна, но личность моя идеализирована; такой оценки я не заслуживаю: я стремился к тому, что здесь написано, но по слабости человеческой, достичь не мог». Тот же Ванновский, слыша нападки социалистов на офицерство, говорил своим помощникам: «Как видите, господа, ваш министр не совсем же заурядный фельдфебель». Современники говорили про него, что он похож на Николая Павловича: как военный — строгий, по виду, требовательный, но, вместе с тем, сердечный, добрый, и всегда справедливый. Он имел большой опыт и в

воспитательной деятельности: будучи директором Павловского кадетского корпуса, начальником Павловского военного училища, начальником Офицерской стрелковой школы, руководителем Военно-медицинской академии. Военная его служба и офицерская среда воспитали в нем все указанные черты.

Но что зовет молодых людей к военному поприщу? Видимо все нами указанное, а иногда и «зов поколений». Часто из поколения в поколение проходит в составе одного и того же полка и та же фамилия. Вот судьба В. В. Крестовского, автора «Петербургских трущоб» и «Панургова стада», который будучи 28 лет, неожиданно стал юнкером 14 Уланского Ямбургского полка. Свой шаг он объяснил просто: «Мой дед был уланом, мой отец был улан, стало быть и я должен быть уланом». Но некий Елец в приложении к сочинениям Крестовского этот шаг объясняет иначе: «Ему нужна была среда, которая гарантировала бы ему целительное спокойствие и он, наконец, после долгих исканий, нашел его в армии». Характерно еще одно обстоятельство, а именно, что «прогрессивная общественность» травила Крестовского и Лескова и он пошел на военную службу. Лесков же дал отпор своим произведением «На ножах».

Нечто аналогичное находим и в биографии Зощенко, который смолоду страдал меланхолией, хандра всюду его преследовала и он даже решил покончить с жизнью. Но наступила война и он пошел в армию, служа офицером в славном боевом Мингрельском полку Кавказской гренадерской дивизии, с которым он участвовал во многих боях, был отравлен газами и, удивительно, никакой хандры, наоборот, он все время находился в радостном состоянии, чему способствовали дружба офицеров, взаимная опасность и взаимная выручка. А когда он демобилизовался, хандра снова стала его преследовать: за три года он переменил десять профессий, двенадцать городов, ничего не помогало.

Еще важно отметить, что офицеру иногда приходится бороться с самим собой, ради службы, ради родины изгонять из себя естественные человеческие чувства, положительные в мирных условиях, но исключаемые войной. Я говорю не только об отношении к противнику, который все же враг, но и в отношении к своим же русским военнослужащим. Вот пример, приведенный В. А. Энгельгардтом. В Японскую войну он с разъездом был выслан в дальнюю разведку, когда наткнулся на японскую разведовательную группу. Завязалась пе-

рестрелка, в которой был тяжело ранен один его солдат и именно тот, с которым он накануне вел дружескую беседу. Автор пишет: «Это была первая жертва войны, с которой я столкнулся вплотную, и тяжелые, грустные мысли зашевелились у меня в мозгу. Искренне жалко стало мне этого жизнерадостного молодого человека, которого я только что видел с мыслями о своей семье, о своем хозяйстве, бесконечно далекого от всего, что связано было с войной, с великодержавной политикой России, с ее ролью на Тихом океане... он и о существовании этого океана имел лишь смутные представления. И вот его послали в эту чуждую ему Маньчжурию, влепили пулю в живот, а завтра мы его похоронили в горах, далеко от родного очага...». Действительно, как не помыслить такое в данном случае, но... ведь война, враг еще стреляет... и Энгельгардт продолжает: «Однако я тут же осознал, что подобные мысли — не военного человека и, сказав несколько слов утешения умирающему, отошел от него, решительно отогнав прочь неуместную размязгченность» («Сборник пажей» № 17).

Штатскому человеку невдомек, что офицеру приходится бороться не только с врагом, но и с самим собой, со своими искренними чувствами и такое владение собой необходимо для каждого, кто вступил на путь офицера. А это чувство, эта способность управлять собою и сдерживать размягченность вырастает в офицере в непоколебимость, без которой офицер вовсе не офицер, командующий — не командующий, император — не император. Разве легко было императору Николаю Павловичу приказать открыть артиллерийский огонь против бунтовщиков на Сенатской площади, огонь против своих же?

Мы просим читателей глубоко задуматься над указанной чертой в образе офицера, чертой необыкновенно сложной. Тема эта философского порядка и многие писатели-баталисты, как Лермонтов, Толстой, Сергеев-Ценский не могли пройти мимо нее и им легче было справиться с этой темой, поскольку все они служили офицерами. Да и Пушкину, видимо, пришлось помыслить о «великой» жертве (разве необходимость в офицере отказа от жалости, сострадания не жертва?) на фоне суетной мирной жизни:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,

В заботах суетного света
Он малодушно погружен;

Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Может быть в эту минуту вспомнил он — Александр Сергеевич — и свое участие в атаке Нижегородских драгун на турецкие ряды. Да и он, поэт, штатский человек не мог остаться равнодушным, когда его брат, когда его друзья рисковали на его глазах. Что тогда думали драгуны, видя в своих атакующих рядах всадника с развивающимися полами черного пальто и держащего одной рукой повод, а другой шляпу? Кое-кто из них подумал что это полковой священник.

А, вот, другой психологический момент, указанный Г. К. в его статье «Первая мировая война» («Военная быль», № 108, 1971). В Восточной Пруссии происходит встречный бой, где роты Финляндского стрелкового полка, продвинувшись несколько вперед, залегли из-за усиливавшегося огня противника. Вдруг Г. К. видит, как один стрелок, неподалеку от него, поднимается на ноги, шатаясь и прижимая руку к груди, роняет винтовку и падает на землю. Г. К. подскакивает к стрелку и видит рану в груди, причем он видит одновременно группу санитаров с носилками, равнодушно наблюдавших эту сцену. Возмущенный Г. К., подскакивая к ним, кричит:

— Вы ослепли, что ли? Несите тяжело раненого на перевязочный пункт!

— Не нашей роты он, Ваше благородие.

— Не вашей роты, так что — он не человек? По-вашему — собака? Несите, раз приказываю!

Этот диалог заставляет задуматься, задумался и Г. К.: «Может быть я был неправ и поступил как молодой, еще не успевший «зачерстветь» и привыкнуть к повседневной картине убитых и раненых?» Так человеческое с профессиональной стойкостью борется в душе человека, в душе офицера.

Безусловно к профессиональным навыкам офицера относится и быстрая реакция, сообразительность. Ведь в острых моментах боевой жизни, при меняющейся вдруг обстановке, внезапно возникших препятствиях, офицер должен мгновенно принять решение, помня завет Петра Великого — «промедление смерти подобно». Не только его одного, но и всех под-

чиненных. А Александр Васильевич Суворов требовал «смекалки» не только от офицеров, но и от каждого солдата.

Русской кавалерии, которая в самом начале Первой мировой войны, действовала в Восточной Пруссии с задачей прикрытия развертывания Российской армии, порой, ведя разведку, приходилось действовать внутри расположения врага. А в кавалерийской разведке разъезд каждую минуту может встретить неожиданную ситуацию. Вот, например, офицерскому разъезду, то есть крупному по составу, дано задание взорвать железнодорожный мост, находящийся в глубине немецкого расположения. Разъезд скрыто приближался уже к месту своего действия, как вдруг, выйдя в сумерки на полевую дорогу, сразу же наткнулся на колонну крестьянских повозок. Оказалось, что это немецкие крестьяне, насильно эвакуироумые немецкими властями и сопровождаемые немецкими солдатами. Что делать разъезду? Поворачивать назад — уже поздно, замечены; задержать колонну, уничтожив воинское сопровождение? Нет, тогда разъезд задержится и не успеет попасть во время к мосту до прохода воинского эшелона. И офицер мгновенно принимает решение: быстрым аллюром обогнать колонну, поскольку в темноте немцы не разберут какие всадники обгоняют их. Обгоняя, офицер для маскировки бросает несколько фраз по-немецки. Так неузнанными проходит русский разъезд и выполняет задачу — взрывает мост, после чего благополучно, без помех, возвращается в полк.

Так, в общих чертах, мы отметили присущие офицеру профессиональные качества. Однако общий облик офицера определяется не только его профессионализмом.

Обратимся сперва за ответом к весьма компетентному лицу, а именно к Мэри Дюмареск, дочери губернатора английского острова Джерзей, супруге английского генерала. Мы избрали этот авторитет потому что она, как женщина, оценивала воспитанность человека, тем более офицера, строже, нежели мужчины. На указанном острове несколько месяцев пребывали русские войска, действовавшие совместно с английскими в 1799-1800 гг. в Голландии и затем эвакуированные на остров вместе с англичанами.

Здесь русские войска жили мирной жизнью и русские офицеры предстали перед жителями острова, которые впервые увидели русских воинов. Надо думать, что это население скорее представляло себе русских варварами, дикими, грубыми, но каково же было их удивление, когда, познакомившись с

ними вплотную, они должны были признать противоположное. Но предоставим слово Мэри Дюмареск.

«... они (т. е., русские, М. З.), без колебаний скажу, с точки зрения манер, грации и вежливости, стоят выше, чем ленивая, гоняющаяся за модой, часть нашего населения. Приятная фамильярность с лицами нашего пола соединяется в них с почтительной удаленностью, благодаря чему приличная женщина отлично чувствует себя в их присутствии. Если воспитанный русский офицер интересуется своим «предметом», он все же настолько искусно это скрывает, что это остается незаметным для тех, кто не имеет желания принимать в этом участия. Я лично могу быть более фамильярной даже после краткого знакомства с русским джентльменом, нежели с французом или англичанином. Француз противен своими комплиментами, а англичанин своим нахальством.

Я никогда не слышала от русского грубого или неделикатного слова. Что касается их нравственности, то у нас было мало возможностей судить о ней. Но они не оставили здесь ни одного неоплаченного долга и, хотя они имели больший успех среди прекрасных дам, я не слышала ни об одном случае, где женщина имела бы причины оплакивать потерю своей репутации».

Добавим, что в результате пребывания русских на острове его парламент специально собрался, чтобы вынести благодарность русским генералам и офицерам» за отличную дисциплину их людей».

Думаю, что это объективное суждение о русских офицерах сильно расходится с социалистической пропагандой.

Русские офицеры, будучи защитниками своего Отечества, выполняя свой долг профессионально, помимо того выделялись и на культурном поприще, на службе русской культуры. В поисках фактических данных мы просмотрели весь комплект последнего издания «Полной советской энциклопедии», которую вряд ли можно упрекнуть в пристрастии и выбрали те биографии, в которых указано о службе этих лиц в Царской армии. Таких у нас набралось 328 человек. Вот их мы приводим в общей сводке, разбив их на двадцать семь групп, указывая число лиц в каждой группе. Получилась яркая картина, представляющая явную значимость русского офицерства на культурном поприще старой России. Вот эта картина:

Государственных деятелей	65

Дипломатов	9
Мыслителей и философов	2
Писателей и драматургов	38
Поэтов	13
Композиторов	15
Музыкантов и музыкальных деятелей	4
Живописцев, графиков и скульпторов	6
Деятелей кинематографии	2
Востоковедов	4
Историков	30
Географов	2
Метеорологов	2
Астрономов	2
Геологов	2
Картографов, геодезистов, топографов	15
Гидрографов и океанографов	5
Мореплавателей, полярных исследователей	29
Путешественников	12
Ученых прикладной и теоретической механики	5
Химиков	7
Кораблестроителей	6
Других инженеров	17
Пионеров воздухоплавания и авиации	12
Изобретателей	14
Общественных деятелей	2
Прочих деятелей	7
Всего	328

В нашей сводке обращает на себя внимание количество государственных деятелей — 65, поэтов, писателей и драматургов — 51, мореплавателей, полярных исследователей и путешественников — 41, а также историков — 30. Что касается первой из перечисленных групп, ясно, что достигнув высоких воинских чинов, они естественно обладая богатым профессиональным и житейским опытом, выдвигались на посты губернаторов, министров и членов Государственного Совета. Так же понятно стремление морских офицеров к исследованию морских и прибрежных пространств. Значительное же количество историков — можно объяснить интересом офицеров как к общей русской, так и военной истории, интересом, возбужденным еще в военных училищах, стремившихся воспитать их в чувстве любви к Отечеству. Что касается творче-

ских групп искусства, то, ведь, еще Суворов требовал в военном искусстве проявления творчества, нахождения лучших решений, как тактических, так и стратегических, почему творческие поиски стали неотъемлемой чертой русского офицера. Именно поэтому офицеры проявляют творчество, как в искусстве, так и в инженерном деле, ведь в нашей таблице — химики, кораблестроители, инженеры, пионеры воздухоплавания и авиации, а также изобретатели составляют 56 человек.

Обратим внимание также на тот факт, что из 328 учтенных лиц 25 являются членами Академии Наук и 41 профессорами. Но наша разбивка, конечно, условна, поскольку многие из общего числа относятся к разным группам, работая в одной или другой области искусства и знания. Мы были вынуждены относить каждого к той группе, которая нам представлялась главной в деятельности данного лица. Приведем здесь несколько биографий, характерных многогранностью сторон.

Хомяков Андрей Степанович (1804-1860). Окончил Московский университет со степенью кандидата наук. Служил в Астраханском кирасирском, а затем в Кавалергардском лб.-гв. полках. Участвовал в войне за освобождение славян, отличился под Шумлой. В 1830 году вышел в отставку. В 1858 г. представил проект отмены крепостного права. Написал трехтомное сочинение «Записки о всемирной истории», а также написал лирические трагедии: «Ермак», «Дмитрий-самозванец», стихи, а также философское произведение «О современных явлениях в области философии», «Второе философское письмо» к Ю. Ф. Самарину. Кроме того им написано большое количество богословских сочинений. Общественный деятель-славянофил. Наконец он открыл близ Тулы залежи каменного угля и начал их разрабатывать.

Граф Мордвинов Николай Семенович (1754-1845. Адмирал, участвовал в экспедиции Чичагова в Средиземном море в 1783 году. В 1802 г. назначен морским министром. Сотрудничал со Сперанским по улучшению финансов России. Его главные труды: «Устав государственного трудопоощрительного банка», «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифах», «Рассуждения о могущих последовать пользах от учреждения по губерниям банков», «О причинах всегда скудных и часто совершенных неурожаев в России, как хлеба, так и корма скота» и др.

Макаров Степан Осипович (1849-1904). Вице-адмирал. Исследовал проблему непотопляемости кораблей, провел гидро-

логические работы в Босфоре. Написал об обмене вод Черноморского и Средиземного морей, за что удостоен премией Академии наук. В 1886-1889 гг. совершил кругосветное плавание с проведением океанографических работ, что им описано в произведениях «Витязь» и «Тихий океан». Опубликовал труд по морской тактике. В 1889-1902 гг. плавал на «Ермаке» в Северо-Ледовитом океане, причем идею мощного ледокола для исследования Арктики он выдвинул и затем следил за постройкой этого «Ермака». В Японскую войну погиб при исполнении своего воинского долга.

Иван Дионисьевич Ягелло. Полковник. По окончании Псковского корпуса и военного училища заинтересовался археологией и окончил соответствующий курс, затем окончил при Министерстве иностранных дел курс восточных языков и был командирован для усовершенствования на два года в Сорбонну, где он окончил курс за один год и вернулся в Россию. Долгие годы был начальником Военной школы востоковедения в Ташкенте, и даже при советском строе. Затем был консультантом по восточным языкам в Военной Академии. С возникновением Первой мировой войны назначен командиром стрелкового полка, а затем вскоре Начальником округа (генерал-губернаторская должность). Его научные труды: русско-персидский и персидско-русский словарь (наиболее полный), грамматика персидского языка, и языка урду (один из языков Индостана), перевел на русский язык произведение персидского поэта Фирдоуси «Витязь в тигровой шкуре» (X век). Попутно вел археологические работы. В «Известиях Таджикской Академии Наук» в 1982 г. появилась большая статья о творческой и педагогической деятельности И. Д. Ягелло. Ум. в 1943 г.

Киселев Павел Дмитриевич (1788-1872). Флигель-адъютант императора Александра I. С 1819 г. был начальником штаба 2-ой армии, в 1828-1829 гг. — Управляющий Молдавией и Валахией. В 1816 г. представил государственный проект с постепенным освобождением крестьян от крепостной зависимости, а с 1835 г. постоянный член Комитетов по крестьянскому вопросу. В 1837 году назначен министром Государственных имуществ. В 1837-1841 провел реформу государственных крестьян. В 1856-1862 гг. — послом в Париже. Учредил также приходские училища.

Каврайский Владимир Владимирович (1884-1954). Инженер контр-адмирал. Работал долгие годы в военно-морской ака-

демии. Разработал способ «линий положения» для определения местонахождения корабля в море, а также способ совместного определения времени и широты по соответствующим высотам звезд, названный его именем. Основые труды по математической картографии. Изобрел несколько приборов, в том числе наклономер его имени и пеленгатор также его имени.

Муратов, Павел Павлович (1881-1951). Военный историк, а также историк искусства и драматург, романист и публицист, специалист по русской иконописи и редактор журнала. В сотрудничестве с англичанином Амеи написал книгу по военной истории Кавказа XIX в., а также на английском языке стратегический анализ Совето-Германской войны и самостоятельно ряд очерков из истории Первой мировой войны, когда он служил офицером артиллерии на Кавказском фронте. Написал и романы, как например, «Энергия», несколько рассказов, исторических этюдов, а также комедии «Дафнис и Хлоя» и «Мавритания».

Можно привести еще ряд биографий, чтобы показать широту взглядов и интересов царских офицеров, но мы ограничимся только краткой иллюстрацией.

Снесаров — востоковед и путешественник, одновременно педагог, географ и музыкант. Матюшкин — мореплаватель, путешественник, этнограф, а также педагог. Шиллинг — изобретатель, электротехник, востоковед, путешественник, филолог, переводчик. Федоров Е. С. — кристаллограф, геометр, петрограф, минералог, геолог и педагог. Вл. кн. Константин Константинович — начальник военно-учебных заведений, президент Академии наук, поэт (К.Р.), драматург, актер, музыкант, композитор, переводчик, учредитель общества и душа его «Измайловские досуги». Шокальский — метеоролог, географ, океанограф, ипполог и педагог. Рыкачев — метеоролог, географ, климатолог, воздухоплаватель, педагог. Титов Н. С. — музыкант, композитор, поэт, драматург и театральный деятель.

Кстати, этот Титов один из нескольких офицеров-композиторов из семьи Титовых. Он, в частности, написал много романсов, в том числе на слова Пушкина «Талисман», «Не пой, красавица, при мне». «Под вечер осени ненастной». По выходе в отставку стал директором Московского публичного театра. А Титов Сергей Николаевич написал музыкально-сценические произведения, аранжировал русские песни, к тому

же был виолончелистом. В отставку вышел в чине генерал-лейтенанта. Титов Алексей Николаевич — генерал-майор, скрипач и композитор, автор двенадцати опер, балета «Новый Вертер», а также музыки к драмам. Титов Михаил Алексеевич — офицер Преображенского лб.-гв. полка — автор романсов и фортепьянных пьес. Титов Николай Алексеевич — генерал-майор, написал около шестидесяти романсов, а также много музыкальных пьес и танцев.

Какая одаренная семья, одаренная и в военной и в культурной областях!

Не считая Титовых, мы привели здесь пятнадцать кратких биографий, владевшими 39-тью специальностями русской культуры, стало быть, в среднем для них было по шести специальностей!

В числе 328 лиц имеются такие знаменитые люди, как: М. Ю. Лермонтов, К. Р., Гумилев, Л. Толстой, Достоевский, А. К. Толстой, Фет, Загоскин, Лажечников. Сумароков, Мусоргский, Римский-Корсаков, Цезарь Кюи, Скрябин, Федотов, гр. П. Толстой, Ярошенко, Хомяков, Чаадаев, Татищев, Сеченов, Кирпичев, Мордвинов, Пржевальский, Козлов, Крузенштерн, Невельский, Челюскин, Чириков, Седов, Макаров, Яблочков и много государственных деятелей.

Что касается увлечения, или лучше сказать влечения, к музыке, музыкальному творчеству офицеров, его можно объяснить самой офицерской службой: ритмика, свойственная военному обучению и военному строю. Вечера в офицерском собрании с музыкой полкового оркестра вызывают в офицере музыкальное чувство.

А походная жизнь офицера, лагерь на лоне природы, не говоря уже о боевой жизни, рисуют его жизнь под открытым небом, что развивает в офицере стремление к познанию окружающего, порой кажущееся даже стремлением к «авантюризму». Первой такой биографией служит жизнь кн. Хилкова, гвардейского офицера, происходящего из рода Рюриковичей. Он много путешествовал, притом не как богатый путешественник, а как стремящийся много узнать и познать бедный представитель раззорившегося рода. Освобождение крестьян увлекло его и он становится мировым посредником, а позже развитие широкого железнодорожного строительства побуждает его отправиться в Северную Америку для изучения этого дела практически и он поступает простым рабочим на строительство Трансатлантической линии, где скоро,

благодаря его энергии и деловитости становится сперва помощником машиниста, а затем и машинистом; его способности замечены и он назначается начальником службы тяги и подвижного состава. Вернувшись с указанным опытом в Россию, назначается сперва в Управление Курско-Киевской, а затем Московско-Рязанской железной дороги. Но, вот, возникает война с турками (1877 г.) и кн. Хилков руководит работой санитарных поездов на театре военных действий. В 1880 г. Скобелев привлекает его к участию в Ахал-Текинской экспедиции и он руководит постройкой Кизиль-Арнатской ж.-д. ветки. Князь становится известным за пределами России и его призывают в Болгарию, где он становится главой Министерства путей сообщения и общественных работ. В 1885 г. он возвращается в Россию, где служит сперва в Управлении Закаспийской ж.-д., а затем становится министром Путей Сообщения. Как видим, не родовитость, а деловитость, стремление познать в совершенстве дело выдвигает его.

Нечто подобное наблюдаем мы и в биографии Эймелиуса-Эйме, финна по происхождению, который еще до поступления в Николаевское кавалерийское училище, прошел, как говорится, огонь и воду, сперва служа сержантом линейной кавалерии в Техасе, затем уезжает в Бразилию и работае гаучосом и позже руководит плантацией и, как ни странно, меняет землю на воду, становясь капитаном речного парохода. Вернувшись в Россию, поступает юнкером в Николаевское кавалерийское училище, где показывает себя хорошим наездником, блестящим гимнастом и не менее хорошим организатором. Ему училище обязано существованием гимнастического хорошо оборудованного зала. Он, таким образом, становится и первым инструктором гимнастики, и прекрасным наездником.

По окончании Николаевского кавалерийского училища его оставляют, после краткой офицерской службы в Киевском гусарском полку, сменным офицером Училища. Одновременно он появляется корреспондентом, большею частью для финской прессы. Главный принцип его жизни упорство, достижение цели. Но большевистский переворот, как говорят конники, выбил его из седла, он никак не мог смириться с этим новым строем. И он, вернулся в Финляндию, где назначается военным атташе Финляндии в Берлине. Здесь он много помогает, как и в самой Финляндии, русским эмигрантам не без помощи также питомца Николаевского кавалерийского

училища — президента Финляндии ген. Маннергейма.

И еще считаю необходимым коснуться конкретной темы, как бы суммирующей культурную службу офицеров, показав их влияние на историческую науку, что уже было видно из нашей таблицы, а здесь на примере **Николая Ивановича Костомарова,** который, как многие молодые люди того времени, по окончании университета поступил на военную службу. Будучи офицером Кинбурнского драгунского полка, он получил предложение заняться приведением в порядок исторического архива полка и написать его историю. В результате упорной и сосредоточенной работы он написал первый свой исторический труд и решил посвятить себя, вообще, исторической науке. Выйдя в отставку, он стал сотрудничать в университете.

Отметим, что крушение Российской империи заставило многочисленных офицеров покинуть Россию и служить на культурном поприще не только российской, но и мировой культуры. Их имена не вошли в Советскую энциклопедию.

Думается нам, что российские офицеры, в большинстве своем, отличались широким кругозором и не замыкались исключительно в офицерской службе, а представляли российскую элиту так непохожую на советские кадры социалистического офицерства.

М. Залесский.

800 - ЛЕТИЕ
«СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Восемь столетий тому назад неизвестным автором была написана лирико-эпическая поэма «Слово о Полку Игореве», свидетельствующая о высокой художественной культуре древнерусской литературы XII века. По мнению Н. В. Гоголя «произведение это остается непревзойденным по ясности, красоте, сжатости и пламенности чувства, с которым оно написано. Есть ли в русской и в мировой литературе другие произведения, которые бы привлекали живой интерес стольких поколений как «Слово о Полку Игореве». Поэма эта, отмеченная печатью подлинного таланта, передает нам всю буйную фантазию славянорусов, их причудливое миропонимание и служит ценным документом, освещающим древнюю историю нашего народа, корни которой уходят глубоко в века, предшествовавшие принятию христианства. Высокий, по тем временам, уровень культуры славян помог им противостоять натиску варваров с востока и запада.

Н. В. К.

— Стихи —

НОННА БЕЛАВИНА

Представлять Нонну Белавину (Нонну Сергеевну Миклашевскую) нашему читателю не нужно. Она ведь часть нашей большой и дружной семьи. С ней вместе провели мы весну нашей молодости в русском уголке Югославии в городе Белая Церковь, где в девичьем институте и кадетском корпусе в тяжелые годы российского лихолетья наша русская молодежь, поднимаясь из пепла крушения, искала свое место в чуждом и незнакомом мире. Прошлое оборвалось, а будущее пугало неизвестностью. Может быть именно этот период жизни полный неуверенности в завтрашнем дне и внушил нашему поколению веру в себя и в свое завтра, упорность в достижении поставленных себе целей, и главное, способность радоваться настоящему и, не тоскуя о прошлом, с надеждой смотреть на будущее.

Эта печать поколения ярко отразилась в творчестве поэтессы Нонны Белавиной. Мы уже давно знакомы с ее лирической поэзией по прежде изданным сборникам стихов «Синий Мир», «Земное Счастье» и «Утверждение». В этом году в изданиии автора вышел новый сборник, содержащий избранные стихотворения из этих трех книг и новые стихи еще нигде не опубликованные.

Почему-то вошло уже в обиход под словами «лирическая поэзия» подразумевать минорный, почти пессимистический, тон поэтического творчества, глубоко насыщенный давящей грустью и безнадежностью. Лирика Нонны Сергеевны отходит от этого штампа. Не только отходит; она ему противопоставлена. Корабль ее поэзии плывет по радостной, тихой заводи, куда внешние бури доходят только как отголоски где-то отзвучавшего грома, навстречу которым стеной встают радость жизни и счастье бытия.

Пусть говорят, что мир — пустыня,
Что в жизни страшно и темно, —
Пью из небесной чаши синей
Зари пурпурное вино.

И, пробежав по мокрым травам,
Бросаю всюду жадный взгляд,
Ловлю под деревом кудрявым
Грозы недавней аромат.

И капель ласковую тяжесть
Держа в ладонях теплых рук,
Слежу, как быстро сети вяжет
Мой самый страшный враг — паук.

А дальше, там в цветочной чаще,
Где лютик тянется к лучу,
Я желтой бабочке летящей
Какой-то нежный вздор шепчу.

И растворяясь в этой жизни,
И тихой радостью дыша,
На все вокруг улыбкой брызнет
Моя поющая душа!

Хотя радость жизни проходит красной нитью через все творчество поэтессы жизнь ее, как впрочем и всего нашего поколения, прошла не в одной только радости. Много горечи и житейских трудностей определила ей судьба. Превратности щедро подаренные ей судьбою она встречает стоя во весь рост с твердой уверенностью что ее любовь к Жизни с большой буквы и вера в себя победят возникающие на ее пути тернии.

На шнурок нижу неудачи,
А удач нигде не найти.
Но не жди, Судьба, не заплачу
Я на трудном своем пути.

И хотя ты мало дала мне
Голубого простого дня,
Обломаю ногти о камни,
Но в борьбе не сломишь меня.

И тогда на звезде соседней
Или где-то в тихом раю
Знаю я, что буду последней
Засмеявшейся в нашем бою!..

Вот почему писать о творчестве Нонны Белавиной также легко и радостно, как и читать ее лирику светлого, Богом данного дня. Как далека она от современного хулиганства, позерства надуманного почти блатного стихоплетства так часто восхваляемого литературными критиками, увлекающими нашу литературу в джунгли варварства. Как близка она к тем творцам русской художественной поэзии, правдивой,

честной и сердечной, поднявшим ее на уровень интеллектуального творчества. Однако она своеобразна. Стиль ее не подвержен влияию чьих либо школ. Хотя настроения и ощущения окружающего ее мира где-то и перекликаются с мыслями Сергея Есенина, высказанными им в его третьем периоде творчества — периода разочарования, Нонна Белавина сохраняет своеобразность стиля и, затрагивая ту же тему не подпадает под его влияние. Позволю себе привести здесь оба стихотворения, исключительно как пример высказанной мною мысли.

С. ЕСЕНИН

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

Н. БЕЛАВИНА

Я не скажу вам о моей тоске.
Зачем роптать? Все жалобы напрасны.
Года бегут... Уже на волоске
Трепещет жизн, любимая так страстно.

Несется время бешено вперед.
Стал календарь ненужным и немилым,
И задержать бесшумный этот год
Ни у кого ни власти нет, ни силы.

Придет пора и оборвется нить...
Смирись, душа, и не моли о чуде.
Умей лишь лучше каждый миг ценить,
Умей дышать глубоко полной грудью.

На все глаза пошире открывай
И перед Жизнью преклони колени.
Что ждет тебя за гранью? Ад иль рай?
Но рай земной, душа, благословляй
До самого последнего мгновенья.

Нонна Белавина остается верной себе и тогда, когда мысль уносит ее навстречу приближающемуся преклонному возрасту. Не смятение и страх внушает ей эта встреча, а благодарность за прожитую ею жизнь.

СТАРОСТИ

Уже легли морщинки по углам
Веселых губ...
Привет тебе, подруга!
Я знаю, что теперь придется нам
Делить часы последнего досуга.

Не жди упреков, горечи и зла.
Я к этой встрече издавна готова.
И так ты очень медленной была,
Чуть приближаясь, отступала снова.

Вот наконец пришла твоя пора,
И станут дни скупей, но безмятежней.
И буду я в глухие вечера
Рассказывать тебе о жизни прежней.

О счастье, что со мною рядом шло,
О человеке с верною душою,
О том, что Музы светлое чело
Хоть иногда являлось предо мною.

О множестве неповторимых книг,
О добрых людях, встреченных когда-то...
За каждый день, за каждый прошлый миг,
За все, чем я всегда была богата,

Я благодарна жизни. И теперь
Приму часы покоя и недуга.
И ласково тебе открою дверь.
Ну что ж! Иди
Привет тебе, подруга!

Поэзия Нонны Сергеевны получила признание и в интернациональном масштабе:

В 1977 году ее имя было внесено в энциклопедию «Кто есть кто в интернациональной поэзии» (Кембридж, Англия).

В 1980 году она была принята в члены Академии имени Леонардо да Винчи в Риме.

Поздравляем Нонну Сергеевну с изданием четвертого сборника «Стихи» и в полной уверенности, что она и впредь будет радовать нас своими стихами, желаем ей дальнейших успехов и более частых встречь с подругой, имя которой МУЗА.

Н. Козякин.

СООБЩЕНИЕ О X СЪЕЗДЕ КАДЕТ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ IX СЪЕЗДА КАДЕТ В ВЕСТ ПОЙНТ. Н. В. КОЗЯКИНУ.

Объединение кадет российских корпусов, имени Е.И.В. Вел. княгини Ольги Александровны, в г. Торонто, Канада, на своем собрании 9 мая 1985 г., обсуждая вопрос о возможности устройства следующего X съезда кадет в Канаде, пришло к заключению: устроить X съезд нашим объединением. С этой целью была выбрана комиссия по устройству X съезда из следующих кадет: председатель — С. Тыррас; члены комиссии: В. И. Змунчилла, К. Дермиджиев и Г. Н. Сапегин.

Съезд предполагаем устроить между 2-9 августа 1986 г. в провинции Квебек, т. к. более подходящего места ближе к Торонто на это вермя не удалось найти. Для дальнейшей работы по устройству съезда мы надеемся на одобрение председателя последнего съезда, как и на подержку и дружеский совет других объединений.

За председателя:
С. П. Тыррас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИССИИ ПО УСТРОЙСТВУ X СЪЕЗДА.

Президиум IX Съезда Кадет принял к сведению решение Объединения Кадет в Торонто провести X Съезд в Канаде и сообщение об избрании Комиссии по устройству Съезда. От души приветствуем Ваше храброе решение и желаем комиссии успешной работы. Со своей стороны, в полном согласии с Объединением Кадет в Нью Йорке и редакцией «Кадетской Переклички», извещаем Вас о нашей готовности помочь Вам в тех областях Вашей работы, в которых Вам это понадобится. Уверены, что и другие Объединения включатся в это начинание. Бог в помощь, друзья! Присылайте регулярно сообщения в «Кадетскую Перекличку».

До радостной встречи!

Н. В. Козякин
Председатель президиума

СООБЩЕНИЕ ПЕРВОЕ

Для подготовки съезда избрана Комиссия, в составе С. П. Тыррас, К. Н. Дермеджиев, В. И. Змунчилла, Г. Н. Сапегин и А. И. Перекрестов.

После долгих поисков подходящего места для проведения съезда, Комиссия остановила свой выбор на гостинице «Алпен Инн» в м. Сант-Маргарет, в гористой и живописной местности в 50-ти милях на север от Монреаля (провинция Квебек). Этот отель удобен тем, что представляет для съезда комфортабельные комнаты с центральным охлаждением, помещения для деловых собраний, ресторан с прекрасной и обильной кухней, спортивные площадки для молодежи, бассейн для любителей купанья, уютные помещения для товарищеских встреч.

Съезд состоится с воскресенья, 3-го августа до субботы, 9-го августа. Запись участников съезда будет приниматься на период с субботы, 2-го августа, до 9-го августа (т. е. на 7 дней) или с 3-го августа до 9-го августа (т. е. на 6 дней). Пребывание в отеле считается с 13.00 часов в субботу или воскресенье — до 11.00 часов утра 9-го августа.

Полная программа съезда будет опубликована в одном из последующих сообщений Комиссии. По предварительной программе —

— в воскресенье вечером, 3-го августа, состоятся: сбор, молебен, заря с церемонией и затем банкет;

— в понедельник, 4-го августа, будет открытие съезда и затем последуют заседания в продолжение всей рабочей части съезда;

— по вечерам намечены дружеские встречи и любительские выступления;

— при наличии достаточного количества желающих, будут предложены экскурсии в Квебек Сити и столицу Канады — Оттаву; для дам предвидится дополнительная поездка в Монреаль;

— в пятницу, 8-го августа, состоится традиционный бал; в субботу, 9-го августа, прощание и разъезд участников съезда.

Стоимость пребывания на съезде, включая: комнату, завтрак, полдник, ужин, банкет и бал —

7 дней, один человек в комнате	540.00	
6 дней, один человек в комнате	470.00	
7 дней, два человека в комнате	435.00	(с каж-
6 дней, два человека в комнате	380.00	дого)
7 дней, с третьего человека в комнате	275.00	
6 дней, с третьего человека в комнате	250.00	

Для гостей желающих присутствовать только на обедах, ужинах, на банкете и на балу, при условии предварительной записи, установлены следующие цены:

банкет (включая спиртные напитки)	40.00
бал (8-го августа)	50.00
обед в будний день	12.00
ужин в будний день	25.00

Все вышеуказанные цены в американских долларах.

Комиссия должна как можно раньше выяснить — сколько именно человек прибудет на съезд. Поэтому мы просим всех, кто собирается принять участие в съезде, сообщить нам к 1-му декабря 1985 года о своем решении и прислать первый взнос — 100 ам. долл. Порядок уплаты следующий:

а) к 1 декабря 1985 г. первый взнос — 100.00 долл.

б) до 1-го апреля 1986 г. — не менее 50% всей причитающейся суммы;

в) до 15-го мая 1986 г. — остаток, т. е. к этому времени должна быть внесена вся причитающаяся сумма.

Чеки следует выписывать на имя 10-th CADET CONVENTION и высылать по адресу:

10-th CADET CONVENTION. 10205. J. J. Gagnier. Montreal. Quebec. Canada. H2B 2Z9.

На съезде, кроме кадет, желательно присутствие их семей и близких. Каждый кадет может пригласить своих родственников, друзей, подходящих по духу к кадетской семье.

Мы уверены, что намеченная программа и вся атмосфера этого юбилейного съезда создадут то неизгладимое впечатление, которое оставили все предыдущие съезды.

Рассеяны, но не расторгнуты!

По поручению Комиссии
В. И. Змунчилла

Доклад в.-фельд. XXIV вып. Д. Николаева

(IX Обще-кадетский съезд в Нью Йорке)

В этом году исполнилось 40 лет со дня окончания Корпуса в Белой Церкви, Югославия, кадетами XXIV выпуска, последнего, регулярно закончившего 8 классов и сдавших экзамены на Аттестат зрелости — «Велику матуру».

По случаю сорокалетнего юбилея XXIV выпуска, разрешите изложить Вам, краткую историю выпуска, т. к. он в некоторых аспектах отличался от предыдущих и конечно, от последующих, не успевших окончить 8 классов.

Предварительно, необходимо внести некоторые пояснения. В 1935-1936 учебном году, 1 класс в I Р.В.К.К.К.К. Корпусе не был открыт и последним выпуском был XXII. Произошло это из-за того, что якобы в Государственной комиссии по делам русских беженцев в Югославии (Државна комисия за руске избеглице) или как ее в обиходном разговоре называли «Державке», не было больше средств для оплачивания и содержания русских учебных заведений интернатского типа — корпусов, институтов и интерната Русской гимназии в Белграде. Таким образом к 1936 году, в Югославии уже были закрыты Институты Кикиндский и Харьковский, Корпуса Донской и Крымский и интернат Русской мужской гимназии. Остались лишь в Белой Церкви Мариинский Донской институт и I Русский Кадетский Корпус, в которые вливались учащиеся из последовательно закрывавшихся корпусов и институтов. Недостаток средств было официальным объяснением, а по сущсетву, после трагической гибели Короля Александра Первого Карагеоргиевича, некому было больше заботиться о русских людях и русской молодежи. В «Державке» перевес взяли круги не столь благоприятно относившиеся к корпусам и институтам, по причине того, что в них воспитывается молодежь в исключительно русском духе на «устарелых» началах. Таким образом число русских учебных заведений резко уменьшилось, хотя число подрастающей русской молодежи в годы беженства не уменьшалось, а увеличивалось. Можно безошибочно считать, что дети, поступавшие в средние учебные заведения, в возрасте 9-11 лет, с 1930 года все уже рождены вне пределов России.

Под давлением общественного мнения и все большего нажима родителей, проживавших вне Белграда, желавших дать

своим детям образование и воспитание в русском духе, в 1936 году в сентябре месяце был снова открыт прием в 1-ый класс.

Надо сказать, что в 1936 г. 22 Марта скончался долголетний первый директор I Р.К.К. — ген.-лейт. Борис Викторович Адамович, пользовавшийся большим уважением при королевском дворе, среди властей и населения, как в бытность существования корпуса в Сараеве, так и в Белой Церкви, и конечно среди кадет. На пост директора I Р.В.К.К.К. Корпуса был назначен ген. майор Александр Григорьевич Попов, военный юрист, преподававший, до назначения на новую должность, общую и русскую историю в старших классах корпуса, знавшего хорошо порядки и уклад корпуса, его педагогический и организационно-технический персонал и, конечно, самих кадет и их настроения, надежды и личные способности. Можно предполагать, что назначение директором А. Г. Попова, было отнюдь не случайно. В «Державке» он пользовался поддержкой кругов, считавших его более либеральным и более уступчивым к разным требованиям и новшествам создаваемым той же «Державкой». С другой стороны, он как юрист по образованию (закончил Императорскую Военно-Юридическую Академию в Петербурге), сможет успешно вести корпусной корабль в уже начавших мутнеть, политических водах Европы, с привкусом приближающейся гражданской войны в Испании, а в недалеком будущем и началом II Мировой войны, так пагубно отразившейся на существовании Корпуса и жизни всей русской эмиграции проживающей в Европе, а в частности в Югославии.

Кроме указанных моментов, желательно вспомнить, что к 1936 г. в Югославии было порядочно детей из смешанных браков, где только один из родителей был русский, в большинстве случаев — отец, а мать — одной из национальностей, проживавшей в Югославии. В огромном большинстве матери были православные: сербки, черногорки, боснийские сербки; но были случаи, отнюдь не одиночные, где матери были иного вероисповедания, как то: хорватки, венгерки, местные немки, словенки и проч.

Дети, из таких смешанных браков, где в семье мало или редко была слышна русская речь, и вообще, отсутствовал русский уклад жизни, больше всего нуждались в закрытых учебных заведениях, как Корпуса и Институты. К счастью, в сентябре 1936 г. подростающий молодняк, будущий XXIV

выпуск, со всех концов Югославии, числом в 30 человек направился в Кадетский корпус в Белой Цркви.

1 Сентября 1936 года первоклассников встретил их воспитатель полк. Николай Александрович Чудинов и два помощника офицера воспитателя — «дядьки» П. Маслов XVIII в., и Лобов XIX в. Описывать первые дни и вообще регулярный уклад жизни, нет надобности, т. к. всем нам это хорошо известно. Задержусь только на особенностях XXIV вып. отличавших его от предыдущих и последующих.

Первое, что мы заметили, это долгое время пустующая кровать в спальне, на чьем цигиле было написано «Кутепов». Кто такой Кутепов, и почему его нет, большинство из нас не знало. Но на уроках офицера воспитателя нам вкратце было объяснено, что Кутепов Павел, — сын ген. Кутепова, видного командующего частями Добровольческой Армии, похищенного в Париже и что Павлик приедет из Риги, где после похищения отца, живет с матерью у родственников. Наконец Павлик прибыл в начале Октября. Оказалось, что он такой же как и мы, любит и пошалить и поболтать, недурно рисует, отлично говорит по французски, одним словом парень толковый, льготами из-за имени отца не пользуется. Таким он остался вплоть до VIII кл. в который не перешел, а из-за материального положения, во время II Мировой войны, вынужден был служить в РОК.

Вторым происшествием в I классе было неожиданное падение нашего воспитателя полк. Н. А. Чудинова, причем он при падении, зажигая лампадку в одной из наших спален, сломал ногу и почти до конца учебного года лечился, а на его место был назначен подполк. Николай Евгеньевич Карпов, хорошо знавший бывших воспитанников школы-интерната в Храстовце, Словения; в том интернате его супруга была воспитателем. В нашем же выпуске было несколько кадет учившихся в Храстовце и их поведение и повадки были хорошо известны Н. Е. Карпову, так что некоторым пришлось и остепениться.

И наконец третий случай, заслуживающий внимания, в нашем первом учебном году, это побег из Корпуса нашего одноклассника Копанева, вместе с двумя кадетами III кл. XXII вып. «в Россию». В Россию он вместе с друзьями-беглецами не попал, а был выловлен румынскими пограничниками и передан югославским жандармам в течение 48 часов. Ясно, что вся тройка была немедленно уволена из Корпуса. Им дана

была возможность продолжать учение в русско-сербской гимназии в Белграде.

1937/38 уч. год для XXIV вып. был особо интересен, а вот почему. Уже было упомянуто, что предыдущий учебный год в отношении открытия и пополнения I класса был неожиданным. Родители будущих кадет, проживающие в Белграде, получили утвердительный ответ об открытии I класса в середине августа 1936 года. Некоторые же родители, не проживающие в Белграде, но имевшие в столице родственников или знакомых, посредством их, вовремя узнали о наборе кадет в I класс. Большинство же родителей, проживавших в провинциях и в глуши, об этом, или вообще не знали, или узнали с большим запозданием и не успели записать своих мальчуганов в Корпус. Так прошел первый учебный год, а во второй учебный год в XXIV выпуск нахлынули многие, не успевшие вовремя записаться в I класс. И вот на радость нашу во II классе нас набралось ни больше ни меньше, как 47 человек. Число солидное для образования двух отделений, но нас по каким-то причинам не разделяли, оставили всех вместе. Пришлось поэтому самую большую спальню в Киевском коридоре отвести под классное помещение, а по спальням мы были в Одесском коридоре, размещны в четырех помещениях. Ко всему, интересно добавить, что из-за отсутствия XXIII выпуска, XXIV вып. с первого класса входил в состав II роты, вместе с XXII и XXI выпусками. Дядьками у нас были XIX в. В. Мантулин и С. Высоцкий.

Во II роте с первого класса до пятого включительно XXIV вып. и находился, т. е. до начала войны в Югославии.

Во втором и третьем классах 1937-38 и 1938-39 уч гг. воспитателем у нас был п.-полк. Николай Венедиктович Зиолковский.

Надо сказать, что в корпусе было неписанное правило, допускать к экзаменам на аттестат зрелости — «Велика матура» и «Мала матура» — в IV кл. только тех кадет, кот. смогут наверняка выдержать все испытания. Поэтому в VII и III классах беспощадно оставляли на второй год. Зато допущенные к экзаменам давали знания сверх среднего балла. О таких результатах не трудно убедиться, просматривая годовые отчеты и официальные письменные заявления председателей матурных комиссий; годовые отчеты большинство из нас, если не все поголовно, получали и читали. Результатом такого «отсеивания» кадет в III и VII кл. были действительно хоро-

шие успехи не только на выпускных экзаменах, а и в будущей жизни тех, кто продолжил образование в высших учебных заведениях: факультетах и военных училищах Югославии. Уже после II Мировой войны, когда в Белграде начали снова работать факультеты, автор этих строк в 1946 году прочел на доске объявлений выставленной на техничском факультете список успешности — с приведением среднего балла и диплома. Первыми по успешности среди всех средних школ в Югославии были студенты закончившие русские средне-учебные заведения: корпуса и русскую гимназию в Белграде. Списки эти красовались на техническом факультете с довоенных времен и вероятно, случайно осталась на видном месте и в первый год после войны, пока кто-то из правоверных не сообразил их снять.

В III классе к концу учебного года подчистили и мой XXIV вып. В IV класс перешло нас 39 человек, на «Малую матуру допустили 31 из коих пятеро было освобождено от испытаний по успешности, а 26 человек сдавало экзамены и перешло в V кл. От «Малой матуры» были освобождены — Сергей Артонов, барон Константин де Боде, Леонид Белозубов, Николай Парижский и Дмитрий Николаев, всего 5 человек, но по тогдашним правилам, это считалось очень большим числом «освобожденных». Нашим офицером-воспитателем в матурном IV классе был п.-полк. Николай Евгеньевич Филимонов, к сожалению всего лишь год, т. к. в V кл. нам назначили другого воспитателя.

1940-41 учебный год застал нас в пятом класс. К пятому классу мы отнеслись не столь серьезно. Некоторым из нас хотелось отдохнуть после малой матуры, т. к. до VIII кл. было достаточно времени. Но зато по внеучебной части выпуск прямо блестел. Семь кадет уже входили, как кандидаты, в инструкторскую гимнастическую группу, а одиннадцать кадет XXIV вып. были уже с III класса постоянные члены духового оркестра, насчитывавшего 34 музыканта. 15 музыкантов было из состава XXI вып., и всего лишь 8 из XXII и XXIII выпусков. Воспитателем нашим в V кл. был полк. Сергей К. Орлицкий.

Наступил 1941 год. 27 марта произошел военный переворот в Югославии со всеми дальнейшими событиями и последствиями, всем нам давно известными.

Летом 1941 года формировался Р.О.К. и почти половина состава XXIV вып. ушло в его ряды. Лишь к февралю 1942

года, уже в оккупационных условиях, Корпус продолжил свое существование.

1942 учебный год продолжался по программе до Августа, чтобы следующий начать уже по установленному режиму. XXIV вып. в этом учебном году свелся на половину по сравнению с предыдущим учебным годом. В пятом классе нас было 31, а в шестом 14 человек, из коих коренных — восемь. Такое отсеивание было почти во всех выпусках старше нашего, не только из-за ухода в РОК, но и из-за разгрома Югославии и раздела ее территории на государства сателиты, из которых попасть в Белую Церковь в Банате было и трудно и сложно. Многие по молодости, пользуясь военным положением, предпочли оружие книге.

В 1942 году XXIV вып. в составе 14 человек взялся за дело восстановления духового оркестра и инструкторской гимнастической группы, в новых, весьма трудных и сложных условиях существования Корпуса, который немцы выселили из обжитого здания в бывшую казарму «Подофицерске ваздухопловне школе гаджанья». Частенько, если не ежедневно было и голодно, а зимами, и холодно. Уже было сказано о составе духового оркестра в 1940-41 уч. году, в 1942 из кадет музыкантов XXIV вып. осталось 6 кадет и XXV вып. — кадет Михаил Скворцов. Вот эта группа под руководством нового капельмейстера кап. Недзельницкого, начала возобновлять духовой оркестр, приняв новых учеников под свое наблюдение и учение и в полтора года, т. е. к 1943-44 уч. году довела состав духового оркестра до 23 музыкантов, с довольно разнообразным репертуаром, не считая обязательные марши.

С VI по VIII класс нашим офицером воспителем был п.-полк. Мстислав Аполлонович Левитский, человек весьма образованный, в особенности по части искусств, так что нам при нем жилось не плохо. Весь учебный год в VI кл. пролетел молниеносно, т. к. начался поздно, и был закончен в конце июля. К сожалению, по окончании VI класса выпуск потерял еще двух кадет, несдавших переэкзаменовки. Несмотря на военное положение и исключительно трудные условия жизни, поблажки в учении нам не давали. Требования к знаниям были те же как и в довоенные, мирные годы. На летние каникулы по окончании VI кл. разъехались все кадеты. В Корпусе никто не оставался, как это бывало до войны. Каникулы — летний отпуск в один месяц — почти что и не почувствовали. К I сентября все снова съехались к новому 1942-43 учеб-

ному году, который уже по времени начала и окончания, ни чем не отличался от регулярных, довоенных.

Не могу не упомянуть, что во время всех оккупационных лет существования Корпуса, у нас был новый духовник: иеромонах Антоний Бартошевич, теперь архиепископ Женевский, который будучи совсем молодым, хорошо понимал нас кадет, как старших, так и младших и часто был нам моральной опорой, а иногда и непосредственным помощником при письменных работах по латыни, вместе с нашим незабываемым преподавателем по истории и русской литературе — Вадимом Павловичем Курганским. Спасибо им за то понимание и помощь всем кадетам, в трудные годы лихолетия.

В 1942-43 уч. г. в наш выпуск поступил приходящим сын преподавателя физики и химии Николая Яковлевича Писаревского, Владимир Писаревский, таким образом численность наша возросла до 13.

Прием в I класс, а также и в старшие классы, в сентябре 1942 года, был сверх ожиданий. Младшие классы формировались в два отделения из-за большого числа прибывших. Родители желали детям младшего возраста дать хоть минимум спокойной жизни при почти удовлетворительном питании в Банате, где последствия войны в смысле пропитания и спокойствия, меньше ощущались, чем в других пределах Югославии.

В последние два учебных года численность кадет от I до VIII класса увеличилась и пришлось вернуться к старой, проверенной практике: выделением «дядек» во II и III роты. Выбор пал на XXIV вып. и в III роту был назначен помощником офицеров-воспитателей Александр Криницкий, а во II роту Дмитрий Николаев. В состав III роты входил I класс, насчитывавший до 80 кадет. В состав II роты вошли II, III и IV кл. при чем II кл. насчитывал 68 кадет и был поделен на два отделения; III кл. насчитывал 36 кадета и IV кл. 26, всего — 130 кадет.

1942-43 предпоследний регулярный учебный год прошел в нормальных учебных условиях. Жизнь, в новых помещениях Корпуса, вошла в привычную колею. В свободное время и на воспитательских уроках снова во II и III ротах производились строевые занятия. Младшим внедряли «дядьки» кадетский дух и заповеди товарищества. В конце учебного года был последний традиционный парад, за городом, на свежем воздухе.

В конце года, получив аттестаты, а некоторые и похвальные листы I или II степени кадеты разъехались по домам. В Корпусе остались кадеты сироты, но таковых было мало.

Наступил последний 1943-44 учебный год. XXIV выпуск в VIII классе, старший в Корпусе. В Европе восточный фронт после разгрома немецких армий в «Курской дуге» неумолимо приближался к государственной границе СССР и странам восточной Европы. Италия после высадки союзников капитулировала, а союзные войска медлнно, но верно, продвигались к северу Италии. В такой военно-политической обстановке протекало начало учебного года, последнего выпуска. И все же, несмотря на все внешние события, в Корпусе жизнь протекала в рамках спокойствия и напряженного учения. Все от мала до велика чувствовали, что это последняя возможность приобрести максимум знаний на будущую, как впоследствии оказалось, сложную и трудную жизнь. Пример в добросовестном учении старались дать XXIV и XXV выпуски.

С начала учебного года начались подготовки к корпусному празднику и празднику Р.Е.В. Подготовку по драматической части вел п.-полк. М. А. Левитский, а по музыке кап. Недзельницкий. Корпусной праздник отметили, как в добрые старые времена. Пользуюсь случаем и привожу текст из Белградской газеты «Русское дело» за № 29 Декабря 1943 г.:

В Русском кадетском корпусе.

На праздник корпуса прибыли: Начальник Управления ген. майор В. В. Крейтер, помощник его Л. В. Сердаковский, начальник учебного отдела ген. Н. С. Свищев, начальник канцелярии Н. Д. Тальберг и адъютант М. Н. Горбов.

Торжественные богослужения в канун праздника и 6 Декабря (23 Ноября) совершили прот. В. Бощановский, прот. А. Козлов, о. Голунский и настоятель корпусной церкви иеромонах Антоний Бартошевич.

Перед молебном прот. В. Бощановский произнес яркое и проникновенное слово, посвященное памяти Св. Бл. Князя Александра Невскаго. Маститый пастырь ясно определил два борющиеся теперь лагеря, призывая, во имя истинного отечестволюбия и приверженности к Церкви, чем только и жил Небесный Покровитель корпуса, безоговорочно с теми работать, кто старается сокрушить богоборческую власть и темные силы, ее поддерживающие.

Во время зари с церемонией произведены были: из вице-унтер офицера в вице-фельдфебеля — Дмитрий Николаев, в вице-унтер офицеры Виктор Полубелов и назначен знаменщиком корпуса, Сергей Артонов, Петр Бурлаков и Александр Криницкий.

Вечером 6 декабря состоялся отличный концерт, организованный кадетами первой роты, под руководством подполк. М. А. Левитского. О концерте говорилось в прошлом номере газеты. Отметим вновь образцовое исполнение партерной гимнастики Алферовым, Артоновым, Балашевым, П. Дубельштейном, Киреем, Кравченко и Криницким. Повторен был по настойчивой просьбе зрителей, казачек, исполненный С. Ермаковым, Качуриным, Ралли и Рубчевым.

Младшие кадеты организовали свой концерт в спальне и классе: «Хирургия», «Демьянова уха», «У пушки», «Старый и новый год», были исполнены с участием Миллера, Горбенко, Лебединского, Фомина, Улагая, Макринова, Мотренко, Денисенко, Горелова, Бержье, Ралли. Стихотворение «Русь» продекламировал Пышкин, «Князя Репнина» — Гаузен. Пел ротный хор под управление Мармыша. Особое оживление царило во время устроенного концерта 3 ротой. Стихотворения и басни были прочитаны Аносовым, Эйсмонтом, Вереницыным, Шатовым, Великим, Слободчиковым. При участии Секретарева, Эйсмонта и Бек-Узарова удачно была представлена в лицах басня «Пустынник и медведь». Казачка протанцевал Черный. На губных гармониках играли Нестеровский и Яковенко. Показаны были гимнастические упражнения кадетами 2 класса. В числе гостей корпуса было восемь гимназистов 7 и 8 классов, являющимися вожатыми во внешкольном воспитании.

В предыдущем 28 номере той же газеты, от 12 Декабря 1943 г. была напечатана статья, чей текст (сохранившуюся вырезку), привожу полностью:

В этом году кадеты с особым старанием готовились к своему празднику. Съезжавшиеся гости были свидетелями приготовлений.

Скромное, но уютное помещение Корпуса было украшено зеленью и цветами, всюду царила образцовая чистота, а лица хозяев-кадет выражали такие чувства радости и радушия, что все невольно заражались этим праздничным настроением.

Прибывшие накануне из Белграда начальник Бюро русской

эмиграции ген. Крейтер,, начальники отделений, старые кадеты и гимназисты белградской русской гимназии были встречены на станции Директором Корпуса и взводом кадет первой роты, а в самом Корпусе батальоном кадет с оркестром. И в бодрых, мажорных тонах «Встречи» и в дружном ответе на приветствие чувствовался настоящий молодежный подъем.

Этот подъем продолжался весь день и когда после всенощной «торжественно весь корпус был построен», все замерло в радостном и напряженном ожидании начальства. Против строя чуть слышно перешептывались многочисленные гости. И когда вслед за командой «смирно, равнение направо», прогремел встречный марш, не было лица, которое бы не просветлело и не было сердца, которое не переживало бы. В этом торжестве нельзя было не участвовать. Здесь было все так светло, торжественно, искренно и красиво. Замерли звуки «Встречи» и директор обратился к кадетам. Сказав о переживаемом времени, директор корпуса призвал кадет в этот вечер особенно задуматься над собой и очистить свои сердца, чтобы достойно встретить праздник. К приближению «производства» напряжение дошло до крайности: имена счастливцев до последнего момента не известны. Кого произведут?

По вызову директора избранные выходят перед строем и, пережив то, что дано прочувствовать только раз в жизни, возвращаются под звуки марша обратно в строй.

Повестка. Заря. «Коль славен».

«За ним молитвы пение, душу умиляя,
Наполнило весь длинный коридор»...
... «Отбой» сыграл горнист. Покойной ночи!»

И как только раздалась команда «разойтись»!, кадеты с криками «Ура» кинулись «качать» произведенных. Счастливцев подбрасывали до потолка, а гости все не уходили, ни за что не желая пропустить такого веселья, хотя в этом своеобразном поздравлении «счастливцев», ликующая масса кадет неслась по коридору и гостям грозила опасность попасть в ее бурный поток. Вокруг сновали только радостные лица и гости прощались с кадетами до следующего дня.

Утром к литургии число гостей увеличилось приехавшими последним поездом, и в небольшой кадетской церкви уже не было всем места. Стройно пел кадетский хор. К молебну было внесено в церковь из музея знамя Полоцкого кадетского корпуса для освящения.

И затем — построение к параду, знакомое ожидание.

«Встреча» начальства и поздравления с праздником. Ген. Крейтер в коротком слове подчеркнул нашу ответственность перед Родиной и указал кадетам неуклонный путь служения. Вслед за ответными раскатами «Ура» прозвучал русский гимн и «Наш полк».

«Корпус имеет свой дух, свой быт. У корпуса — свыше, чем 200-летние традиции. Корпус — единственное этого рода учебное заведение в мире и мы его должны сберечь», таковы были слова директора корпуса.

Благодарное «Ура» тем, кто помогли сберечь корпус пронеслось по строю.

Затем после быстрого перестроения, приготовились к церемониальному маршу. Грянул Преображенский марш и кадеты молодцевато подняв головы, зашагали перед начальством. Старые кадеты — «ветераны» прошли своим взводом.

«Молодцы кадеты»!

«Рады стараться Ваше Превосходительство!»

Тут не было шагистики. Тут был настоящий подъем.

Вечером состоялся концерт. И здесь во всякой мелочи видны были заботливость, старание и отличная организация.

Две драматические постановки: сцена «В Чудовом монастыре» и монолог из «Кузьмы Минина» были на высоте. В. ф. Николавым и в.у.о. Криницким, молодыми артистами, были глубоко продуманы роли. Смешанный хор исполнил строевые песни, оркестр — русские народные. Особого внимания заслуживает «девятка» гимнастов и «казачек».

Так прошел корпусной праздник и действительно чувствовалось во всем, что у кадет дух неугасим и велико желание именно в такое тяжелое время не только сохранить то что есть, но и работать дальше.

Через две недели отпраздновали с таким же подъемом праздник Роты Его Высочества, день Св. Николая Чудотворца. К своему празднику Р.Е.В. подготовила новую программу. В канун праздника было так наз. второе производство. Произведены были в в.у.о. Алексеев Роман, Балашев-Самарский Николай и Алферов Сергей. На праздник Р.Е.В. кадетам было сообщено, что им предлагается устроить концерт в Белграде в театральном зале «Русского дома имени Императора Николая II». В программу выступления включить наиболее удачные номера из программ вечеров корпусного и праздника Р. Е. В. Деньги вырученные с концерта будут употреблены на экипировку XXIV выпуска по окончании корпуса.

9 Января, на третий день Рождества в Белграде состоялся концерт. Присутствовали кроме директора корпуса и отобранных офицеров воспитателей, подготовлявших программу и множество званных гостей. Зал был переполнен. Места для сидения распроданы и желающую молодежь Белграда, преимущественно женской и мужской русских гимназий, впустили без билетов, смотреть концерт стоя.

По окончании концерта участники и кадеты проживающие в Белграде были вместе с оркестром построены в сокольском-гимнастическом зале. Выстроенных кадет приветствовал ген. Крейтер со свитой и поблагодарил кадет за образцовое исполнение, доставившее зрителям громадное удовольствие, напомнив о былой славе российских корпусов.

Началось второе полугодие. Как-то одновременно пришло и разрешение заняться подготовкой к боевой стрельбе. Надо упомянуть, что после концерта в Белграде, Корпусу от имени Р.О.К. было выдано 35 винтовок французского трехпатронного заряда и три карабина пятипатронного заряда Крагуевацкого производства.

Под руководством полк. Потапова и п.-полк. Филимонова кадеты Р.Е.В. прослушали курсы теоретической подготовки по стрельбе и в мае 1944 года на военном стрельбище практически подтвердили теоретические познания.

В знак признательности за отлично проведенный концерт в Белграде в середине марта в корпус были присланы серебряные медали, специально отлитые, участникам в гимнастической девятке. Девять гимнастов инструкторской группы получили медали с надписью на обратной стороне: «За отличную гимнастику на концерте в Белграде». Десятую медаль получил в.-фельдфебель с надписью: «За концерт в Белграде». Ношение медали разрешалось в парадные дни на левой стороне груди на малиновой ленте. Медали были торжественно вручены награжденным директором корпуса в день Причастия Р.Е.В. на четвертой седмице Великого поста.

Нельзя не упомянуть еще один интересный случай, т. к. он напомнил нам такой же происшедший в бытность нашу в I классе. В апреле 1944 года три «молодца» II или III класса удрали из корпуса. Заметили побег не сразу, а через 4-5 часов. Снарядили двух в.у.о. XXIV вып. велосипедами и послали на розыски. Через 8 часов с момента побега озорников водворили в стены корпуса. Зная, что беглецам грозит увольнение из корпуса, а в военное время это значило лишить их

дальнейшего образования, выпуск решил предупредить официальные санкции и спасти от выгонки «отважных». Причем мотивы побега нам были не совсем ясны, т. к. «беглецы» каждый по своему объяснял причины побега. Фельдфебель с двумя в.у.о. пошли с докладом к директору и убедительной просьбой не выгонять младших кадет, а ограничиться снятием погон. Правда, до доклада, в спальне выпуска «молодцов» хорошо проучили, чтобы впредь не позорили корпус и имя кадета. Об этом факте доложили и директору, ссылаясь на внутренние кадетские устои. Молодцов из корпуса не выгнали. Ограничились снятием погон и сбавкой балла за поведение на 1. Но к концу учебного года всей тройке вернули погоны и повысили балл за поведение на 4. Надо сказать, что директор одобрительно отнесся к мерам предпринятым выпуском и удовлетворил просьбу.

Подходил конец занятий в матурных классах. 15 Мая спели мы по традиции «Дети в школу собирайтесь» нематурным классам и опять-таки по традиции XXV вып. — VII кл. пропел нам «Ответ», порядком разобрав каждого по косточкам.

VIII кл. — 12 кадет XXIV вып. закончило без переэкзаменовок, со средним баллом свыше 8,00, что кажется было впервые. Закончили отлично с правом на освобождение от устных испытаний пятеро: в.у.о. Р. Алексеев, в.у.о. о. С. Артонов, в.у.о. А. Криницкий, в.у.о. В. Полубелов и в.ф. Д. Николаев. Все пятеро оправдали доверие и на письменных работах по русскому и сербскому языкам и по математике набрали свыше 27 в сумме баллов. К устным испытаниям допущены были и все их выдержали, опять-таки без переэкзаменовок: в.у.о. С. Алферов, в.у.о. П. Бурлаков, в.у.о. Н. Балашев-Самарский и старш. кад. В. Мингин, В. Азаренко-Заровский, И. Амосов и В. Писаревский.

При невероятных обстоятельствах в 1945 году удалось получить нелегальным путем из белоцерковской гимназии, куда были сданы документы корпуса по учебной части на хранение, протокол «Большой и малой матур 1943-44 уч. г.». Протокол находится в Нью Йорке в одном из музеев.

После благодарственного молебна и поздравлений, кадетам XXIV в. были вручены купоны на бесплатное приобретение костюмов и белья в Белграде. Вечером в столовой корпуса был устроен прощальный ужин. Снова приведу подлинный текст из сохранившейся вырезки из газеты «Русское дело» от июня 1944 г.

«В Русском кадетском корпусе».

Поезд прогромыхал по мосту через Дунай. Позади остался Белград с его тревожными слухами. Чудный вечер. Глаза ласкают начинающие желтеть нивы, масса маков вдоль дороги. Скучные остановки в Вршце и Ясенове. Наконец поезд останавливается в Белой Церкви и через несколько минут попадаешь в русский уголок, с которым так сжился в последние годы.

Здороваешься с героями сегодняшнего дня. Их двенадцать и они блестяще закончили в этот день испытания на аттестат зрелости. Поздравляешь их от души. Оставшись же один, вспоминаешь, какую дружную, но более обширную семью представляли они еще в 4 классе, когда впервые пришлось с ними познакомиться. Тогда уже они проявляли особую любовь к корпусу, старались как можно лучше украсить классное помещение, блеснуть на корпусных праздниках талантами и полюбезнее принять у себя гостей. Теперь они выходят на большой жизненный путь. Что их ждет впереди? Понимаешь, как трудны их дальнейшие шаги и желаешь им всего лучшего.

На следующий день, 12 июня, в церкви корпуса о. иеромонахом Антонием отслужен был благодарственный молебен. В церковь внесено было знамя, и окончившие кадеты приложившись ко кресту, прощались с корпусной святыней. Председательствовавший на испытаниях представитель (изасланик) министерства просвещения, инспектор по учебным делам Банатского округа, ген. штаба полк. И. Ф. Патронов, сказал им краткое слово.

Директор А. Г. Попов, волнуясь, приветствовал 24-ый выпуск, охарактеризовав его с самой лучшей стороны. Он подчеркнул, понимание их обязанностей, уменье согласовать подчиненность начальству с умелым руководством младшими кадетами. Благодаря этому, учебный год, протекавший в трудных условиях, прошел исключительно мирно. Начальник учебного отдела, ген. И. С. Свищев поздравил их от своего имени и от имени начальника управления делами Российской эмиграции в Сербии генерала В. В. Крейтера, пожелав им полного успеха в жизни.

Окончили корпус: вице-фельдфебель Дмитрий Николаев: вице унтер-офицеры: Роман Алексеев, Сергей Алферов, Сергей Артонов, Николай Балашев-Самарский, Петр Бурлаков,

Виктор Полубелов и кадеты: Владимир Азаренко-Заровский, Валерий Мингин, Игорь Амосов и Владимир Писаревский.

Премии, награды и стипендии были выданы: В. Полубелову, Р. Алексееву, Д. Николаеву, С. Алферову, П. Бурлакову и С. Артонову.

Вечером, в столовой корпуса состоялся прощальный ужин. На нем, кроме выпускных кадет, присутствовали ген. И. С. Свищев, ген. А. Г. Попов, полк. И. Ф. Патронов, Н. Д. Тальберг, иеромонах Антоний, ротный командир, отделенные офицеры и члены экзаменационной комиссии. Преисполнено было отеческой любовью слово, сказанное директором корпуса. Он напомнил своим питомцам обязанности их перед Родиной, призывая к борьбе с ее поработителями, говорил о том, что ныне нельзя создавать прочной личной жизни — пока не разрешится главное — мировая борьба — благоприятный исход которой только и определит судьбы отдельных людей.

Об этом же говорил и полк. Патронов в своей задушевной речи. Ген. Свищев призывал поддержать друг друга и за стенами корпуса.

Н. Д. Тальберг, заметив, что выпуск совпал со днем рождения Петра Великого, говорил, что пример этого государя, всего себя отдавшего служению России и здоровье свое погубившего, спасая утопающих, должен быть для них путеводною звездою.

Бывший фельдфебель Николаев благодарил директора и всех его помощников за все то, что дали они кадетам, обещал от имени 24 выпуска хранить заветы корпуса служа Родине.

На следующий день волновались кадеты 4 класса (XXVIII вып.). Начались и у них испытания. Им была предложена тема — «Любимый герой из русской истории». Выбрали они Св. Александра Невского, Петра Великого, А. В. Суворова, Дмитрия Донского. Отрадно было это слышать. Кадет с раннего возраста научили ценить то, что составляет славу России».

В первый день малой матуры, бывшие выпускники XXIV в. не разъехались. Переодевшись в штатское, собрались на частной квартире нашего преподавателя физики Николая Яковлевича Писаревского, конечно, с его же согласия и предложения, и вскладчину устроили во дворе, свой прощальный вечер, затянувшийся до утра. И только с первым утренним поездом мы навсегда покинули Корпус и Белую Церковь.

Вместо эпилога необходимо напомнить, что будучи еще в I классе, на нас малышей оставила на все годы пребывания в корпусе громадное впечатление жизнь и кадетский дух двух старших выпусков: XVII и XIX, которым мы старались подражать. Имея перед глазами эти выпуски, XXIV вып. старался младшим выпускам привить тот же дух товарищества, дисциплины, уважения к старшим и любовь к младшим товарищам. За все годы проведенные в корпусе XXIV вып. помнил чье имя носит и наши заветы родного корпуса с любовью переносил на младших кадет.

Дорогие старшие однокашники! Спасибо вам, что вы научили нас быть примерными кадетами, не опозорившими никогда своими поступками имя России и корпуса.

Дорогие младшие однокашники! Вас благодарим за то, что вы восприняли те заветы, которы мы вам, будучи «дядьками», и старшими кадетами передали. За то, что вы, как и все ваши старшие однокашники, оправдали доверие и, как ваши предшественники — «Помните, чье имя носите». Все вы уже взрослые люди. Много добра и зла повидали на этом свете, но остались «верны заветам родной старины» и в «рассеянии сущи» не забываете нас старших.

Да поможет Господь всем нам до конца своих дней честно и безупречно нести имя кадета на чужбине.

В.ф. XXIV выпуска **Д. Николаев.**

ОБРАЩЕНИЕ

Для работы по русской истории собираю материалы по истории старообрядчества и древних периодов старо-русской культуры. Особенно интересуют материалы эпохи до, и первого тысячелетия после Р. Х., касающиеся жизни восточных славян (тавро-скифов, роксолан, антов, невров, волховских словен). Прошу лиц имеющих таковые или желающих указать, где их можно получить сообщить мне по адресу:

Yaropolk Miheyev,
P. O. Box 390. Brooklyn,
N. Y. 11202

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Маракай, Венецуэла. 10 октября 1984 г.

Глубокоуважаемый Господин Редактор, дорогой друг Николай Васильевич!

В № 35 нашего журнала Ты поместил свою заметку «По Страницам Печати» и два письма в редакцию А. Бехтеева и Н. Мартьянова, в защиту моего имени от подозрения в «руссофобстве справа», появившемся в газете «Наша Страна». По имеющимся у меня сведениям, и в саму газету было послано несколько протестов, один из которых, А. Алферова, был ею напечатан и сопровожден ответом, превосходившим и по стилю, и по содержанию первую статью, что полностью оправдало мое решение на эти нападки не реагировать.

Я искренне и глубоко благодарен Тебе и всем авторам писем, выступившим в мою защиту, но я не могу оставить без ответа и те высказывания, где мне приписываются качества, которыми, увы, не обладаю. Так наш дорогой однокашник Н. Мартьянов в своем письме назвал меня «легендарным героем» за мое выступление на московском съезде на русском языке, с осуждением лженаучной теории Трофима Лысенко. Нет, дорогой друг, с кем я не имел чести лично познакомиться, мое выступление отнюдь не было геройством, я был в большой мере застрахован от нежелательных последствий. До этого мы с женой побывали в Советском Союзе три раза. При первой же поездке я заполнил анкету, где был вопрос о том, что я делал во время войны. Ответил: был в Русском Корпусе, служа по специальности — в ветеринарном отделе. При получении визы я спросил, дает ли она право только на въезд или и на выезд, и получил нужные заверения в советском консульстве в Каракасе. Затем я почти ежегодно высылал моему кузену и приятелю-профессору, живущим в Москве, копии моих коллективных писем друзьям-кадетам, с описанием наших съездов, поездок, встреч, изымая из писем все, что звучало слишком тенденциозно. Письма там вскрывают для цензуры и то, что я кадет, там хорошо известно. На этот конгресс я ехал, как официальный представитель Венецуэлы совместно с еще одним сослуживцем. Как таковой, я, до какой-то степени, находился под защитой своей страны. Кроме того, в очень узкой среде специалистов по тропичес-

кому скотоводству у меня есть, пусть маленькое, но все же свое имя, и мой арест не прошел бы незамеченным. А самое главное то, что в своем выступлении я нисколько не порочил советскую науку сегодня, я даже упомянул о ее несомненном прогрессе, а протестовал только против прошлого, которое сейчас, по их же выражению «заминают для ясности». Нет, никакого геройства в моем выступлении не было, я был крепко уверен в его безнаказанности.

Мой сердечный привет и благодарность всем. Крепко жму Твою руку.

Владимир Бодиско.

—

Дорогй Друг,

Каждый номер все лучше и лучше, все интеесней предыдущего. Искренне поздравляю, обнимаю, приветствую.

Кстати: П. Гаттенбергер пропустил упомянуть важную дату. В 1907 году на параде в день корпусного праздника Государь Император принял шефство Первого Кадетского корпуса. С тех пор наша первая рота стала именоваться Ротой Его Величества и наш директор ген. Григорьев здоровался с ротой: «Здравстуйте Царева рота».

Искренно, **А. Бенземан II.**

—

Дорогой Николай Васильевич!

Прошу Тебя поместить в следующем номере журнала мое письмо и прилагаемое к нему «послесловие» к статье «Военные гимназии», помещенной в номере 38 «Кадетской Переклички». Статья, базируясь на Царствовании Императора Александра 1-го, при котором не только Кадетские Корпуса но и вся Армия пришли в полный упадок, бросает незаслуженный упрек существовавшим в то время Корпусам и сразу переходит к царствованию Имп. Александра II с Милютинскими реформами по переименованию Кад. Корпусов в военные гимназии.

Как нам известно, после Имп. Александра I на престол вступил Имп. Николай I, при котором все упущения и непорядки времен Имп. Александра I были устранены.

Почему блестящая эпоха Имп. Николая I совершенно пропущена в статье и автор сразу перешел на царств. Имп. Александра II и Милютинские реформы? Во имя чего мы, уходя-

щее поколение неповторимых Кад. Корпусов, оправдываем свое существование за рубежом своей Родины, создавая свои Объединения, устраивая Съезды, издавая журналы и книги, как не во имя нашей до сих пор неостывшей любви к нашим родным гнездам?

Неужели это результат пережитка, когда нас воспитывали, под розгами и наше мировоззрение складывалось под влиянием «случайно слагавшихся традиций, часто не имевших в основе нравственных и разумных начал» (слова автора статьи)

Для правильного уяснения статьи о «Военных гимназиях» прилагаю, как послесловие, выдержку из капитального труда А. А. Керсновского «История Русской Армии», часть II, стр. 400-401, касающуюся затронутого вопроса:

«Шестидесятые годы ознаменовались еще другой реформой — военно-учебной.

Воспитанный в частном пансионе, не имевший солдатского сердца, Милютин видел в военно-учебном деле лишь одну сторону, **образовательную.**

Но он прошел мимо другой, главной, стороны — **воспитательной,** совершенно ее не заметив. Он думал, что штатский гувернер вполне заменит офицера-воспитателя и не понимал всей важности быть «Смолоду и всей душой в строю».

В 1863 году последовал полный разгром Кадетских Корпусов. Из 17-ти оставлено 2, — Пажеский и Финляндский. Остальные преобразованы: 12 — в «военные гимназии», а 3 — в пехотные военные училища — Павловское, Константиновское в Петербурге и Александровское в Москве...

В эти военные училища вошли и специальные классы упраздненных корпусов.

Военные гимназии были заведениями с чисто гражданским укладом жизни: в них отменены строевые занятия, роты названы «возрастами», упразднены звания фельдфебелей и вице-унтер-офицеров.

Офицеры-воспитатели в значительной степени заменены штатскими. Милютин показал себя в этой неудачной реформе плохим психологом.

В прекрасных Николаевских корпусах учили не хуже, а воспитывали гораздо лучше, чем в гражданских учебных заведениях. Из них выходили цельные натуры, твердые характеры, горячие сердца, с ясным, твердым и трезвым взглядом на

жизнь и службу. В эпоху разложения общества, какой явились 60-е и 70-е годы, ими, старыми корпусами, с их славными традициями, надо было особенно дорожить.

Заранее приношу благодарность за помещение моего письма в следующем номере «Переклички».

Ташкентского, Наследника Цесаревича
Кад. Корпуса, выпуска 1918 г.
С. Сосье,

Редактору «Кадетской Переклички»

Прилагаю конец доклада А. Стацевича «О последнем русском национальном флаге», который не был напечатан в № 32-ом журнала.

«Я предлагаю нашему новому Правлению оповестить все наши Кадетские Объединения о необходимости иметь одинаковые наши новые Российские флаги. У нас кадет не может быть разномыслия по этому вопросу. Попутно с этим оповещением нужно было бы ознакомить их об истории и происхождении этого флага, флага завещанного нам волею Государя Императора Николая II. (Ныне святого Царственного Новомученика)».

А. Стацевич.

От Редакции: Конец доклада не был напечатан т. к. он не является частью интересного доклада о Новом флаге, а был рекомендацией Правлению Объединения принять предложенные автором мероприятия. Мы полагали, что автору следовало обращаться непосредственно к своему Правлению, а не через журнал.

СПИСОК ЖЕРТВОВАТЕЛЕЙ В ФОНД ЖУРНАЛА

Л. С. Финкельштейн 15; А. Амочаев 5; Б. Ганусовский 10; А. Усенко (посмертно) 15; Е. Гирс 10; А. Йордан 5; от Р. С. 50; «Лена Гинтер в добрую память Юрия Гинтера и Васи Турчанинова» 100; Лидия Н. Левандовская 15; И. Донцов 5; В. и Л. Зозулины 10; Н. Воробьев 15.

Всем жертвователям выражаем глубокую благодарность.

ИСПРАВЛЕНИЕ

В некрологе «Памяти полк. В. К. Федорова», помещенном в № 38-ом по вине редакции покойный был два раза ошибочно назван Владимиром. Имя покойного Виктор Константинович.

Редакция сожалеет об этой ошибке и приносит извинения вдове покойного Елизавете Рейнхольдовне.

—

В списке представителей журнала в разных городах и странах напечатанным в № 38, города указанные впереди адресов наших представителей в Сан Франциско и Лос Анжелесе переставлены. В адресах города указаны правильно. Просим внести это исправление в ваш номер журнала.

—

Владимир Александров кадет 26-го выпуска 1-го Русского кадетского корпуса сообщает свой адрес, желающим вступить с ним в переписку.

Vladimir Aleksandrov
26354 — Dobrica
Yugoslavia

Вечная память

ушедшим однокашникам

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

В Загребе (Югославия) 1 июня с. г. скончался

ИВАН АФАНАСЬЕВИЧ БЫКАДОРОВ

кадет Донского Императора Александра III кадетского корпуса.

—

В Вашингтоне 2 июня с. г. скончался

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ РАЛЛИ

кадет 1-го Русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса.

—

В Сан Франциско 31 мая с. г. скончался

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ НЕКЛЮДОВ

кадет 3-го Московского Императора Александра II кадетского корпуса.

—

В Калифорнии 3 января с. г. скончался

ЮРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ПОТЕМКИН

кадет Первого Кадетского и Морского корпусов.

—

В Калифорнии 2 мая с. г. скончался

МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ БИБИНОВ

кадет 2-го Московского Императора Николая I кадетского корпуса.

—

В Сан Паоло (Бразилия) 22 июля с. г. скончался

СВЯТОСЛАВ ВСЕВОЛОДОВИЧ ГОЛУБИНЦЕВ

кадет Орловского и Николаевского кадетских корпусов. Покойный по окончании Николаевского Кавалерийского училища вышел в 11-й Гусарский Изюмский полк. Кадетское Объединение в Бразилии выражает глубокое соболезнование вдове Милице Степановне и дочери Елене Святославовне.

—

Каракасе (Венецуэла) 6-го июня с. г. скончался инженер

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОМЕРЩИКОВ

Вице-фельдфебель XI выпуска 1-го Русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса.

—

ПАМЯТИ А. И. ДАНИЛОВА

Архитектор Александр Ипполитович Данилов родился 10 февраля 1910 г. в Ростове на Дону в военной семье. По окончании гражданской войны семья покойного осела в Югославии в Белграде. Среднее образование Александр получил в Крымском кадетском корпусе, а после его расформирования в Донском Императора Александра III кадетском корпусе, где провел последний учебный год. Получив аттестат зрелости покойный записался на Технический факультет Белградского университета, который закончил с дипломом Архитектора.

Со студенческих лет покойный был активным членом Национально-Трудового Союза (НТС), что и повлияло на его решение не покидать Европу после окончания Второй мировой войны. В Германии в Бад-Хамбурге 4-го января 1985 г. настигла его смерть. Ушел от нас, отдавший всю свою сознательную жизнь служению России, честный, скромный, верный сын своей родины.

Мир праху Твоему, дорогой друг.

Вдове, сестре и племяннику покойного кадеты выражают искреннее соболезнование.

—

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДОРОГОГО ДРУГА.

6-го июня в городе Каракасе, в Венецуэле, скоропостижно скончался кадет 1-го Русского Великого Князя Константина Константиновича Кадетского Корпуса

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ ДОМЕРЩИКОВ.

Покойный родился 17-го марта 1912-го года в Петербурге, эвакуировался с семьей в 1920 году и, попав в Югославию, вскоре поступил в корпус в Сараево, который кончил вице-фельдфебелем XI выпуска в 1931-м году в Белой Церкви.

По окончании корпуса Коля поступил в Лувенский университет в Бельгии, где учился один год, после чего вернулся в Югославию и поступил на строительный факультет Белградского университета, который закончил в 1938-м году.

После окончания университета Коля отбывал воинскую повиность в школе артиллерийских резервных офицеров и был произведен в чин резервного подпоручика. Во время войны он был мобилизован, попал в плен, был освобожден, уехал в Германию и работал инженером в Берлине, где был ранен в бомбардировке.

Перед концом войны ему удалось соединиться с семьей в Тироле. Там он женился в 1945-м году на Марии Александровне Хитрово.

Вскоре он с женой выехали в Венецуэлу, куда понемногу съехалась вся его многочисленная родня. Тут у Домерщиковых родились две дочери, Елена и Мария.

Смерть Коли большой непоправимый удар для его семьи, для его родственников и для венецуэльского Объединения, председателем и вице-председателем которого был он многие годы. Мы потеряли друга и товарища, которого все любили и уважали. Вокруг его высокой фигуры все мы объединялись не только воспоминаниями давно минувших дней. Нас объе-

диняли также его бесспорный авторитет, его спокойный и рассудительный характер, его тонкое чувство юмора, его поэтический талант.

Коля принимал деятельное участие в жизни венецуэльского Объединения. Он был одним из его основателей, и организатором двух наших Съездов, последнее время его вице-председателем.

Венецуэльское Объединение потеряло своего правофлангового, друга и товарища, носившего незримые погоны с такой любовью и с таким достоинством.

Да будет же легка тебе, дорогой Коля, венецуэльская земля и да пошлет тебе Господь Вечную Память...

Семье и родственникам покойного выражаем искреннее соболезнование и сочувствие в постигшем их, и всех нас, горе.

Правление Объединения Кадет
Российских Кадетских Корпусов в Венецуэле.

—

ВЕНОК НА МОГИЛУ БЕЛОГО ВОИНА.

Объединение кадет российских кадетских корпусов за рубежом, имени Е.И.В.Вел. Княгини Ольги Александровны, в г. Торонто, Канада, с прискорбием сообщает о кончине 16 февраля 1985 г. в городе Торонто своего долголетнего и старейшего члена объединения, капитана

БОРИСА ЛЕОНИДОВИЧА ОРЕШКЕВИЧА,

кадета Владимирского-Киевского кадетского корпуса.

Борис Леонидович родился в 1898 году в г. Житомире, где стоял полк в котором служил его отец. Образование свое Борис Леонидович получил в Киевском кад. корпусе, который окончил весной 1915 г. и сразу, без летних каникул, т. к. шла война, поступил в Константиновское Артиллерийское Училище. Закончив ускоренный курс в артиллерийском училище и получив первый офицерский чин, Борис Леонидович, как истинный патриот и верный присяге царю, рвется на фронт в действующую армию. Революция и начало гражданской войны застало его на Румынском фронте. Там же Борис Леонидович присоединился к отряду полковника Дроздовского, шедшего на соединение с главными силами добровольческой армии в Новочеркасск. В рядах Белой армии Борис Леонидович прошел весь ее тернистый путь от Крыма, Галлиполи и до Болгарии.

Из Болгарии Борис Леонидович с женой, Ниной Ивановной, переселились в Герцогство Люксембург, где прожили много лет. В 1955 году Борис Леонидович с семьей переселился в Канаду. В Торонто Объединение Кадет с радостью приняло его в свою кадетскую семью. Долгие годы Борис Леонидович был секретарем кадетского объединения и представителем журнала «Военная Быль» и газеты «Вестник», издаваемых в Париже. Борис Леонидович по духу был настоящим кадетом; часто вспоминал о жизни в родном корпусе, поддерживал связь со своими однокашниками, был убежденным монархистом, любил Родину и тосковал по ней. Будучи глубоко верующим человеком он много потрудился для благолепия нашего Св.-Троицкого храма украсив его большими киотами, которые сам сделал и художественными витражами.

Последние годы Борис Леонидович болел и очень ослабел. Он очень тосковал по любимой родине-России, куда он мысленно переносился.

В воскресенье 17 февраля 1985 г. в Св. Троицком храме. во время панихиды, кадеты нашего объединения у гроба, покрытого русским национальным флагом несли почетный караул. Похоронен Борис Леонидович на кладбище Св. Троицкого монастыря в Джорданвиле, США.

Да будет ему легка земля на чужбине!

Объединение кадет в г. Торонто выражает глубокое соболезнование супруге Нине Ивановне, дочерям Елизавете Борисовне и Наталии Борисовне с семьями.

—

ДУШИ ИХ ВО БЛАГИХ ВОДВОРЯТСЯ.

Удар за ударом наносит Провидение маленькому, но дружному объединению кадет в Венецуэле. 5-го апреля скончался кадет 13-го выпуска Крымского и 44-го выпуска Донского Кадетских Корпусов Василий Александрович Турчанинов, а через день, 7-го апреля ушел в лучший мир кадет 42-го выпуска Донского и 11-го выпуска Первого Русского Корпусов Иван Иванович Казнаков. Оба похоронены на кладбище города Валенсия при большом стечении друзей и знакомых, в присутствии всех членов объединения, имевших возможность прибыть из Каракаса, до которого пути около трех часов. Председатель объединения Б. Е. Плотников покрыл оба гроба русским флагом, а к венкам прикрепил ленты корпусных цветов. Отпевал покойных их товарищ по корпусам Протоиерей о. Сергий Гуцаленко.

ВАСИЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ТУРЧАНИНОВ

по окончании корпуса был принят в югославское военное училище, по окончании которого был выпущен в чине подпоручика в саперные войска. Фортифицировал северную границу, честно воевал, защищая свою вторую родину, оказался в немецком плену, как и подавляющее большинство офицеров. При первом же призыве, немедленно вступил в русские добровольческие отряды, боровшиеся против советских партизан. Был тяжело ранен, с угрозой потерять руку. В госпитале города Борисова его неоднократно посещал Иван Иванович Казнаков, в то время руководивший торфяной фабрикой вблизи Бобруйска. По выздоровлении Вася вступил в казачью дивизию, позднее 15-ый кавалерийский корпус генерала фон Панвица, где был повторно ранен, в силу чего избежал казачьей трагедии — выдачи казаков Советскому Союзу. В Венецуэлу Вася прибыл со своей

первой женой, подарившей ему сына и скончавшейся при родах второго ребенка. Используя свои технические знания, Вася немедленно начал работать строителем, участвуя или руководя постройкой многочисленных зданий в Каракасе и Валенсии. Знания, опыт и добросовестность заслужили ему глубокое уважение инженеров, техников, подрядчиков и заказчиков, обеспечив одновременно материальное благополучие. Вторым браком Вася женился на Зиновии Борисовне Нелюбовой, удочерив ее дочь Милочку. От этого брака родились еще две дочери Лиза и Катя. Создав дружную и любящую семью, супруги Турчаниновы сумели воспитать и дать образование всем своим детям, надежно обеспечив их будущее. В последние годы радовался Вася и своим внукам. Будучи одним из основателей кадетского объединения в Венецуэле, Вася неизменно принимал участие в его жизни, приезжая на собрания в Каракас из далекой Валенсии. Всегда спокойный, выдержанный, дружелюбный, Вася был кадетом в полном смысле этого слова и уход его — большое горе для всей нашей дружной кадетской семьи.

—

ИВАН ИВАНОВИЧ КАЗНАКОВ

для всех его друзей милый Вава, был сыном преподавателя Донского Корпуса капитана второго ранга И. Н. Казнакова. Все пять братьев Казнаковых начали свое образование в этом Корпусе, а Вава провел в нем восемь лет, начиная с младшего приготовительного и кончая шестым классом, после которого был переведен в Первый Русский Корпус. Казачья среда безоговорочно признала его своим, когда на вопрос о том казак ли он или иногородный, он смутил ее ответом — я моряк. В 1936 году Вава окончил Лесной Факультет Белградского Университета, получив звание инженера лесовода. До начала войны работал по специальности в Боснии и успел жениться на Людмиле Васильевне Бодиско, с которой счастливо про-

жил всю свою жизнь, имея двух детей, сына Владимира и дочь Милицу, родившуюся уже в Венецуэле. Будучи призван в югославскую армию в начале войны, как офицер запаса, Вава попал в плен, где встретился и подружился с Васей Турчаниновым. Отозвавшись на призыв принять участие в борьбе с коммунизмом, Вава был отправлен в Белоруссию, где работал по своей специальности, ведая заводом по изготовлению торфяного топлива для населения. Окончил же войну в рядах Русского Корпуса на должности офицера-переводчика. По прибытии в Венецуэлу, Вава поступил на службу по своей специальности, но сравнительно скоро должен был ее оставить, т. к. правительство убедилось в том, что инженеры лесоводы нужны для рационального использования лесных богатств, а при их организованном расхищении, являются лишь помехой. Начались тяжелые годы работы в провинции в роли топографа, пока русский главный инженер табачной фабрики в Маракае, Ю. А. Тарала, не пригласил Ваву на роль своего помощника. На упоминание Вавы о том, что он лесовод, а не механик, Ю. А. Тарала ответил, что русский инженер, у которого глаз — алмаз, может вести любую работу, в чем и не ошибся, т. к. Вава, напряженно трудясь, освоил новую профессию и, по отбытии Ю. А. Тарала в Соединенные Штаты, занял его должность, руководя деятельностью шести молодых инженеров. Заботливый и любящий муж и отец, сумел Вава создать хорошую русскую семью, теперь так горестно осиротевшую. Как и Вася Турчанинов, Вава был любимым и уважаемым членом кадетской семьи в Венецуэле, старейшим донцом в ее составе, неизменно отзывавшемся на ее горести и радости.

Ушли в лучший мир два настоящих русских человека, с детства впитавших в стенах своих корпусов все те чувства и качества, которые отличают русских кадет: любовь к России, верность долгу, неизменную порядочность, товарищество, спайку. Осиротели две семьи, венецуэльское объединение, все друзья кадеты, рассеянные по свету.

Низко склоняясь перед двумя новыми могилами на скромном валенсийском кладбище, редакция «Кадетской Переклички» от лица всех российских кадет просит принять выражения своего глубокого сочувствия семьям покойных Зиновии Борисовне, Якову Васильевичу, Милочке, Лизе и Кате Турчаниновым, Людмиле Васильевне, Владимиру Ивановичу и доктору Милице Ивановне Казнаковой-Аусманас, как и брату

Вавы Петру Ивановичу, проживающему в Югославии.

Верим, что дети и многочисленные внуки усопших сохранят «память их в род и род».

—

ПАМЯТИ ИГОРЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЛЕВИКОВА.

Игорь Владимирович Левиков родился в военной семье в г. Вильно и хотя не был Кадетом легко стал в строй нашего бельгийского объединения. Он и его супруга Вера были мои лучшие помощники не пропустившие ни одного собрания в клубе. В 1937 году Игорь с отличием окончил университет в Лувене и получил диплом инженера-химика.

Еще в воскресенье 3 марта мы с женой и сыном провели день в семье наших лучших друзей Левиковых в Антверпене. Было весело, строили планы на будущее. А в среду 6-го марта Вера сообщила нам что Игорь скоропостижно скончался. Отпевали покойного в греческой церкви при большом стечении друзей. Гроб был покрыт национальным русским флагом и Кадетское Объединение возложило венок с надписью:

«Верному другу кадеты княжеконстантиновцы.

Объединение кадет Российских Кадетских Корпусов в Бельгии выражает искреннее сочувствие супруге Вере Владимировне и дочерям Людмиле и Марине с семьями. **Г. Гуторович.**

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВИЧ МАРТЬЯНОВ.

Некролог.

Шура Мартьянов — сын полковника Дмитрия Павловича Мартьянова, фактического основателя Хабаровской Приготовительной Школы, которая впоследствии была развернута в Хабаровский Кадетский Корпус, о чем подробно говорится в «Памятке Х.К.К.», изданной А. Д. Мартьяновым в 1977 году,

родился 12 августа 1906 года. Окончил Хабаровский корпус уже в Шанхае в 1923 году. В следующем году несколько сот хабаровцев и омичей, вместе с частью персонала и окончивших кадет, переехала в Югославию — тогдашнее королевство сербов, хорватов и словенцев. А. Д. окончил в г. Крагуевце слесарно-монтажные курсы и стал работать на военном заводе слесарем. Жизнь в Крагуевце для кадет была скучной и неинтересной. Но здесь был Мартьянов.

Обладая недюжинным талантом артиста и режиссера, он создал театральный кружок, привлекая на сцену людей никогда на ней не бывавших и превращая их в настоящих артистов. Работая на заводе чертежником, Мартьянов все вечера отдавал театру.

В 1937 году переехал в Белград и получил должность кассира в большом банке. В следующем 1938 году женился на харьковской институтке и своей землячке по Хабаровску Лидии Петровне Супранович. Их единственная дочь Аня и поныне здравствует в штате Индиана.

Вспыхнула война. Одним из первых А. Д. отозвался на призыв генерала Скородумова и поступил в Охранный Корпус. Окончив юнкерские курсы получил чин подпоручика, но находился на положении командира взвода в чине лейтенанта.

Май 1945 года. Переход австрийской границы, сдача оружия, начало лагерной жизни. Почти с первых дней, сначала под Клагенфуртом в палатках, а позже в бараках Келлерберга, Мартьянов стал работать над созданием театра. Английское командование предоставило для этой цели большой барак, где под руководством А. Д. руками корпусников была построена сцена и даже нечто вроде лож для начальства. Получив от англичан почти полную свободу действий, А. Д. привлек артистов, организовал оркестр и с участием других талантливых соратников принялся за постановки спектаклей, один удачнее другого. Помимо классических пьес Островского и Гоголя и других, ставились и оперетты, на которые приходили и англичане, не понимавшие ни слова по-русски, но с удовольствием прослушивавшие всю программу, поражаясь великолепием, по тем временам, костюмов, отличному струнному оркестру и блестящей игре артистов под руководством Александра Дмитриевича.

Об этой почти шестилетней деятельности А. Д. Мартьянова можно было бы написать целую книгу. Английские лагерные власти, хотя как будто и поощряли «самодеятель-

ность»», часто проявляли неожиданное упорство и оказывали порой сопротивление самым скромным начинаниям. Бедному А. Д. приходилось проводить иногда долгие часы в приемной коменданта в ожидании решения по тому или другому вопросу. Для энергичного и деятельного человека каким был А. Д. часы бессмысленного ожидания были настоящей мукой, которую он все же стоически переносил. В большинстве случаев ему удавалось добиться того, чего он желал.

«Русский Театр» в Келлерберге вскоре приобрел известность, и артистов стали приглашать в другие лагеря и расположения русских, куда и приезжала вся труппа на гастроли. В самом лагере Келлерберге, где для лагерников тянулись бесконечные томительные дни ожидания расселения в другие страны, театр оказался той отдушиной, которая давала возможность отойти от лагерной скуки, полуголодного пайка и неизвестности и окунуться в царство искусства. По своему значению театр, созданный Мартьяновым, являлся вторым после церкви, построенной теми же мастерами, что создавали сцену и декорации в театре; это не позволяло русским воинам впасть в уныние или предаваться отчаянию.

Поэтому роль театра и его создателя и вдохновителя, кстати глубоко религиозного и верующего человека, каким был покойный А. Д., была оценена не только лагерными жителями, но и начальством во главе с полковником Рогожиным.

В свое время один из лагерных поэтов сказал: «Пройдем в театр, там царствует Мартьянов...».

И действительно, многим обязаны лагерники Мартьянову!

В 1951 году семья переехала в Соединенные Штаты и поселилась в Лейквуде, где А. Д., конечно, снова занялся театральной деятельностью. Долгих 8 лет пришлось ему опять трудиться на фабрике, но в конце концов он и супруга Лидия Петровна получили предложение на должность преподавателей русского языка в военной школе воздушного флота при университете штата Индианы.

Здесь исключительный талант А. Д. дал ему возможность не только развить театральную деятельность среди студентов, но и стать специалистом правильного произношения. Тогда же он поставил «Женитьбу» Гоголя, причем все роли исполнялись учениками, занимавшимися русским языком всего 9 месяцев.

Не прошло и года как его пригласили в университет. Там он вел особые занятия в «Фонетической Клинике», занимался

со студентами литературой и одновременно ставил спектакли, обратившие на себя всеобщее внимание.

Выйдя на пенсию А. Д. посвятил все свободное время изданию «Памятки» Хабаровского Корпуса.

Отдавая всего себя целиком работе, будучи от природы чрезвычайно требовательным к другим, но больше всего к самому себе, он подорвал свое крепкое здоровье. Развился артериосклероз, преследовавший его последние годы. Потом — апоплексический удар. А. Д. немедленно отправили в госпиталь. Но было поздно. Проведя пять недель без сознания и никого не узнавая А. Д. скончался 20 октября 1982 года, 76 лет отроду.

Многочисленные друзья, коллеги и студенты университета собрались проводить его на место вечного упокоения. Похоронен на местном городском кладбище.

Царство небесное и вечный покой кадету, белому воину и большому русскому человеку!

Пусть этот некролог будет одним из букетов на могилу друга, соратника и кума от Константина Синькевича и крестной Веры Синькевич.

К. С.

—

Памяти
ЕКАТЕРИНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ АЛФЕРОВОЙ
(ур. Мурзиной)

Как неожиданно оставила ты нас, дорогая Катя. Ты вернулась после вторичной тяжелой операции полная надежды и радости начать нормальную жизнь среди нас. За последние 35 лет в Аргентине мы близко сошлись. Ты была дорогим другом, готовая в тяжелые минуты помочь всем, кто нуждался в твоей поддержке. Мы все тебя помним правдивой и доброй и сохраним память о тебе в наших сердцах.

Шуре и моей крестной дочери, Леночке, выражаю искреннее сочувствие и глубоко скорблю вместе со всеми вами. **Вера Волкова**
(ур. Соканова)

Объединение Кадет Российских Кадетских Корпусов за рубежом выражает всему русскому православному зарубежью свое глубокое соболезнование по случаю кончины Высокопреосвященного Митрополита Филарета, Первоиерарха Русской Православной Зарубежной Церкви, отошедшего в лучший мир 21 ноября 1985 года в день Архистратига Божиего Михаила.

Printed by "Monastery Press". 8011 Champagneur Ave., Montreal,
Quebec. H3N 2K4. CANADA.